

„ВЕЛИКАЯ
ХРОНИКА“
О ПОЛЬШЕ,
РУСИ
И ИХ
СОСЕДЯХ
XI-XIII вв.

Издательство
Московского
университета

CHRONICA
POLONIAE
MAIORIS

„ВЕЛИКАЯ
ХРОНИКА“
О ПОЛЬШЕ,
РУСИ
И ИХ
СОСЕДЯХ
XI–XIII вв.

CHRONICA
POLONIAE
MAIORIS

MONUMENTA
POLONIAE
HISTORICA

„ВЕЛИКАЯ
ХРОНИКА“
О ПОЛЬШЕ,
РУСИ
И ИХ
СОСЕДЯХ
XI–XIII ВВ.

Под редакцией
члена-корреспондента АН СССР
В.Л. Янина

Издательство
Московского университета
1987

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв.: (Перевод и комментарии) / Под ред. В. Л. Янина; Сост. Л. М. Попова, Н. И. Щавелева. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. — 264 с.

Книга представляет собой первый русский перевод одной из крупнейших польских средневековых хроник, мало известной в советской исторической литературе. Хроника — ценный источник по истории Польши и Древней Руси XI—XIII вв., уникальный памятник борьбы прусского, литовского, польского и русского народов за независимость против крестоносцев и монголо-татарских полчищ — содержит также важные сведения о событиях политической жизни Европы той эпохи. Издание снабжено предисловием и обширными комментариями.

Для специалистов-историков и филологов, а также читателей, интересующихся историей нашей Родины.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:

чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто,
чл.-корр. АН СССР А. П. Новосельцев,
науч. сотр. Института Истории СССР
АН СССР А. В. Назаренко

Перевод *Л. М. Поповой*,
вступительная статья и комментарии *Н. И. Щавелевой*

*Памяти
Владимира Терентьевича
Пашуто
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человечество всегда заботилось о потомках. Яркая, наполненная событиями жизнь не должна была исчезнуть из памяти вместе со стремительным бегом времени. Уже в глубокой древности сознание людей беспокоила мысль о необходимости передать в будущее накопленный опыт, осведомить последующие поколения о главных событиях прошлого. Письменным мостиком, соединившим прошлое, настоящее и будущее, стали погодные записи.

Анналы, хроники и летописи в своем названии несут отпечаток времени. «В лето...» — начинаются статьи русских летописей. Латинским словом *Аппо* (в год) открываются записи анналов, а от слова *гок*, также означающего «год», ведут название польские рочники. Обогащенные пространными описаниями, легендами и поучениями анналы средневековья получили наименование, восходящее к греческому слову *χρόνος* (время). Исторические произведения, предусматривающие хронологическое изложение событий, стали считать хронографическими¹.

Средневековые хроники подводили к современности постепенно, традиционно начиная историю мира с библейских времен. Для убедительности датировались легендарные события, а отечественная история вплеталась в широкую канву всеобщей². Непременным признаком «всемирных хроник» было наличие большого количе-

¹ См.: Бикерман Э. Хронология древнего мира. — М., 1975. — С. 57.

² В Древней Руси «хроника мира» имела соответствия как в летописях, так и в хронографах, памятниках энциклопедического характера, дополненных научно-познавательными сведениями (см.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. — Л., 1975. — С. 8 и сл.; Он же. Задачи и перспективы издания хроник и хронографов//Летописи и хроники. — М., 1976. — С. 189).

ства этимологических пояснений, пространных этногеографических экскурсов.

В глубинах прошлого летописцы отыскивали прародителей правящих династий. Народы и государства получали своих легендарных основателей. Подобно тому как родоначальником римлян признавался Ромул, мифический царь и основатель Рима, считалось, что паннонцы ведут свое происхождение от Пана, славяне — от Слава, чехи — от Чеха, лехиты (т. е. поляки) носили имя праотца Леха и т. д. Имена мифических героев Кия, Крака, Вислава и других обращались в топонимы, обосновывавшие исторические права народа на занятые территории³. Описание прошедших времен заимствовалося из сочинений античных и христианских авторов, а также из трудов предшествующих хронистов.

Зарождение польской хронографии относится к первым векам существования Древнепольского государства. Географическое положение Польши, отдаленность от крупных европейских центров затрудняли проникновение латинской культуры на ее земли. Только в конце X в. после христианизации Польши при дворе князя Болеслава Храброго (966—1025) возникли первые анналы. Предполагают, что они принадлежали перу некоего представителя церковной среды, возможно, епископа Иордана⁴. При Болеславе Кривоустом (1085—1138) окончательно оформилась княжеская канцелярия⁵. XII век — время быстрого освоения достижений культуры. Княжеский двор, привлекавший на службу священнослужителей, становился средоточием политической и духовной жизни страны. Отчетливо обозначилось стремление к увековечиванию местной династии. Оно и обусловило появление первой польской хроники, написанной монахом-бенедиктинцем Галлом Анонимом. Устные сказания о династии Пястов и Болеславе Кривоустом Галл облек в форму так называемых деяний «Gesta», распространенных в средневековье. Со временем зависимость между изменениями в государствен-

³ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. — М., 1982. — С. 100 (далее—Развитие этнического самосознания...).

⁴ Labuda G. Główne linie rozwoju rocznikarstwa polskiego w wiekach średnich//KH. — 1971.—Т. 4. — S. 805 n.

⁵ Kętrzyński S. Zarys nauki o documentie polskim wieków średnich. — Warszawa, 1934. — Т. I. — S. 144 n.

ном строе и идейной направленностью исторических сочинений выражалась все очевиднее⁶.

Начало второго этапа польской хронографии связано с именем краковского князя Казимира Справедливого (1138—1194). Время его правления отмечено значительными изменениями в социально-политической жизни страны. Ослабла княжеская власть, выросли претензии феодалов на самостоятельное правление, усилились позиции духовенства, превратившегося в крупную политическую силу. В этот период в польской историографии появилось сочинение, написанное поляком. Выпускник одного из европейских университетов, видный политический деятель, краковский каноник магистр Винцентий Кадлубек создал историческое произведение, глубоко национальное по своей сути. В нем нашли отражение новые политические реалии: ярко выражено стремление возвеличить сильных краковских вельмож (можновладцев), подчеркнуть значение духовенства. Хроника Винцентия, впитавшая в себя лучшие достижения европейской культуры XII в., стала излюбленной книгой его современников и многих поколений поляков. Она неоднократно переписывалась. Выдержки из нее легли в основу средневековых школьных учебников. Ни одно последующее хронографическое сочинение не обошло творение магистра Винцентия своим вниманием.

Третий этап в развитии хронографии Польши характеризуется усилением влияния на историческую литературу происходивших в стране процессов. Неизмеримо расширился культурный горизонт образованного поляка. В конце XIII—XIV в. стали складываться предпосылки для формирования единого польского государства. Возникла потребность в создании труда, обобщающего свидетельства всех ранее написанных произведений. Он должен был содержать полную историю народа и государства Польши и обосновывать необходимость централизованной власти⁷.

Историческое сочинение, которое принято называть Великопольской хроникой, — одно из наиболее крупных произведений древнепольской хронографии этого

⁶ K ũ r b i s ó w n a B. Więz najstarszego dziejopisarstwa polskiego z państwem//Początki państwa polskiego. Księga Tysiąclecia.—Poznan, 1962.—S. 224.

⁷ Dąbrowski J. Dawne dziejopisarstwo polskie (do 1480).—Wrocław, 1964.—S. 125.

периода. Она представляет собой обширнейшую хронику-компиляцию, в которой не только использованы труды предшествующих авторов, но и добавлен значительный новый материал.

Являясь составной частью большого свода документов, великопольский памятник в свою очередь легко поддается членению. Если источники, на которые опирался Галл и Кадлубек, исследователи распознают с трудом, то автор Великопольской хроники сам указывал, что именно и откуда он заимствовал. Таким своеобразным способом подчеркивалась давность историографической традиции, свидетельствующей о происхождении и процветании польского народа.

Составленная из множества материалов, среди которых хроники, анналы, документальные записи, жития святых, рыцарские повести, устные предания, Великопольская хроника вобрала в себя и два основополагающих сочинения предыдущих историографов Польши: хронику Галла Анонима, излагающую историю династии Болеслава Кривоустого до 1113 г., и сочинение Винцентия Кадлубка, в котором история Польши доведена до 1202 г. Возможно, хроника Галла не была среди документов, которыми непосредственно пользовался создатель великопольского памятника. Но она вошла в сочинение Винцентия Кадлубка, ставшего главным источником для автора хроники.

Хронист Великой Польши не только продолжил труд магистра Винцентия с 1202 до 1273 г., но и включил в него новые сведения, почерпнутые из других источников⁸. Освещая события XIII в., он использовал главным образом данные польских анналов. В основном это материал великопольских рочников познаньского и гнезненского капитулов, частично заимствованы малопольские рочники (рочник краковского капитула). Весьма вероятно, что хронист обращался к недошедшему до нас доминиканскому рочнику. Несомненные связи Великопольской хроники с хроникой так называемого Дежвы (XIV в.)⁹.

⁸ Существует точка зрения, что большинство вставок не принадлежит автору Великопольской хроники и заимствовано из не дошедшего до нас более полного текста сочинения Винцентия Кадлубка (Kürbis B. Wstęp do wydania Kroniki Wiekoposkiej//MPH. NS.—Warszawa, 1970.—Т. VIII.—Р. XV).

⁹ Banaszkiiewicz J. Kronika Dzierzwy XIV-wieczne kompendium historii ojczystej. — Warszawa — Wrocław — Kraków — Gdańsk, 1973. S. 78 n.

Свое отражение нашли и народные предания: великопольские легенды о началах правления первой княжеской династии Пястов, эпические сказания, связанные с историей рыцарских родов: силезско-краковская повесть о Петре Властовиче (Piotrconiz Gesta) (гл. 32) и тынецко-вислицкая о Вальтере и Гельгунде (гл. 29). Кроме того, выявлены следы агнографической литературы: жития св. Станислава (гл. 11, 14), жития Петра Власта (гл. 27, 32). Из иностранных источников в первую очередь следует назвать чешскую хронику Далимила (нач. XIV в.), усматривается сходство также с некоторыми немецкими и русскими сочинениями¹⁰.

Получив в свои руки обширнейшую библиотеку исторических памятников, хронист подчиняет ее общему замыслу, выстраивает в русле своих намерений написать историю Польши. Не нарушая строгих норм средневековой историографии, требовавшей бережного отношения к трудам предшественников, он тактично вводит в тексты источников необходимые дополнения, расставляет даты, важные для великопольской истории. Прибегая к методу относительной хронологии, автор связывает легендарных предков и правителей поляков с известными героями библейских и античных времен: Александром Македонским, Юлием Цезарем, Помпеем и др.

Дополнения и переработки Великопольской хроники явились результатом нового периода развития историографии Польши, проникнутой идеологией сильного единого государства. Создание Великопольской хроники предвосхитило появление «Истории Яна Длугоша», которая по праву считается венцом латиноязычной историографии средневековой Европы.

* *
*

Хроника Великой Польши является составной частью большого свода различных материалов, вероятно, подготовленных кем-то для нового обширного исторического сочинения. Свод сохранился в 9 рукописных списках, относящихся к XV в. Кроме хроники, открывающей это собрание, в него также входят анналы,

¹⁰ О возможном использовании польскими хронистами русских источников см.: Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV — XVIII вв. — Л., 1978. — С. 45 и сл.

календари, заметки великопольских капитулов и другие документы. Все материалы объединены общим заглавием «Великая или пространная хроника поляков или лехитов» (*Chronica magna seu longa polonorum seu lechitarum*). Хроника Великой Польши не имеет в рукописях самостоятельного наименования. «Великопольской» ее назвали много столетий спустя¹¹. Основанием для этого послужило высказанное в прологе желание автора сообщить о деяниях князей именно Великой Польши¹², и прежде всего Пшемислава II.

Задаче выделить события, связанные с историей Великопольской земли, подчинена и композиция произведения. Хроника содержит пролог и 164 главы, каждая имеет свой заголовок. Повествование ведется от сотворения мира до 1271 (1273) г.

Сочинение легко разбивается на 2 части. Они не равноценны ни по объему, ни по количеству содержащихся в них сведений. Первая, за исключением пролога, основана на материале хроники Кадлубка. Она посвящена истории польского народа, рассматриваемой с легендарных времен и проведенной сквозь античность и средневековье. Изложение сочинения магистра Винченция доведено до 1202 г. и заканчивается на 50—57 главах. Автор снова возвращается к замыслу пролога и начинает новый цикл повествования. Вторая часть хроники и является собственно историей князей Великой Польши XIII в. Это время, безусловно, более знакомо хронисту, чем предшествующий период. Привлекая материалы польских анналов, автор стремится как можно достовернее описать происходящие события. Поэтому главы, прежде большие, дробятся, содержат всего лишь одно или несколько сообщений. Так, 20—30-м годам XIII в. посвящено 10 глав (до 70 гл.), а 40-м годам — около 30 глав (с 70 по 100 гл.). События 50-х годов рассматриваются еще более подробно — в 40 главах (до 130 гл.). Оставшиеся 35 глав охватывают период 60—70-х годов XIII в. Таким образом, значительная доля «самостоятельной» части сочинения отведена второй половине XIII столетия.

¹¹ Этим названием хроника обязана М. Вармскому (*Warmski M. Die Grosspolnische Chronik.* — Krakau, 1879).

¹² Так назывались земли по средней Варте с крупными центрами Гнезно, Познанью, Калишем и др.

Хроника осталась незавершенной. Она обрывается на сообщении о женитьбе юного Пшемыслава II (1273). Автор не исполнил своего обещания — «деяния и подвиги» Пшемыслава остались неизвестны читателю.

Две части сочинения разнятся также по языку и стилю. Автору чуждо наслаждение всемогущим и подчиняющим сюжетом, которое у магистра Винченция обладает обвораживающей и потому умноженной поучительной силой. Полностью отвергнуть изящный рассказ хронист, по-видимому, не решился, и первой части сочинения присуща некоторая витиеватость. Но после 1202 г. стиль повествования меняется. События излагаются сухим языком аннала. Влияние строгой церковной традиции, бытовавшей в широко распространенных к XIV в. житиях святых и хрестоматиях для духовенства, чувствуется в похвальном слове епископу Богухвалу (гл. 97) и некрологе Пшемыславу I (гл. 118), в описании пророческого видения познаньского епископа и чудес благочестивой Кинги (гл. 68), житии св. Станислава (гл. 98).

Великопольская хроника написана на латинском языке — универсальном языке науки, культуры и религии средневековья, являвшемся привилегией сравнительно небольшой образованной прослойки общества. Великопольское сочинение преодолевает барьер ученой замкнутости. Его латинский язык пестрит этно- и топографическими полонизмами, которые делают содержание более понятным широким слоям общества. Об определенной демократизации речи говорят и вкрапленные в хронику многочисленные толкования непонятных терминов. Для этого автор привлекает народную этимологию, корни которой уходят в античную традицию. Так, имя ветхозаветного Нимрода объясняется как «не меряющий мир» или «не мир». Исходя из значений сходных по звучанию слов в славянских языках этимологизируются названия народов, стран, городов: кашубы, по мнению автора, называются от слова хуба (морщина), Шлезвиг — от славянского названия рыбного соуса «sledz». Объясняя незнакомые понятия, хронист использует и другие, вероятно, знакомые ему языки — греческий, немецкий. Пан толкуется как «всем владеющий» (ср. греч. *πας*, *πᾶσα*, *πᾶν* — весь, целый), Крак связывается с латинским *corvus* (ворон), Бранденбург калькируется с немецкого как Згожелец и т. д.

«Вульгаризация» языка, проникновение в него элементов польской разговорной речи свидетельствуют о том, что хроника создавалась не только для избранного круга интеллектуалов. Она в известной мере подготовила появление исторических памятников, написанных на польском языке.

* *
*

Великопольская хроника ждет своих исследователей. Ни один польский источник до XV в. не является столь сложным и не ставит столько вопросов при его изучении, как хроника Великой Польши. И по сей день окончательно не решен вопрос о происхождении и датировке памятника, о его авторе, не определен инициатор, подготовивший весь свод источников.

Во второй четверти XVIII в. в Лейпциге Ф. Соммерсберг издал полностью собрание материалов «*Chronica magna seu longa polonorum seu lechitarum*» вместе с входящей в него Великопольской хроникой¹³. В центре внимания исследователей оказались два каноника, от своего имени обратившиеся со страниц к читателям. Это были епископ познаньский Богухвал (гл. 89), который рассказал о чудесном видении, явленном ему во сне, и познаньский кустош Годислав Башко (гл. 145), от лица которого написана глава об избрании нового познаньского епископа в 1265 г. В историографии утвердилось мнение, согласно которому Богухвал и продолжатель его повествования Годислав Башко были признаны авторами хроники. Соответственно и произведение датировали временем их жизни — XIII в.

Вскоре чешский источниковед Г. Добнер опубликовал несколько фрагментов из рукописи Великопольской хроники, обнаруженной в библиотеке выдающегося чешского гуманиста XVI в. Яна Годийовского. Этот кодекс не был известен Соммерсбергу и отличался от напечатанного им текста. Так, в прологе хроники, перепечатанном Добнером, отсутствовало предание о Лехе,

¹³ Boguphali Episcopi Posnaniensis Chronicon Polonicum cum continuatione Ioannis Basconis custodis Posnaniensis//Silesicarum rerum scriptores/Conf. F. W. de Sommersberg. — Lipsiae, 1730. — т. II.

Чехе и Русе, подтверждающее историческую общность чешского, польского и русского народов. По мнению Добнера, автор соммерсбергского текста составил легенду о трех братьях под влиянием свидетельств о Чехе и Лехе, имеющих в стихотворной хронике Далимила. Так как время создания сочинения Далимила определяют 1308—1314 гг., то указанный текст Великопольской хроники мог возникнуть только позднее — в XIV в.

Таким образом, Добнер предположил наличие архетипа хроники, написанного в конце XIII в. В пользу ранней датировки свидетельствует также фрагмент из пролога чешской рукописи. В нем князь Пшемыслав II упоминается как «король ныне правящий». В польских рукописях такого уточнения нет. Как известно, коронация Пшемыслава имела место в 1295 г., а в 1296 г. он был убит. Следовательно, можно достаточно точно определить время создания предполагаемого Добнером архетипа.

Рукопись Годийовского, на которую ссылался Добнер, не сохранилась. Поэтому в последующей историографической традиции выводы чешского историка за невозможностью проверки были подвергнуты сомнению.

Великопольская хроника переиздавалась в XVIII в. два раза: в 1752 и 1769 гг., что указывает на усилившийся интерес к этому памятнику польской культуры. Ученые следующего столетия В. Мацеевский¹⁴, А. Белевский¹⁵, Г. Цайсберг¹⁶, С. Смолька¹⁷ поддержали точку зрения Ф. Соммерсберга: датировали хронику XIII в. и считали авторами Богухвала и Башко.

Своеобразием отличалась позиция А. Мозбаха¹⁸: он считал автором хроники только Годислава Башко, от-

¹⁴ Maciejowski W. A. Słowo o krytycznym wydaniu kronikarzy polskich//Biblioteka Warszawska. — Warszawa, 1846. — T. I. — S. 462 — 464.

¹⁵ Bielowski A. Wstęp krytyczny do dziejów Polski. — Lwów, 1850. — S. 157—168; Kronika Boguchwała i Godisława Paska/opracował W. A. Maciejowski; wydał A. Bielowski//MPH.—Lwów, 1872 — T. II. — P. 454—466.

¹⁶ Zeissberg H. Die polnische Geschichtsschreibung des Mittelalters.—Leipzig, 1873. — S. 99 — 106.

¹⁷ Przewodnik Naukowy i Literacki. — 1873. — Z. 4. — S. 11.

¹⁸ Mosbach A. Godysław—Paweł, dwóch imion dziejopisarz polsko-laciński wieku trzynastego.—Lwów, 1867.

вергая познаньского епископа. Его мнение разделял А. Малецкий¹⁹. Исследователь старался найти познаньского кустоша Годислава Башко (последнее документальное упоминание о нем относят к 1269 г.) среди каноников, занимающих другие церковные должности. В частности, Малецкий идентифицировал его с неким Гославом, гнезненским архиепископом в 1283 г. Однако современный исследователь Ясиньский счел его предположение несостоятельным и привел аргументированные доводы, доказывающие, что Гослав и Башко являются разными лицами²⁰.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась вступлением в источниковедческую науку представителей немецкой школы Г. Вайтца, разработавшей новые методы исследования источников. До сих пор исторический памятник изучался только путем сопоставления рукописей, теперь же в основе его исследования лежал анализ источников информации, структуры текста и хронологии²¹. Великопольская хроника рассматривалась уже не как отдельное произведение, а как составная часть большого сборника материалов. Такой подход утвердил позиции сторонников гипотезы «четырнадцатого века». Внимание ученых сосредоточилось на отыскании автора, описавшего или дополнившего хронику в XIV в. М. Вармский²², внимательно проанализировав текст, пришел к заключению, что хроника в основном возникла в конце XIII в., а окончена и дополнена была во второй половине XIV в. Причем обращения Богухвала и Башко от первого лица — главные доказательства версии «тринадцатого столетия» — Вармский счел упущением компилятора, для которого Великопольская хроника была не единственным источником его труда. Исследователь предположил, что автором хроники, а также составителем всего собрания «*Chronica magna*» мог быть королевский подканцлер Янко из Чарнкова. Хроника последнего, наряду с другими материалами

¹⁹ Małeckie A. *Kronika Baszka, czyli tzw. Kronika wielkopolska*//KH. — 1894. — Т. 8. — С. 1—23.

²⁰ Jasiński K. W kwestii autorstwa *Kroniki Wielkopolskiej*//StZ.—1957.—Т. 1.—С. 219—231; Kürbis B. *Wstęp do wydania...*—P. XXVI; Idem. *Kronika Wielkopolska*//SSS.—1964.—Т. II.—Cz. I.—С. 522—523.

²¹ Kürbis B. *Wstęp do wydania...*—P. VII.

²² Warmński M. *Op. cit.*

входила в состав этого свода. Точку зрения М. Вармского поддержали немецкий историк М. Перльбах²³ и польский исследователь В. Кентшинский²⁴.

В XX столетии вопрос об авторстве и времени возникновения Великопольской хроники остался открытым. В конце 20-х годов французский историк П. Давид²⁵ вновь поддержал мнение о датировке памятника XIII в. Он выступил с попыткой защитить авторство Годислава Башко, основываясь на данных чешской рукописи и документального свидетельства 1339 г. В последнем имелась ссылка на польские хроники, удостоверяющие владение крестоносцами Хелминской землей при Конраде Мазовецком. Об этом сообщает лишь Великопольская хроника, поэтому П. Давид пришел к выводу, что она должна была существовать до этой даты.

Много сделано в области изучения Великопольской хроники в послевоенный период. Выдающийся польский медиевист Г. Ловмянский подверг критике непроверенные фрагменты Добнера и предположил, что пролог был искусственно сокращен самим чешским ученым. Ловмянский считал, что отсутствие в фрагментах Добнера упоминания о лехитах указывает на то, что он намеренно щадил патриотические чувства чешского читателя, оставляя первенство за хроникой Далимила²⁶. Основываясь на авторском единстве всего пролога, неудачно измененного Добнером, Ловмянский относил время написания хроники к XIV в. По его мнению, Великопольская хроника является «произведением одной редакции второй половины XIV в., отличительной чертой которой стала заинтересованность не только общей историей Польши, но и региональной, что совпадает с политическим климатом Великой Польши»²⁷.

²³ Perlbach M. Die Grosspolnischen Annalen//Preussischpolnische Studien. — Halle/S., 1886. — Т. II. — С. 41—70.

²⁴ Kętrzyński W. O rocznikach polskich//RAUhf. — 1897. — N. 34. — С. 166—185; Idem. O Kronice wielkopolskiej//RAUhf. — 1896. — N. 33. — С. 1—52.

²⁵ David P. La date et l'auteur de la chronique de Grande Pologne//Études historiques et littéraires sur la Pologne médiévale. — Paris, 1929. — Т. III.

²⁶ Łowmiański H. Kiedy powstała Kronika wielkopolska?//PH. — 1960. — Т. 51. — С. 398 — 410.

²⁷ Ibid. — С. 405 — 407.

Вопрос об авторстве не был окончательно решен ученым.

Другой польский исследователь Я. Домбровский, сопоставив все польские источники до XV в., пришел к выводу, что Великопольская хроника написана скорее всего в XIV в. Янко из Чарнкова. Являясь каноником познаньским, гнезненским, вроцлавским и краковским, а также королевским подканцлером, Янко имел дело со всеми польскими церковными кафедрами. Следовательно, он мог собрать воедино такой значительный материал, каким является «Chronica magna»²⁸. Домбровский подкрепил свою позицию убедительными доказательствами. Он отметил особый интерес безвестного редактора XIV в. к Западному Поморью и польско-поморским связям (более четверти всей хроники посвящено событиям в поморских землях и в примыкающих к нему польских княжествах). Это становится понятным, если считать автором Янко из Чарнкова, который был привлечен Казимиром IV на службу в канцелярию именно как знаток западнопоморских событий²⁹. В пользу Янко, по мнению Я. Домбровского, говорят и сообщения хроники о граде Любуше и любушском епископстве в Западном Поморье, организованном для латинян, проживающих на Руси. Сведения Великопольской хроники более пространны, нежели имеющиеся в рочниках познаньского капитула. Только Янко из Чарнкова, находивший убежище в годы изгнания (ок. 1371) у любушского епископа Петра, мог дать такую подробную информацию³⁰. Кроме того, ученый обратил внимание на детальное описание территорий, расположенных в устье Лабы и Одры (города Бремен, Гамбург, Шлезвиг, Мекленбург и др.). Именно эти земли и их история были хорошо известны Янко, проводшему в Шверине и Мекленбурге более 10 лет. Наконец, одинаковая этимология г. Любека (Буковец) в Великопольской хронике и в самой хронике Янко из Чарнкова является еще одним убедительным доказательством авторства подканцлера Казимира Великого³¹.

²⁸ Dąbrowski J. Op. cit. — S. 132.

²⁹ Ibid. — S. 138, 143—147.

³⁰ Ibid.—S. 137; Wojciechowski T. Szkice historyczne jedynastego wieku. — Wyd. 3. — Warszawa 1951. — S. 28.

³¹ Dąbrowski J. Op. cit. — S. 138, 143—147; МРН. — Warszawa, 1961. — Т. II. — Р. 689.

Большая заслуга в области изучения Великопольской хроники принадлежит составительнице и комментатору последнего издания памятника Б. Кюрбис³². Со свойственной ей тщательностью, скрупулезностью и осторожностью исследовательница взвешивает все за и против обеих гипотез.

Среди авторов XIII в. она отдает явное предпочтение Годиславу Башко. Кустош познаньского капитула оставил о себе в хронике больше свидетельств, чем Богухвал. Кроме того, исследовательница предполагает в нем редактора рочника познаньского капитула (с 1247 г.) и одновременно Великопольской хроники. Фрагмент с пророческим видением Богухвала Б. Кюрбис считает типичным для хронографического источника вкраплением «некоего чуда», иллюстративное назначение которого не вызывает сомнений. Однако она допускает участие епископа Богухвала «в создании великопольской программы как ученого, влюбленного в книги, которые он завещал познаньскому костелу»³³.

В пользу гипотезы «четырнадцатого века», по мнению Кюрбис, свидетельствуют фрагменты хроники, повествующие о расселении славян. Исследовательница полагает, что они приведены для доказательства прав Польского королевства на юго-западные славянские земли (что имело большое значение в период Казимира Великого). А их автор был духовным лицом из познаньского капитула — кто-то из окружения либо Андрея из Вислицы (епископа познаньского, а затем в 1348—1356 гг. епископа мекленбургского), либо Янко из Чарнкова³⁴. В то же время вызывает сомнение различие стиля названных отрывков и собственной хроники Янко из Чарнкова. Кюрбис не решает окончательно вопрос об авторстве и времени создания хроники, замечая, что по содержанию авторство хроники могли бы оспаривать все действующие лица документальных свидетельств, сохранившихся в хронике, и «все формально-критические рассуждения о хронике Великопольской

³² Kūrbisówna B. *Studia nad Kroniką wielkopolską*//Pr. KN PTPN. — Poznań, 1952.—Т. 17.—З. 1; Idem. *Dziejopisarstwo wielkopolskie XIII i XIV wieku.* — Warszawa, 1959. — S. 15—20, 90—224; Idem. *Dziejopisarstwo polskie do połowy XV wieku—Dążenia poznawcze i poglądy*//*Studia i materiały z dziejów nauki polskiej.* Seria A. — Warszawa, 1966. — Z. 9. — S. 107—123.

³³ Kūrbis B. *Wstęp do wydania...* — P. XXII.

³⁴ Kūrbis B. *Wstęp do wydania...* — P. XXVI.

неразрывно связаны с одновременным анализом содержания»³⁵.

Заслуживают внимания недавние изыскания Я. Банашкевича — исследователя краковской хроники Дежвы. По его мнению, составитель Великопольского собрания обращался к двум большим нарративным источникам: хронике Кадлубка и краковской хронике Дежвы (или Межвы). Последняя является сокращенной версией (XIV в.) труда магистра Винцентия, продолженной на основе малопольских анналов. Банашкевич опровергает мнение Кюрбис о некоем общем источнике, которым пользовались автор Великопольской хроники и Дежва, ссылаясь на него независимо друг от друга в одном и том же месте.

Принимая во внимание тот факт, что сходство известий в хрониках Великопольской и Дежвы выходит за пределы содержания винцентоваго сочинения, Банашкевич считает, что компиляция Дежвы была для великопольского хрониста «неоценимым проводником по извилистому изложению Кадлубка, полуфабрикатом, строительным материалом в самостоятельном историческом рассказе»³⁶. Логическая цель доказательств, выдвинутая ученым в защиту своей точки зрения, вновь предлагает датировать всю Великопольскую хронику XIV в.

Кто был автором хроники — пока окончательно не установлено. Однако очевидно, что история Польши XIII в. написана представителем церковной среды, связанным с познаньским капитулом. Это доказывают дословные совпадения статей рочника капитула с сообщениями хроники. Писал он, скорее всего, на рубеже XIV в., о чем также свидетельствуют некоторые детали. В 121-й главе речь идет о князе Владиславе Локетке, впоследствии ставшим польским королем (1320—1333). В хронике же он называется всего лишь сыном Казимира Куявского. Трудно поверить, что автор этого сообщения, живший в середине XIV в., не выделил бы особо будущего короля.

В 127-й главе перечисляются великопольские сановники, плененные князем Казимиром в 1259 г. Должно-

³⁵ Ibid. — P. XXIII.

³⁶ Banaszkievicz J. Kronika Dzierzwy XIV-wieczne kompennium historii ojczystej. — S. 99.

сти, которые они занимают, согласно хронике, соответствуют их статусам последней четверти XIII — начала XIV в. Можно привести еще ряд примеров, подтверждающих наблюдение об авторе рубежа XIV в. Но окончательно решить вопрос об авторстве и времени создания великопольского сочинения позволят лишь дальнейшие исследования содержания хроники, композиции и ее источников.

Хроника Великой Польши справедливо считается исключительным трудом, который возникал постепенно и потому отразил в себе две ступени развития исторической мысли XIII и второй половины XIV в., она — источник как периода феодальной раздробленности, так и дальнейшего этапа, связанного с единством страны времен Казимира Великого. Но прежде всего ее значимость велика потому, что история XIII в., написанная непосредственными очевидцами, заполняет лакуну, образовавшуюся между хроникой Винцентия Кадлубка и сочинениями последующих столетий. Хронику можно по праву считать крупнейшим произведением средневековой польской историографии.

* *
*

В 1138 г. польский князь Болеслав Кривоустый, стремясь сохранить единое польское государство, составил завещание. Согласно этому документу, каждый из сыновей получал в правление удел, который в будущем должны были наследовать его потомки. Старший из братьев (*senior, princeps*) осуществлял верховную власть над младшими (*juniores*) и управлял кроме собственного удела Краковом с прилежащими землями, т. е. сеньориальной провинцией.

Первым сеньором стал старший сын Болеслава Кривоустого Владислав II. Однако, несмотря на завещание отца, младшие князья не пожелали подчиниться его власти. После неудачной попытки Владислава II в 1146 г. объединить страну³⁷ Польша вступила на долгий путь феодальной раздробленности. Огромное и сильное некогда государство, простиравшееся от Кар-

³⁷ См.: Щавелева Н. И. Древнерусские известия Великопольской хроники//Летописи и хроники. Ежегодник.—М., 1976.—С. 57—59.

пат на юге и до Одры на западе, объединявшее под властью Великой Польши земли Мазовии, Силезии, Малой Польши, Поморья на территории в четверть миллиона квадратных километров, распалось на самостоятельные княжества. К 30-м годам XIII в. способ соподчинения удельных князей на основе принципата потерял силу. Все польские правители отныне считали себя равными. Однако к этому времени отчетливо проявились и центростремительные тенденции, обусловленные осложнившимся социально-экономическим положением в стране и трудной внешнеполитической ситуацией³⁸.

Тринадцатый век, наиболее подробно освещаемый Великопольской хроникой, ознаменовался существенными переменами в жизни польского государства. Польские феодалы, желая укрепить экономику страны, стали на путь поощрения немецкой иммиграции в Польшу. Началась колонизация польских земель, усилился приток немецких торговцев и ремесленников в города. Очень скоро это явление, выгодное с точки зрения экономики, способствующее подъему сельского хозяйства, развитию торговли и горного дела, обернулось своей отрицательной стороной. Произошла определенная германизация польской знати. При княжеских дворах стало модным преклонение перед немецкими обычаями, языком, культурой. Засилье немецкого элемента в среде городского патрициата фактически привело к изоляции онемеченных городов от Польши. Благоприятную почву для германизации населения создавали вторжения чужеземцев на территорию страны. На месте разрушенных древнепольских городов и крепостей вырастали новые, основанные на немецком праве. Так отстраивались Познань, Краков, Сандомир, Плоцк, Калиш.

Все это подрывало национальные основы государ-

³⁸ В результате дискуссии, проведенной в 70-х годах польскими медиевистами, было признано, что в период феодальной раздробленности, несмотря на значительные территориальные потери, зародились социально-экономические предпосылки, создавшие основу будущего объединения Польши (Dowiat J. Polska—państwem średniowiecznej Europy.—Warszawa, 1968.—S. 283—286; Łowmiański H. Rozdrobienie feudalne Polski w historiografii naukowej//Polska w okresie rozdrobienia feudalnego.—Warszawa, 1973.—S. 7—34; Baszkiewicz J. Rola Piastów w procesie zjednoczenia państwowego Polski do roku 1320//Piastowie w dziejach Polski/Red. R. Heck.—Wrocław, 1975.—S. 53 n.).

ства, создавало угрозу существованию польского языка и культуры. Немецкое население оставалось чуждым коренным жителям. Лишенные патриотического долга немецкие колонисты представляли собой потенциальных врагов Польши перед лицом германской агрессии.

В начале XIII в. широкое наступление на польские земли развернул Тевтонский орден. Продвижению крестоносцев в значительной степени способствовала близоручая политика князя Мазовии Конрада. Призван для борьбы с язычниками тевтонцев, он отдал им Хелминскую землю. Тем самым Конрад открыл ордену дорогу на Восточную Пруссию, где вскоре возникли укрепленные и заселенные немцами грады-крепости Торунь, Хелмно, Эльблонг и др. В конфликт с крестоносцами вступил князь Восточного Поморья Святополк, не раз побуждавший пруссов к восстанию. Но крестоносцы, жестоко подавляя всякое сопротивление, продолжали надвигаться на Поморье и Литву, угрожали землям Великой Польши и Руси.

Тяжелое положение сложилось в западнопоморских землях страны. Им угрожал Бранденбург — германское государство, настойчиво расширявшее свои владения за счет славянских земель между Лабой и Одрой. Вскоре бранденбургским маркграфам удалось отделить Западное Поморье от Великой Польши, захватив Любушскую землю³⁹.

Огромный урон нанесли Польше монголо-татарские набеги, трижды (1241, 1259—1260, 1287 гг.) разорявшие страну. Больше других пострадали Малая Польша и Силезия. Города Краков, Сандомир, Вроцлав были сожжены, а их жители угнаны в плен.

Внешняя агрессия, постоянные конфликты удельных князей между собой, дробление земель на мелкие феодальные княжества⁴⁰ привели к тому, что за сравнительно небольшой исторический период — менее чем за полтора столетия — Польша лишилась огромной части своей территории. От нее были оторваны земли на севере и западе (около 150 тыс. кв. км), закрыт выход к морю. Опасность извне и угроза, подтачивающая мо-

³⁹ См.: Мыслинский К. Бранденбург, крестоносцы и потеря Польшей Западного Поморья//Польша и Русь.—М., 1974.—С. 123.

⁴⁰ Хек Р. Феодальная раздробленность в Силезии//Польша и Русь.—С. 95; Bobrzyński M. Dzieje Polski w zarysie.—Warszawa, 1974.—С. 134 п.

нолитность польского государства изнутри, вели к консолидации прогрессивных сил, помышлявших о возрождении былого величия родины. В борьбе за ликвидацию междоусобиц и объединение под своей эгидой остальных польских земель выступали в первую очередь князья Силезии, Малой и Великой Польши. Сорничество между этими княжествами имело под собой давние традиции, подкрепленные династическими преданиями. Не случайно краковский епископ Винцентий Кадлубек и продолживший его краковский хронист Дежва создавали польскую историю как историю краковских князей и вельмож. А хронист Великой Польши высвечивал канву Кадлубка, акцентируя внимание на деятельности великопольских князей и королей.

Оппозиционные настроения малопольских духовных и светских феодалов, идеологическая и политическая слабость Силезии явились причиной того, что инициативу объединения государства взяли в свои руки князья Великой Польши.

Немаловажную роль в объединении государства сыграла церковь. В XIII в. между светской властью и духовенством велась постоянная борьба. Церковь требовала освобождения не только от поборов, возложенных на ее владения, но и от вмешательства князей в ее дела. После провозглашения в Риме независимости церкви высшее духовенство получило возможность вторгаться в государственную политику. Великопольская хроника с одобрением упоминает о князьях, передававших свои земли под опеку Рима: Владиславе Одониче, его сыне Владиславе Побожном или Благочестивом, Пшемыславе II.

Духовенство во главе с гнезненским архиепископом Якубом Свинкой выступило против насильственного проникновения немцев в монастыри. На Ленчицком синоде 1285 г. были приняты решения, направленные против избрания епископов из числа немецкого духовенства.

Главная заслуга в объединении государства принадлежала великопольскому князю Пшемыславу II. Получив в наследственное владение всю Великую Польшу, Пшемыслав поддержал движение, развернувшееся в среде церковных и светских магнатов против немецкого засилья. Популярности Пшемыслава в глазах современников способствовали его победы над пронемецкими князьями в Силезии. **Крупным успехом**

внешней политики Пшемислава стала борьба с враждебными Польше Чехией и Бранденбургом, возвращение восточнопоморских земель. Некоторое время (с 1279 г.) великопольский князь осуществлял также правление в Кракове и Восточном Поморье. В 1295 г. в Гнезно имела место его коронация, высоко поднявшая международный и внутренний авторитет страны и ее правителя. Хотя Пшемиславу II не удалось полностью восстановить королевство⁴¹ в границах прежней пястовской державы Болеслава Храброго, его объединительные идеи были успешно продолжены Владиславом Локетком, соединившим в 1314 г. большинство польских земель, и завершены королем Казимиром III⁴².

* *
*

В XIII—XIV вв. Польша переживала трудный период в своей истории. Дробление страны, германизация населения расшатывали национальные основы польского государства, вызывали тревогу у патриотически настроенных слоев населения. Чрезвычайно важно было создать произведение, которое бы содержало обоснование для сплочения всего польского народа вокруг сильной княжеской власти. Выразителем идеи этнической целостности выступил автор Великопольской хроники. Его произведение было актуально и необходимо. Подтверждением национального единства жителей страны, говоривших на одном языке, обладавших одной культурно-исторической традицией, должны были служить весомые доказательства, выдвинутые хронистом.

Пролог Великопольской хроники посвящен происхождению и расселению славян. Автор излагает легенду о трех братьях: Лехе, Русе и Чехе, которые, «умножаясь в роде», владели и будут владеть тремя королевствами: лехитов, русских и чехов. В таком виде легенда о прародителях славянских народов не встречается более ни в одном источнике. Памятники чешской

⁴¹ Он пал от рук убийц, подсланных из Бранденбурга.

⁴² Jasiński K. Tragedia rogozińska na tle rywalizacji wielkopolsko-brandenburgskiej o Pomorze Gdańskie//Zapiski historyczne.—1961.—Т. 26.—S. 92 n.; Baszkiewicz J. Polska czasów Łokietka.—Warszawa, 1968.—S. 7—196; Idem. Rola Piastów...—S. 49—68.

культуры сообщают о Чехе — родоначальнике чешского народа. В хронике Козьмы Пражского⁴³ (XII в.) это «*pater Bohemus*»⁴⁴. Лех появляется в хронике Далимила⁴⁵ (XIV в.), но не как имя собственное, а как этноним «в иной земле (Хорватии) был лех по имени Чех». Другой чешский хронист Ян из Пулкавы⁴⁶ (1374) упоминает двух братьев — Чеха и Леха.

В польской хронографии мифический праотец поляков Лех впервые встречается в Великопольской хронике. Ни Галл, ни Кадлубек не пишут о нем, хотя последний называл поляков лехитами. Ныне доказано, что имя Лех уже было известно в раннем польском средневековье и издавна служило эпонимом польского народа⁴⁷. Автора Великопольской хроники можно считать «создателем» Руса — прародителя и эпонима русского народа. Таким образом, именно на польской почве окончательно оформилась традиция, свидетельствующая о давнем родстве чехов, поляков и русских — народов, которых хронист выделяет из остальных славян.

Автор хроники стремится внушить читателю чувство общеславянского единства, наделить сознанием происхождения из «единого прародительского национального лона»⁴⁸, принадлежности к одному роду, язык которого берет начало от некоего отца Слава. Своеобразно определяя антропонимическое родство, хронист утверждает: «...они (славяне. — *Н. Щ.*) и до сих пор не перестают пользоваться этим именем, например, Томислав, Станислав, Янислав, Венцеслав и другие» (пролог)⁴⁹. Важным признаком, определяющим этническую общ-

⁴³ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*/Ed. B. Bretholz//MGH SS. NS.—Berlin, 1923.—Т. II.—Lib. I.—С. I.

⁴⁴ Славянское соответствие этим словам, по мнению исследователей, звучит как «отец Чех» (*Novotný V. České dějiny*.—Praha, 1912.—D. I.—С. I.—S. 228—235; Развитие этнического самосознания... — С. 123).

⁴⁵ *Nejstarší česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila*/Ed. B. Havranek i in. — Praha, 1958. — S. 20.

⁴⁶ *Przibiconis de Radenin dicti Pulkavae Chronicon Bohemiae*/ Ed. J. Emler// FRB.—Praha, 1893.—Т. V.—Р. 4.

⁴⁷ *Laguna S. Rodowód Piastów*//КН.—1897. — Т. 11.—S. 747.

⁴⁸ Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне.—Прага, 1935.—Т. I.—С. 4.

⁴⁹ Хронист обращается к тем же понятиям, что и современные лингвисты, изыскивающие «единые истоки общеславянской языковой устно-поэтической (фольклорной) традиции (на данных гидронимии, топонимии, антропонимии и т. д.)» (Трубачев О. Н. Из славянско-иранских лексических отношений//Этимология. — М., 1965; Развитие этнического самосознания... — С. 24).

ность трех славянских народов, автор считает сходство их языков: «У славян существует большое разнообразие в языках и в то же время они понимают друг друга, хотя в некоторых словах и в их произношении существуют, по-видимому, кое-какие различия» (пролог).

Славянские экскурсы хроники имеют аналогии в древнерусской начальной летописи. «Повесть временных лет» также начинается с рассказа о расселении славян. В обоих памятниках предки как поляков, так и русских выводятся из рода библейского Иафета, называются одним «Афетовым племенем»⁵⁰. И в польских, и в древнерусских источниках речь идет о близости славянских языков: «Бе единъ языкъ славенескъ»⁵¹.

Легенда о трех братьях вписывается в рамки славянской традиции тернарного деления⁵². В «Повести временных лет» говорится о трех братьях — основателях Киева: Кие, Щеке и Хориве⁵³; чешская хроника Козьмы Пражского сохранила предание о трех сестрах, дочерях Крока⁵⁴. Несомненно сходная функция таких легенд. Кровным родством родоначальников обосновывалось единство племенных и государственных объединений славян, подтверждалась их власть над занимаемыми землями⁵⁵.

Эпонимическая легенда о Лехе, Чехе и Русе не являлась плодом историографического вымысла. Она представляла собой результат глубоко утвердившейся в сознании людей мысли об общности происхождения, культуры, языков трех славянских народов⁵⁶.

Славянская общность осмысливается автором хроники через внутреннее единство и целостность жителей

⁵⁰ «Афетови же [сыновея] приша западь и полунощныя страны. От сих же 70 и 2 языку бысть языкъ словенескъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словене» (ПВЛ. — М.—Л., 1950. — Ч. I. — С. 11).

⁵¹ ПВЛ. — Ч. I. — С. 21.

⁵² См.: Петрухин В. Я. Три «центра» Руси. Фольклорные истоки и историческая традиция. Художественный язык средневековья. — М., 1982. — С. 146 и сл.

⁵³ См.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Мифологические и географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян//Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. — М., 1976.

⁵⁴ См.: Козьма Пражский. Чешская хроника/Под ред. Г. Э. Санчука. — М., 1962. — С. 36—39.

⁵⁵ Развитие этнического самосознания... — С. 100, 123.

⁵⁶ См.: Гейштор А. Этническая и региональная общность в польском средневековье//Польша и Русь. — С. 54.

Польши. Главным аргументом в пользу этнического единства поляков он считает общее для всего населения страны название.

В прологе толкуются два названия жителей Польши: «лехиты» и «поляки». Словами «Хотя историки лехитов, которые теперь называются поляками...» начинается большинство рукописей Великопольской хроники. Признавая старшинство этнического имени «лехиты», хронист связывает его с именем мифического Леха. Легенда о Лехе, родоначальнике польского народа, была широко распространена в ранний период польской истории⁵⁷. Сказания же о прародителе по имени Полян не существовало. Поэтому автор изощряется в этимологических упражнениях, образуя название поляков (poloni, polani, polanie) то от Северного полюса, то от поморской крепости, то от поля в Поморье.

Согласно принятой ныне точке зрения, этимология слов «лехиты» и «Лех» возводится к слову «ленд — lęd» (пустошь, необработанное поле)⁵⁸. В других языках это название видоизменялось по фонетическим законам: «Lendizi» — в списке племен географа Баварского, «Lendzenipoi» — у Константина Багрянородного, «ляхи» — в древнерусских летописях. Оно обозначало как привисленских «лендзян», главенствующих до середины X в. среди польских племен, так и другие, видимо, родственные им племена⁵⁹. В конце X в. первенство перешло к племенному княжеству полян. Этноним «поляне» был перенесен на области, вошедшие в формирующийся общепольский государственный ареал, и дал наименование Полонии (т. е. земля Полян) всей стране⁶⁰.

Отождествляя названия Лехии и Полонии, лехитов и поляков⁶¹ и распространяя их на всех граждан, автор Великопольской хроники выступает выразителем обще-

⁵⁷ Słaski K. Wątki historyczne w podaniach o początkach Polski. — Poznań, 1968. — S. 51—60.

⁵⁸ Некоторые современные лингвисты связывают этимологию имени «Чех» со словами, обозначающими обработанные участки земли (Jakobson R. Reimwörter Cech—Lech//Selected Writings II. — The Hague—Paris, 1971; Иванов В. В., Топоров В. Н. Указ. соч. — С. 125).

⁵⁹ Ср.: «От тех ляхов прозвашася поляне...» (ПВЛ. — Ч. I. — С. 11).

⁶⁰ Развитие этнического самосознания... — С. 153; Гейштор А. Этническая и региональная общность... — С. 55.

⁶¹ Lechici, Polanie, Polska. — Warszawa, 1965, — S. 30—165.

польского самосознания, на почве которого могла сформироваться идея объединения.

Принадлежность князей удельной Польши к одному роду, к одному прародителю должна была служить основой, скрепляющей представителей польской династии. Соперничающие Великая и Малая Польша обладали древними преданиями, использующимися в качестве аргументов для утверждения династической прерогативы. Счастливое сочетание разных источников в Великопольской хронике позволяет ознакомиться с великопольскими и малопольскими циклами, свидетельствующими об основателях династии и ее древних центрах.

Впервые история династии польских князей нашла свое отражение в хронике Галла Анонима, писавшего на рубеже XII в. Рисуя генеалогическое древо представителей пястовской династии, хронист выводит ее из Гнезно — одного из старейших великопольских городов. Галл передает легенду о чете бедняков Пясте и Репке, накормивших двух чужеземцев (в Великопольской хронике под ними предполагаются мученики Иоанн и Павел) мясом и пивом, количество которых не убывало. Божья милость, явленная подобным образом, указала лехитам на скромного землепашца Пяста, и он был избран королем. Сын Пяста Земовит признается исследователями исторической личностью. Время его правления относят к концу IX в. Из допястовских правителей Галл знает лишь Попеля — основателя предшествующей Пястам династии.

Краковский магистр Винцентий Кадлубек, живший столетие спустя после Галла, поставил своей целью обосновать малопольское происхождение правящей династии. Поэтому его сочинение включает более ранний период истории поляков, чем у Галла. Первых правителей лехитов Кадлубек находит во временах короля Ассуера. «Некий деятельный муж по имени Крак» становится воеводой и вскоре провозглашается королем, строит крепость Краков возле реки Вислы (см. гл. 1). От Крака власть переходит к его младшему сыну, тоже Краку, а потом к дочери по имени Ванда. Так магистр Винцентий утверждает древность малопольского династического центра — города Кракова⁶². Желая сделать

⁶² Возможно, что в хронике Кадлубка сохранилась устная традиция, восходящая к временам господства висленских племен на польских землях (Bardach J. Historia Państwa i prawa polskiego. — Łódź, 1955. — S. 16).

воспеваемую им династию более родовитой, значительной и славной, хронист тем или иным способом связывает будущих польских королей с выдающимися героями античности. Согласно Кадлубку, следующим королем стал златоткач Лешек, победивший якобы Александра Македонского. Его сменил Лешек II, а затем Лешек III. Последний был женат на сестре Юлия Цезаря, который дал своему племяннику, родившемуся от этого брака, имя Попель или Помпилиуш. Его сын Попель II, по прозвищу «Хотышко», погиб, не оставив потомства.

Автор Великопольской хроники соединяет малопольский и великопольский циклы легенд в одно повествование. Он выходит за рамки сочинения Кадлубка и начинает историю польского народа с ветхозаветных времен. В отличие от Галла местом избрания Пяста хронист называет не Гнезно, а Крушвицу — «наиболее сильный и красивый среди городов лехитов», расположенный в западных землях Великой Польши.

Выводя Пястов из Гнезно, Галл этимологизировал его как «Гнездо». Автор Великопольской хроники вкладывает эту этимологию в уста мифического прародителя польского народа Леха, который первый, облюбовав себе место для поселения, произнес: «Будем вить гнездо»⁶³. Гнезно в глазах автора хроники является не просто центром в Великой Польше. Это историческая родина всего польского народа, откуда вышла правящая княжеская династия.

Таким образом, в Великопольской хронике обосновывается мнение о городах Великой Польши (Крушвице и в первую очередь Гнезно) как древнейших центрах правящей общепольской династии. По убеждению хрониста, наличие одной династии должно было способствовать консолидации польских князей, препятствовать попыткам навязывания власти со стороны чужеземных правителей, избавлять население от гражданских войн⁶⁴.

Как представитель духовенства хронист прибегает к

⁶³ По мнению ученых, эти легенды имеют историческое обоснование. Так, на монете Болеслава Храброго, датируемой 1000 г., выбиты слова «civitas Gnezdum» (Hensel W. Najdawniejsze stolice Polski. — Warszawa, 1960. — S. 65 n.).

⁶⁴ Първев Г. Проблемът за обединението на Полша в края XIII и началото на XIV век//Трудове на Великотърновския Университет «Кирил и Методий». — София, 1981. — Т. XVIII. — Кн. 3. — С. 94.

сакрализации идеи объединения. Символом единения он предлагает рассматривать канонизацию краковского епископа Станислава. При описании конфликта его с князем Болеславом Смелым (гл. 14) приводятся слова, в которых предсказывается будущее объединение Польши по подобию воссоединения частей тела четвертованного епископа. Божественная предопределенность представляется хронисту наиболее убедительным аргументом необходимости создания целостного государства.

Общее название для всех жителей польских земель, древность княжеской династии, уходящая в библейские, античные времена, духовное единство, нашедшее выражение в единстве польской церкви, — все это должно было поднять национальное самосознание поляков, заставить их сплотиться вокруг своих великопольских правителей⁶⁵. Автор убеждает соотечественников, что поляки являются составной частью могучей славянской общности, которая может быть противопоставлена грозной Германской империи.

* *
*

Истоки польской государственности берут свое начало с земель, расположенных по течению реки Варты и населенных племенами полян. К концу IX в. здесь сложилось сильное государственное объединение, включившее в свой состав целый ряд польских племен. До XIII в. эти земли гнезненских полян, как и вся страна, носили название «Полония» (*Polonia*), а с середины XIII в. они стали называться «*Polonia Maior*», т. е. Великая Польша.

Автор предлагает проследить историю своей страны с того времени, когда название «поляне» означало не только одно из племен, но распространялось на всех жителей Польского государства, именуемого Польшей. Центральное место в своем повествовании хронист собирает отвести истории правителей и земель Великой Польши, с центрами в Гнезно и Познани. В хронике (гл. 35) гнезненская провинция именуется не только «метрополией всех лехитов», но и «началом провинций» (*origo provinciarum*).

⁶⁵ См.: Гейштор А. Этническая и региональная общность...— С. 60—66.

С 30-й главы, заключающейся рассказом о завещании Болеслава Кривоустого, князя Великой Польши пользуются особым вниманием автора. Он прославляет князя Мешко Старого, получившего по завещанию отца земли Великой Польши и титул «*Mesco senes principis Majoris Polonie*». Положительно характеризуются и его потомки.

Хронист выражает свои симпатии князьям, защищавшим интересы страны и духовенства. Особенно ясно это обнаруживается в главах, посвященных XIII в.

Свидетельства памятника убеждают в том, что автор хроники задумал свою историю не только как историю династии, что было главной задачей Галла, и не как историю только Краковской земли и ее князей, что входило в задачи Винцентия Кадлубка. Для автора Великопольской хроники важно было представить историю всех, Мазовецких и Силезских, Поморских и Малопольских, земель, входящих в состав польского государства, выделив значение Великой Польши для объединения их в единое королевство.

В начале X в. в состав Древнепольского государства вошла Мазовия — область, заселенная повисленским племенем, этнически и территориально родственным полянам. Тенденции к обособлению, обусловленные самостоятельностью экономического и политического развития Мазовецких земель, вызывали беспокойство польских правителей. Еще Галл Аноним в XII в. обстоятельно излагал борьбу мазовецкого правителя Мецлава (Мечислава) с князем Казимиром Восстановителем. Свидетельства об этом сохранились и в русских источниках⁶⁶. Попытки Мецлава использовать «стремление населения Мазовии сохранить свою самобытность»⁶⁷ при создании независимого от Польши государства потерпели крах. В результате Мазовия была воссоединена с Польским королевством, и «в границах всего королевства установились мир и спокойствие» (гл. 12).

Сообщения Великопольской хроники подчеркивают

⁶⁶ Русский летописец считал, что только благодаря вмешательству русского князя было ликвидировано «государство Маслава»: «Ярославъ иде на мазовшаны, и победи я и князя ихъ уби Моислава, и покори я Казмиру» (ПСРЛ. — Л., 1926—1928. — Т. I. — Стб. 155; Развитие этнического самосознания... — С. 155).

⁶⁷ *Więniak J. Miećław//SSS*. — 1967. — Т. III. — Cz. I. — S. 247.

важность мазовецкого удела для польских князей. В середине XII в. Мазовия как самостоятельное княжество перешло по завещанию Болеслава Кривоустого в руки его сына Болеслава Кудрявого (гл. 30). Однако уже с 70-х годов XII в. в борьбу вокруг этой земли включились другие сыновья Кривоустого. Краковский князь Казимир Справедливый закрепляет Мазовию и соседнюю с ней Куявию за своим племянником, сыном Болеслава Кудрявого, и посылает туда воеводу Жирона в качестве опекуна несамогостоятельного Лешко Болеславовича (гл. 33, 35). Верный Жирон становится фактическим правителем мазовецкого удела. После раздела земель между сыновьями Казимира Справедливого Мазовию и Куявию получил младший Конрад, потомки которого правили мазовецкими землями вплоть до XIV в.

В XIII в. территория Мазовии увеличилась за счет северо-восточных земель, граничащих с прусскими племенами и с Литвой. Соседство с языческими народами было обоюдоострым мечом. Оно то оборачивалось в руках мазовецких правителей против неприятелей в междоусобных войнах, то обращалось против самой Мазовии. Князь Конрад, прозванный Мазовецким, «часто водил ятвягов, сковитов, пруссов, литвинов, жмудзинов, нанятых за деньги, на сандомирские земли» (гл. 62). В то же время многочисленные нападения языческих народов на территорию Мазовии побудили его прибегнуть к помощи крестоносцев. После смерти Конрада в 1247 г. в Мазовии стал княжить его сын Земовит (гл. 83).

В середине XIII в. интересы Польши, Литвы, Руси, а также Тевтонского ордена столкнулись на территории Пруссии. В борьбу за ятвяжскую землю включились и князья Мазовии. В результате одного из конфликтов в 1261 г. Земовит был убит, и Мазовецкое княжество осталось в руках его вдовы (гл. 138). Воспользовавшись сложной ситуацией и имея далеко идущие планы овладения Мазовией, князь Великой Польши Болеслав Благочестивый оказал ей помощь в восстановлении сожженных крепостей. По свидетельству хрониста, только благодаря содействию великопольского князя оставшая часть мазовецкой земли не подверглась уничтожению язычниками (гл. 139). В итоге с 60-х годов XIII в. Мазовия попала под опеку Великой Польши.

Одной из постоянных и надежных опор Древнепольского государства в X—XII вв. была Силезия, граничащая с Германской империей и Чехией. Крепости Вроцлав, Глоггов, Ополе, Бытом первые принимали на себя удары чешских и немецких войск. Мужественные глогговяне, например, предпочли свободу Родины жизни отданных в заложники сыновей. «Силезцы, мазовшане и жители других провинций лехитов» помогали своему королю Болеславу Кривоустому в борьбе с императором Генрихом в 1109 г. (гл. 25).

По завещанию Болеслава Кривоустого Силезия была выделена в наследственный удел его старшему сыну Владиславу (гл. 30). Кроме того, первенец получил в правление главные земли королевства — Малую Польшу, Куявию и Поморье. Владислав II был одним из последних князей, стремившихся под своей властью собрать воедино распадавшиеся феодальные княжества Польши. Но это ему не удалось. После смерти Владислава Силезию разделили между собой сыновья Болеслав Высокий и Мешко Лорипед⁶⁸.

Генрих Бородатый, сын Болеслава Высокого, сумел вновь воссоединить под своей властью Силезию. В его политике отразилось стремление силезских князей взять в свои руки инициативу объединения государства. Улучив подходящий момент, Генрих стал владеть Краковским княжеством и частью Сандомирской земли (гл. 61)⁶⁹. В 30-х годах XIII в., сломив сопротивление великопольского князя Владислава Одонича, Генрих захватил большую часть великопольской территории и стал правителем «земель Польши и Кракова» (гл. 65).

В 1238 г. Генрих Бородатый умер, оставив наследником завоеванных земель своего сына Генриха Благочестивого. Но последний «князь силезский, польский и краковский» во время нашествия монголо-татар на Польшу в 1241 г. был убит в битве под Легницей. С гибелью этого князя пришел конец честолюбивым замыслам силезских князей. Наследники Генрихов погружились в пучину бесконечных споров и военных стычек, приведших в конечном счете к новым делениям земель и потере самостоятельности. В результате спор

⁶⁸ Podpiołek K. Historia Śląska od pradziejów do 1945 roku. — Katowice, 1972.

⁶⁹ См.: Хек Р. Указ. соч. — С. 92.

силезских князей была утрачена Любушская земля, которую захватило магдебургское епископство⁷⁰.

Гневными словами осуждает автор хроники держателей Вроцлавской, Легницкой, Глоговской и других земель Силезии, попирающих национальные основы родины, разбазаривающих исконные польские территории. Сыновья Генриха Благочестивого, воспитанные бабкой немкой и матерью чешкой, выросли в атмосфере пренебрежения ко всему польскому. Хроника сообщает, что старший сын Генриха Болеслав, прозванный Рогатка, и его братья Генрих, Владислав, Конрад и Мешко скверно относились к полякам, проявляли «чрезмерную надменность», ставили «немцев выше поляков», щедро наделяли их поместьями. Особенно резко автор отзывается о Болеславе Рогатке, не гнушавшимся вымогать деньги у священнослужителей и глумившимся над ними (гл. 116). Нечестивые поступки силезского князя вызвали возмущение польского духовенства, и на Ленчицком синоде 1257 г. против него был провозглашен крестовый поход.

Пронемецкая политика силезских князей способствовала консолидации поляков вокруг великопольских князей — Пшемислава I и Болеслава Благочестивого. Постепенно к 50-м годам XIII в. князь Великой Польши возвратили свои земли, завоеванные ранее Генрихом Бородатым. Пшемислав I в приданое за сестрой Болеслава Рогатки отобрал Калиш (гл. 76), вел борьбу за крепость Санток (гл. 77) и т. д.

Последнее сообщение в хронике о Силезии касается смерти епископа зальцбургского и вроцлавского Владислава (брата Болеслава Свирепого) в 1270 г. (гл. 160). Наследовал ему Генрих IV Честный, воспитанный при пражском дворе. Этот князь в отличие от своих дядьев представлял польские политические интересы. Но в то же время он намеревался сделать своим наследником чешского короля Вацлава II, в зависимость от которого к концу XIII в. попала значительная часть силезской территории⁷¹. Янко из Чарнкова горько сетовал в своей хронике (конец XIV в.) на силезских князей, к стыду и позору королевства Польши

⁷⁰ Breitenbach O. Das Land Lebus unter den Piasten. — Fürstenwalde, 1890. — S. 101 n.

⁷¹ Baszkiewicz J. Powstanie zjednoczonego państwa polskiego na przełomie XIII i XIV wieku. — Warszawa, 1954. — S. 206—207.

ставших вассалами Чехии⁷². Идеологическая слабость, отсутствие общепольского патриотизма были причиной того, что Силезия не сумела возглавить объединительное движение в государстве, а, напротив, попала под власть чужеземцев.

Уже в первые века существования Древнепольского государства Поморье привлекало внимание правителей Великой Польши. Поморские земли открывали пути к Балтийскому морю, способствовали развитию оживленной торговли центральных великопольских городов Познани, Гнезно не только со странами Севера, но и с Русью, а через нее с арабскими странами. Они служили надежной защитой Польши от притязаний Германской империи. Автор Великопольской хроники разделял Поморье на Нижнее, куда входили щецинские и рачонжские земли, и Верхнее, включавшее земли в устье Вислы. В современной историографии принято называть эти территории Западным Поморьем (Нижнее) и Восточным, или Гданьским (Верхнее).

Со времен Мешко I (X в.) до конца XII в. Западное Поморье было ленным владением Польши. Болеславу Кривоустому удалось значительно раздвинуть польские границы на северо-западе и подчинить в 1121—1122 гг. поморские земли, а также соседнее княжество Яксы из Копаниц. Одним из внешнеполитических успехов старшего сына Кривоустого Владислава II стало создание в 1140 г. поморского епископства. Позиции Великой Польши в Западном Поморье и на заодренских территориях были значительно укреплены при другом сыне Кривоустого — великопольском князе Мешко Старом. Мешко проявил себя как защитник поморских владений от крестоносцев, руководимых маркграфом Альбрехтом Медведем. Когда в 1157 г. последний завоевал Стодоранское государство с его столицей Бренной (Бранденбургом), заслугой Мешко можно считать сохранение копаницкого княжества в руках Яксы, дружественного полякам. Чувствуя угрозу со стороны соседних Саксонии и Дании, правящие князья Западного Поморья стремились к объединению с Польшей. Четырехлетнее правление Мешко Старого (1173—1177) в качестве сеньора характеризуется особенно тесными связями западнопоморских князей с Польшей⁷³. Хроника упоминает о брачном союзе дочери Мешко Старо-

⁷² МРН. — Т. II. — Р. 645; Хек Р. Указ. соч. — С. 96—100.

⁷³ См.: Мыслиньский К. Указ. соч. — С. 119, 120.

го с сыном западнопоморского князя Богуслава. С помощью этого союза Мешко «добывается не только покорности приморского народа, но и его приязни и дружбы» (гл. 38). Ослабление позиций великопольского Мешко и утрата им краковского престола практически привели к потере власти над Западным Поморьем, которое оказалось в ленной зависимости от Германской империи и Дании⁷⁴. Вскоре земли на нижней Одре стали предметом вождения Бранденбурга и набиравшего силу государства крестоносцев. Поморские князья были вынуждены присягнуть маркграфам Бранденбурга. К середине XIII в. бранденбургская экспансия настолько усилилась, что грозила Западному Поморью полной потерей государственной независимости. Это заставило поморских князей вновь искать поддержки у Великой Польши. Но договор о взаимопомощи был заключен лишь спустя несколько десятилетий. Его скрепил брак между великопольским князем Пшемиславом II и внучкой западнопоморского князя Барнима (1273 г.). Сообщением об этом союзе и заканчивается Великопольская хроника (гл. 164).

Полностью захватить Поморье маркграфам не удалось. Под влиянием Польши оставалась его восточная часть — Граньское Поморье, которое с 1138 г. входило в сферу влияния краковского сеньора⁷⁵ (гл. 30). Краковский князь сажал в Восточном Поморье своих ставленников. Они набирались из местной знати и со временем получали права удельных князей наравне с Пястами. Великопольская хроника отрицательно отзывается о «неверном» поморском князе Святополке, которого «князь Лешек Белый посадил своим заместителем» (гл. 56). Сложившаяся в Поморье ситуация сильно беспокоила великопольских князей, стремившихся к усилению своего влияния в Восточнопоморских землях. Для этого они часто прибегали к династическим бракам с представителями поморского дома. Владислав Одонич был женат на сестре Святополка, Пшемислав и Болеслав, сыновья Одонича, приходились родными племянниками князю Гданьского Поморья, а их сестра была женой князя кашубов и славян Варцислава III.

⁷⁴ Myśliński K. Polska i Pomorze po śmierci Krzywoustego.— RH. — 1948. — N 17. — S. 54 n.

⁷⁵ Leciejewicz L. Pomorze//SSS. — 1970. — T. IV. — Cz. 1. — S. 225.

Стремясь освободиться от власти краковского князя, Святополк убил в 1227 г. Лешка Белого и положил тем самым конец не только своей зависимости, но и исключительному положению краковских князей в Польше (гл. 60). Князь Восточного Поморья стал проводить самостоятельную политику, в основе которой лежало если не расширение, то сохранение своих территорий. Об этом свидетельствует его постоянная борьба за крепости Накло и Рачонж, описанная в хронике (гл. 73, 111—114 и др.).

Искусно лавируя между Бранденбургом и орденом, Святополк сумел сохранить независимость своего княжества и таким образом передать его сыновьям. Но последние, затеяв распрю, разделили Гданьскую землю. Старший сын Святополка Мщивой II, надеясь получить помощь против брата, отдал Гданьск бранденбургскому маркграфу Конраду (гл. 161—162). Впоследствии, желая вернуть эту территорию, он обратился за помощью к своему кузену великопольскому князю Болеславу Благочестивому, обещая сделать его своим наследником. Согласно этой договоренности, после смерти бездетного Мщивоя власть над Гданьским Поморьем обрел великопольский Пшемислав II. Именно это и послужило причиной убийства Пшемислава в 1296 г. бранденбургскими маркграфами.

Объединившись с Восточным Поморьем, Великая Польша стала серьезной силой, способной противостоять Бранденбургу⁷⁶. Это подтверждают сообщения Великопольской хроники, иллюстрирующие сложную историю борьбы Великой Польши за сохранение политической власти в Поморье.

На землях, расположенных в бассейне Вислы, уже в IX в. существовало крупное племенное объединение вислян. Висленское княжение охватывало, видимо, и племенной союз лендзян, населявших сандомирские области⁷⁷. Этим объясняется будущее административное деление Малой Польши (называемой так с XV в.) на княжества Краковское и Сандомирское. В XII в. к ним присоединился город Вислица с прилежащими округами. Сохранившийся в хронике малопольский цикл легенд о происхождении Кракова, являвшегося центром

⁷⁶ См.: Мыслинский К. Указ. соч. — С. 126.

⁷⁷ См.: Исаевич Я. Д. Висляне и лендзяне в IX—X вв. Формирование раннефеодальных славянских народностей. — М., 1981.

Висленского княжества, о князе Виславе, вероятно, не-сет отзвуки прошлых времен, когда между племенными вождями шла борьба за власть⁷⁸.

В 70-х годах IX в. висленское объединение попало под власть Великой Моравии, а после ее падения в первом десятилетии X в. было включено в состав Чешского княжества. Только в конце X в. польскому князю Мешко I удалось присоединить Малопольские земли к своим владениям. Для набравшего силу Древнепольского государства это было событием большого значения. В его состав вошла одна из самых экономически развитых земель с крупными городскими центрами, находившимися на важнейших транзитных путях и соединяющих Польшу с Русью и странами Западной Европы. Кроме того, Малая Польша становилась щитом для центральных районов страны, прикрывая их от внешней агрессии с юга⁷⁹.

В конце 30-х годов XI в. в результате нападения чешского короля Бржетислава и народных волнений была разрушена прежняя столица Древнепольского государства Гнезно. Гнезненскую митрополию перенесли в Краков, который стал не просто центром Малой Польши, но символом польской государственности. В Вавельском замке города происходила коронация польских монархов. Здесь же хранились знаки государственной власти: корона, меч, скипетр и держава⁸⁰. Когда же спустя полвека архиепископ переехал в восстановленную резиденцию в Гнезно, между Малой и Великой Польшей явственно обнаружилось соперничество. Не случайно Болеслав Кривоустый, завещая сыновьям хранить мир в королевстве, отдал Краковскую землю и северную часть Сандомирской (Ленчицу и Серадз) старшему, дабы не по наследству владели этим важным уделом князья, а по праву старшинства и первенства (гл. 30). Однако, как следует из содержания хроники, малопольские możновладцы не смирились с властью сеньора (гл. 32—50). Они не приняли Мешко Старого, воспротивились власти его сына Владислава

⁷⁸ В славянском памятнике 885 г. «Житии Мефодия» есть упоминание о сильном князе, сидящем «въ Vislě» (Le śny J. Wiślanie// //SSS. — 1977. — Т. VI. — Cz. 2. — S. 489—491).

⁷⁹ См.: Корольюк В. Д. Древнепольское государство. — М., 1957. — С. 131, 132.

⁸⁰ См.: Бардах Ю., Леснодарский Б., Пиетрчак М. История государства и права Польши. — М., 1982. — С. 86.

Ляскононого. Духовные и светские магнаты Кракова настаивали на собственном правлении и допускали на краковский стол лишь угодных им князей. В их государстве, республике (*res publica*) — так называет краковский удел хронист (гл. 50) — такими правителями были Казимир Справедливый и его сын Лешек Белый. Эти князья вершили политику не только в Малой Польше, но оказывали влияние на расстановку сил в других польских княжествах. Именно контакты малопольских князей с такими могущественными правителями Южной Руси, как Ярослав Осмомысл, Роман Галицкий — будущий великий князь киевский — определяли взаимоотношения Древнерусского и Древнепольского государств конца XII — начала XIII в.

После смерти в 1227 г. князя Лешка Белого принцип главенства краковских князей по отношению к другим удельным князьям окончательно упразднился⁸¹. Краковское и Сандомирское княжества становятся яблоком раздора между мазовецкими, силезскими и великопольскими князьями (гл. 61 и сл.). То Владислав Лясконогий, то Генрих Бородатый, то Конрад Мазовецкий осуществляют правление за сына Лешка Белого, малолетнего Болеслава Стыдливый (1226—1279). Хотя последний со временем и приобретает права на земли отца, однако при нем малопольский удел теряет значение центра сильной политической власти.

В тринадцатилетнем возрасте по наущению вельмож, осуществлявших вместе с матерью малолетнего князя правление, Болеслав вступает в номинальный матримониальный союз с пятилетней Кингой, дочерью венгерского короля (гл. 68). Брак этот так никогда и не стал фактическим. Прожив вместе около 40 лет, князь и княгиня сохранили обет целомудрия (свидетельством чего служат их имена Стыдливый и Благочестивая) и не оставили потомства. Находясь под влиянием краковских епископов, ссылаясь во всех решениях на волю и согласие матери, Болеслав Стыдливый придерживался во внутренних делах политики невмешательства, сохранял дружеские отношения с князьями Великой Польши и Мазовии. Но главной его заботой было совершенствование религиозных культов, в частности, епископа Станислава (гл. 105). Во время разорительных набегов монголо-татар в 1259—1260 гг.

⁸¹ См.: Мыслиньский К. Указ. соч. — С. 122.

на краковские земли этот князь не сумел оказать должного отпора врагам (гл. 130). Спасение разрушенных городов и восстановление экономики Болеслав Стыдливый видел в немецкой колонизации и горячо поддерживал перевод на немецкое право вновь отстроенных городских поселений⁸². На страницах хроники, посвященных событиям 30—70-х годов XIII в., краковские известия появляются все реже. Это результат снижения роли Малой Польши в политической жизни страны.

Княжеские распри, экономические сложности, связанные с опустошительными нападениями монгольских орд, и главным образом оппозиционные настроения духовной и светской знати Малой Польши послужили причиной того, что она не сумела стать центром объединения польских земель.

* *
*

История Польши всегда была тесно связана с историей соседней Руси. Контакты между Древней Польшей и древнерусскими землями были обусловлены не только территориальной близостью и частыми матримониальными союзами, известными в источниках с начала XI в., но и сходством социально-политических и культурных тенденций в развитии. Именно поэтому в хронике Великой Польши значительное место занимают древнерусские известия. Страницы памятника отразили прежде всего политические отношения двух стран на протяжении нескольких столетий. Треть первой части сочинения (до 1202 г.) так или иначе касается Древней Руси и ее князей. Автор повторяет сообщения Кадлубка, который акцентировал свое внимание главным образом на контактах Малой Польши с княжествами Юго-Западной Руси⁸³.

Отражением сложных внешнеполитических ситуаций 20—30-х годов XII в., участниками которых были

⁸² G r o d e c k i R. Boleslaw Wstydlivy//PSB. — 1936. — Т. II. — S. 260—262.

⁸³ См.: Щавелева Н. И. Тенденциозность средневековой историографии (на примере хроники Винцента Кадлубка)//Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. — М., 1978. — С. 154—165.

Польша, Русь, Чехия, Венгрия и Австрия⁸⁴, являются художественные рассказы о похищении перемышльского князя Володаря палатином Петром Властовичем, о мести Владимирко Володаревича (гл. 28—29). Эти сообщения имеют историческую ценность только при сопоставлении с другими источниками.

Экспансионистские тенденции малопольских феодалов в отношении соседних древнерусских земель прослеживаются на материале сообщений галицкого цикла. В хронике описана борьба между русскими князьями Романом Мстиславичем и Владимиром Галицким, послужившая поводом для вмешательства Польши и Венгрии в дела Галича. Краковский князь Казимир, а затем его сын Лешек Белый помогли Роману, приходившемуся Казимиру племянником, занять галицкий стол. В свою очередь тот поддержал их в борьбе против Мешко Старого, претендующего на Краков (гл. 39—42, 47—48). В результате такой взаимовыручки в Малой Польше утвердились потомки Казимира Справедливого, а Роман сумел овладеть Галичиной и Волынью, а затем и Киевом. Великопольская хроника сохранила уникальные характеристики великого князя Руси Романа Галицкого («буй-Романа», заслужившего хвалу автора «Слова о полку Игореве»), данные ему магистром Винцентием. Отмечая тесное родство между галицкими и краковскими князьями, Кадлубек именует Романа «помощником и даже как бы пестуном Польского государства» (гл. 48). Подобный отзыв подчеркивает значимость помощи Руси для польских князей.

Вторая часть хроники более скупа на известия о Руси. В значительной мере это связано с переработкой автором материалов польских анналов, русские свидетельства которых были немногочисленными. Судя по сообщениям источников, в XIII в. польско-русские связи расширились и вышли за пределы контактов лишь Малопольских и Галицко-Волынских земель. Читатель хроники имеет возможность проследить за развитием взаимоотношений сыновей Романа Даниила, Василька и его внуков с князьями Мазовии, Силезии, Великой Польши.

Изменились районы соприкосновения Польши и Ру-

⁸⁴ См.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. — М., 1968. — С. 152 и сл.

си. Их интересы столкнулись на территории Пруссии и Литвы. Оба государства оказались втянутыми в общеевропейскую политику. Так, в хронике сообщается об участии русских, силезских и малопольских князей, а также венгерского короля Белы из династии Арпадов в войне против чешского короля Пшемыслава II Оттокара. Этот важный поход был кульминационным моментом в борьбе Даниила Галицкого за австрийское наследство⁸⁵. Роман Данилович, женатый на племяннице австрийского герцога Гертруде, обладал реальными правами на власть Бабенбергов, самого влиятельного рода Германской империи⁸⁶. Пшемыслав Оттокар был основным соперником Романа (гл. 106). Сообщения хроники подтверждаются свидетельствами русской летописи⁸⁷, малопольских анналов и немецких источников.

Издавна польские и русские князья стремились к овладению территорией ятвягов — народа, принадлежащего к балтийской группе прусских племен. Их земля, лежащая между Неманом и Бугом, соприкасалась с границами Мазовии и Владимиро-Волынского княжества. В конце XII в. Казимир Справедливый неоднократно предпринимал походы в Полесье и покорял полешан (как называли в Польше ятвягов) (гл. 43). В середине XIII в. прусский вопрос приобрел особую остроту. На земли ятвягов стали претендовать крестоносцы. Вели за них борьбу между собой и сыновья Конрада Мазовецкого — куявский князь Казимир и его младший брат Земовит. Последний пользовался поддержкой своего тестя, могущественного русского князя Даниила Галицкого, также вынашивавшего планы захвата Ятвигии (гл. 108, 110). В середине 50-х годов XIII в. Даниил Галицкий совершил ряд походов на ятвягов, привлекая отряды князя Болеслава Краковского и Земовита. В результате ему удалось завоевать часть ятвяжской территории. Однако в 1257 г. Конрадовичи отказались от притязаний на ятвяжские земли крестонос-

⁸⁵ См.: Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. — М., 1950. — С. 255—258.

⁸⁶ Австрийский герцог Фридрих II погиб в 1246 г., не оставив потомства (*Annales sancti Pantaleonis Coloniensis 1238—1250* / Ed. H. Cardauns // *MGH SS. — Hannoverae, 1872. — Т. XXII. — P. 541*).

⁸⁷ ПСРЛ. — М., 1962. — Т. II. — Стб. 820—826.

цев⁸⁸. Даниил не смог противиться самостоятельной политике польских родственников, и орден вскоре «завладел почти всей Ятвягией»⁸⁹.

В канву польско-русских взаимоотношений вписывается упоминание о втором нашествии монголо-татар на Польшу. Нападение на Сандомир и полное его разорение полчищами хана Бурундай произвели впечатление и на русского летописца, который отметил событие художественным рассказом о «Судомирском взятии»⁹⁰. В намерения монгольского хана входило посорить польских, русских и литовских князей и тем самым не допустить их объединения. Судя по обидчивому тону повествования (гл. 130), это ему удалось. Русские князья, Василько Романович и его племянники Лев и Роман Даниловичи — участники похода, были поставлены ханом в безвыходное положение. Бурундай требовал неизменного присутствия Даниила или его военных отрядов при вторжении в Литву и Польшу⁹¹. Поэтому русским князьям как бывшим союзникам автор хроники вменяет в вину коварные уговоры, благодаря которым якобы татары беспрепятственно вошли в незащищенную крепость Сандомир и перебили безоружных жителей. Великопольская хроника, единственная из сохранившихся источников, рассказывает о судьбе участника похода Романа, сына короля Руси Даниила. После 1258 г., когда Роман попал в плен к литовскому князю Войшелку, о нем ничего не было известно. Памятник дает возможность проследить за жизнью Романа Даниловича в следующем десятилетии.

Польско-русские отношения в оценке автора хроники несут на себе отпечаток тенденциозности средневековой хронографии. Автор, идя по стопам Галла и Кадлубка, настойчиво убеждает читателя в покорении польскими правителями Руси. Болеслав Храбрый якобы распространяет границы Польши вплоть до Киева, а Болеслав Смелый облагает «самую Русь» (видимо, Киевское княжество) данью (гл. 11, 13). Казимир II,

⁸⁸ Włodarski B. Polska i Ruś, 1194—1340. — Warszawa, 1966. — S. 172, 178, 189.

⁸⁹ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. — М., 1959. — С. 400.

⁹⁰ ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 852—855.

⁹¹ Щавелева Н. И. К истории второго нашествия монголо-татар на Польшу // Восточная Европа в древности и средневековье. — М., 1978.

по мнению хрониста, не только полностью распоряжается в Галицко-Волынских землях, сажая там родственных себе князей, но и усмиряет всю Русь, выступая в роли сюзерена (гл. 40, 41). Нередки сообщения о покорении русских городов, о мести русским князьям за непокорность (гл. 35). Отказ выплачивать Польше подати выдвигается в качестве причины битвы Казимиричей с князем Романом Мстиславичем в 1205 г. Подобным образом были пристрастны к «ляхам» и русские летописцы.

Хроника содержит множество свидетельств о матриониальных союзах Пястов и Рюриковичей. Династические браки служили основой взаимопомощи обеих держав, соединяли правителей соседствующих земель. Так, например, Болеслав Кривоустый «отправил» трех своих дочерей в разные стороны русской земли, а два его сына были женаты на русских княгинях.

Немало сообщений хроники посвящено другому соседу Польши—Литве. Великопольский источник дает материал для изучения начальной истории Литовского государства, его взаимоотношений с Польшей и Русью, истории борьбы литовского народа за независимость.

Одно из первых упоминаний о литовских племенах в Великопольской хронике (гл. 62) относится к 1230 г. Названы племена литвинов (литовцы) и жмудзинов (жемайты), принимавших участие в походе Конрада Мазовецкого на Сандомир. К середине XIII в. племена жемайтов, аукшайтов и литвинов были объединены в государство, во главе которого встал один из старейших князей Миндовг (Мендольф). Автор Великопольской хроники называет великого литовского князя «королем пруссов» (гл. 132). Очевидно, он не различал литовцев и языческие племена Прибалтики. Такое отождествление имеет свое историческое объяснение. В состав Литовского государства Миндовга вошли некоторые прусские земли (в частности, ятвяжские области), население которых в дальнейшем ассимилировалось с народностями Литвы.

Стремясь укрепить международное положение своего молодого государства и обрести силы, Миндовг принял в 1253 г. католичество и королевскую корону. Однако вскоре «вследствие многочисленных тягот, причиненных крестоносцами» он был вынужден отказаться от крещения. Миндовг быстро распознал агрессивные намерения ордена, который воспользовался навязан-

ным при крещении договором с новоявленным королем Литвы, чтобы напасть на пруссов и Жемайтию⁹². В 1261 г. крестоносцы вместе с мазовецким Земовитом и великопольскими князьями двинулись на «литовцев и других языческих народов, намереваясь их завоевать и истребить» (гл. 134). Хроника — один из немногих памятников, свидетельствующих об этом крестовом походе против Литвы, подготовка к которому шла с 1255 г.⁹³ Ответом Миндовга стало грандиозное нападение на Мазовию (гл. 133, 138, 140), Хелминскую землю, Пруссию (Померанию). Источники сообщают об участии в нем также и русских князей⁹⁴. Великопольская хроника (гл. 138) обвиняет в убийстве мазовецкого Земовита князя Шварна, сына «сестры Даниила». Это маловероятно, так как Даниил поддерживал своего зятя Земовита. Кроме того, Шварн был не племянником, а сыном русского короля, и, следовательно, братом жены Земовита Переяславы. Возможно, на мысль о коварстве Шварна хрониста навели слухи о кровном родстве того с Миндовгом: Шварн был женат на дочери литовского короля. Знал хронист, видимо, и о том, что Шварн, владевший после смерти Даниила восточной Галичиной, получил на короткий срок власть над Литвой⁹⁵.

Значительное место в хронике отведено и польско-германским отношениям. Этимология слова *German* возводится автором к значению «брат». Показательно утверждение о том, что германцы и славяне соседствуют друг с другом словно пара волов под одним ярмом (пролог). Оно позволяет предположить в авторе этих строк человека, дружелюбно настроенного к соседнему народу, возможно, жившего долгое время среди немцев и имевшего в их среде друзей. В то же время автор осуждает всякую попытку насильственного захвата германцами польских и поморских территорий. Сурово порицаются в источнике и притязания бранденбургских маркграфов на восточно-славянские земли.

⁹² См.: Пашуто В. Т. Образование Литовского государства.— С. 406—409.

⁹³ Там же. — С. 145; *Monumenta Poloniae Vaticana*. — Т. III.— N 76.

⁹⁴ Галицко-Волынская летопись называет среди участников похода Миндовга рязанского правителя Остафия Константиновича (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 855).

⁹⁵ ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 830, 864—869.

Весьма неодобрительно отзывается автор о действиях крестоносцев. Свидетельства памятника опровергают тезис немецких буржуазных историков о Немецком ордене — друге и «бастионе Европы». Пресловутое «процветание» Польши благодаря заселению ее немцами⁹⁶ выглядит неприглядно в изложении польского хрониста. Знаменательно, что поляки отказываются от князя Болеслава Силезского, предпочтившего немцев полякам (гл. 72), знатные куявяне непримиримо относятся к своему князю Земомыслу (гл. 156), который пользуется советами «бородатых братьев», как называет хронист крестоносцев. Несмотря на то что, отдавая дань средневековому миссионерству, автор порицает нехристей и «неверные» народы, здравый смысл политического деятеля берет верх над иступленным фанатиком. Бородачи-крестоносцы гневно осуждаются как нечестивцы. «Кто же не убедился, что тевтонцы — мужи деловые и мужественные?» — горестно восклицает автор (гл. 88).

В хронике имеется материал и по истории других народов и стран, соприкасавшихся с Польшей. Ее ближайшим соседом была Чехия, также претендовавшая на ведущую роль в славянском мире и часто конфликтовавшая с Древнепольским государством. Несмотря на то что по великопольской легенде богемцы ведут свое происхождение от Чеха, брата Леха, автор редко отзывается о них дружелюбно. Первые столкновения поляков с чехами в хронике относятся к временам Болеслава Храброго, когда польский князь одержал победу над королем чехов Львом (гл. 13). Неприглядно выглядит в изображении хрониста и другой чешский король, поддерживавший мятежного Збигнева в его конфликте с Болеславом Кривоустым (гл. 16, 19). Достоинством отмщения коварство чехов, по наветам которых германский император опустошает пределы дружественных Польше паннонцев (гл. 21). Редки замечания о брачных союзах. Ссылаясь на узы родства, просит у чехов помощи Владислав II, неудачливый сеньор, изгнанный братьями (гл. 33), вскользь упоминается о матримонильных связях Мешко Старого с Чехией (гл. 35). В самостоятельной части хроники чешские

⁹⁶ См.: Пашуто В. Т., Салов В. М., Хорошкевич А. Л. Против фальсификации истории нашей Родины. — М., 1961. — С. 15.

сообщения незначительны. Объясняется это прежде всего тем, что в XIII в. контакты с Чехией поддерживала главным образом Силезия, непосредственно с ней граничащая. Заключительное известие касается участия силезских и краковских князей в походе против чешского короля Пшемыслава II Оттокара. Поход этот был связан с ожесточенной борьбой различных государств за австрийский трон и являлся событием европейского масштаба.

Противоположна оценка венгерских соседей. Значительная часть сообщений хроники служит подтверждением дружеских отношений Польши и Венгрии, имевших давние прочные традиции, скрепленных брачными союзами. Болеслав Смелый оказывал поддержку венгерскому королю Беле I и его сыновьям против сторонников Германии (гл. 13, 16). Болеслав Кривоустый вступил в войну с чешским королем и германским императором, защищая венгров, подвергшихся нападению (гл. 21). Путаные свидетельства хроники о вмешательстве паннонцев в русско-польские конфликты XII—XIII вв. являются отголоском таких крупных межгосударственных событий, как война 1132 г. в поддержку законного претендента на венгерский престол (гл. 29, 30) Бориса Коломановича и борьба за Галицкое княжество, развернувшаяся между Польшей и Венгрией после смерти князя Романа. Обоюдодыгодными были связи Венгрии и великопольского князя Болеслава Благочестивого, женатого на дочери венгерского короля (1258 г.). Сообщением о их браке и завершаются венгерские известия (гл. 121).

По представлениям автора Великопольской хроники Польша XI—XIII вв. — частица громадного мира, средневековой ойкумены, населенной людьми разных религиозных верований, политических убеждений, говорящих на различных языках. Она находилась в живом соприкосновении с окружающими ее народами и племенами: русскими, чехами, немцами, венграми, литовцами, пруссами, поморянами и пр. Пястовская династия оказывалась тесно связанной с правящими домами многих европейских стран. Историографические традиции в изображении героического прошлого народа, а также тенденциозность хронистов нередко препятствовали объективному описанию исторических событий. Но, несмотря на это, на страницах памятника нашли свою достойную оценку славные подвиги Болесла-

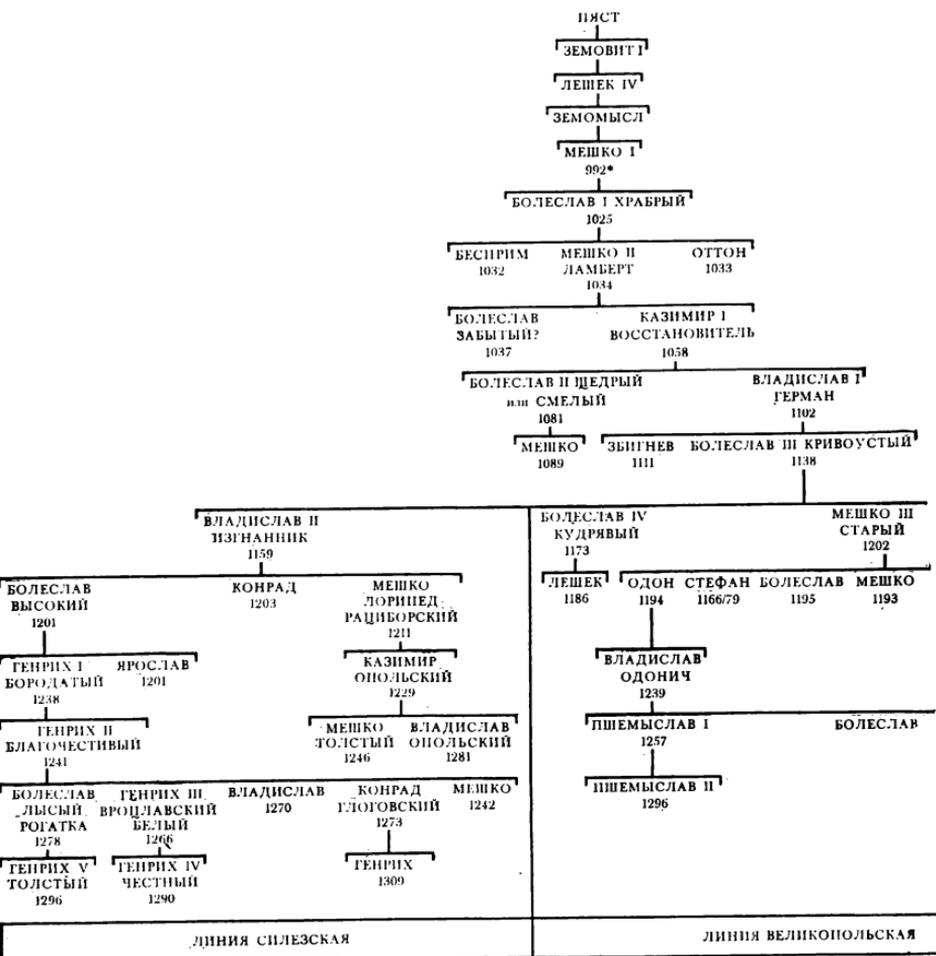
вов и Казимиров, ведущих сложную внешнюю политику, направленную на укрепление и обеспечение независимости своих границ, расширение междержавных связей и подъем престижа своей страны на политической арене.

Изучение памятников славянской средневековой исторической мысли чрезвычайно плодотворно. Хранящие драгоценные зерна исторической правды анналы, жития, летописи и хроники позволяют проникнуть в мир представлений и чувствований средневековых авторов. Они дают возможность ощутить пространственную и духовную мощь той общности, которую именовали «славянством». Польские, чешские, русские средневековые источники представляют убедительные примеры осознания славянскими народами своего этнического и территориального единства, сходства в происхождении, судьбах и путях развития государственности.

Созданное в Польше в XIII—XIV вв. великопольское сочинение имеет большую ценность как европейская историческая хроника. Вместе с тем это памятник, свидетельствующий о величии и значимости славянских народов. Идея славянского и общепольского единства, пронизывающая произведение, отвечала объединительным тенденциям в государственной политике Польши XIII—XIV вв. Уникальные свидетельства хроники позволяют воссоздать сложную историю борьбы князей Великой Польши за независимость и воссоединение разрозненных польских земель. В эмоциональных замечаниях автора угадываются патриотические чаяния всех прогрессивно настроенных слоев населения, сознание причастности к великому народу, сумевшему создать одно из крупнейших государств средневековой Европы.

* *
*

В русской и советской историографии Великопольская хроника еще не была предметом специального исследования. Больше внимания уделялось сочинениям Галла и Кадлубка, свидетельства которых привлекались исследователями при изучении истории Древней Руси и Польши. Настоящее издание хроники, впервые

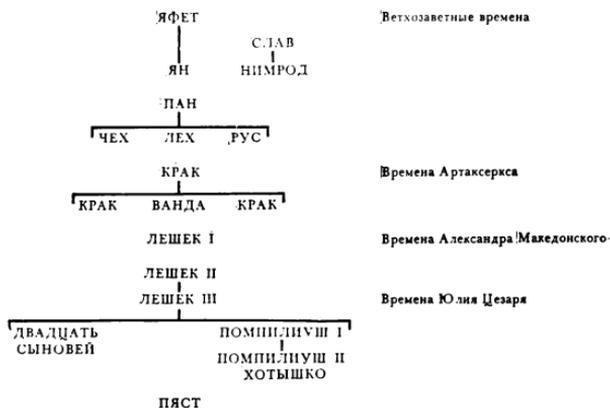

* В таблице указаны даты смерти

переведенной на русский язык, познакомит читателей с этим интереснейшим памятником раннего польского средневековья.

Перевод выполнен по последней публикации хроники в новой серии «Исторические памятники Польши»⁹⁷ (1970), издаваемой в Польской Народной Республике. Латинский текст подготовлен Б. Кюрбис. В соответствии с новой перегруппировкой рукописей приведены

⁹⁷ Monumenta Poloniae Historica. Series Nova. — Warszawa, 1970. — Т. VIII.

	ГЕНРИХ САНДО МИРСКИЙ 1166	КАЗИМИР II СПРАВЕДЛИВЫЙ 1194	
ВЛАДИСЛАВ ВЕЛИКИЙ ЛЯСКОНОГИЙ 1231	ЛЕШЕК БЕЛЫЙ 1227	БОЕСЛАВ КУЯВСКИЙ 1248	КАЗИМИР КУЯВСКИЙ 1266
БЛАГОЧЕСТИВЫЙ 1279	БОЕСЛАВ СТЫДЛИВЫЙ 1279	ЛЕШЕК ЧЕРНЫЙ 1288	КАЗИМИР ВЕЛИКИЙ 1370
	ЛИНИЯ МАЛОПОЛЬСКАЯ	ЛИНИЯ КУЯВСКАЯ	ЛИНИЯ МАЗОВЕЦКАЯ

чтения наилучших (Оттобоньянской, Королевской, Сендзивоя). Обширный критический аппарат дает возможность сравнить все варианты текста других рукописей (Станислава Августа, Вроцлавской, Сенявской, Виляновской, Любиньской или Домбрувки, Краковской). Уточнена пунктуация. Кроме подробного вступления польское издание сопровождают исторический комментарий, географический, этнический и именной указатели, словарь реалий.

Первое переложение хроники на польский язык

осуществлено И. Ковнацким⁹⁸ в начале XIX в. Следующий перевод выполнен более полутора веков спустя профессором К. Абгаровичем⁹⁹. Переводчик пользовался в основном предыдущем изданием А. Белевского и В. Мадеевского¹⁰⁰, а также привлекал и новые рукописные материалы, которые в известной мере во многом подготовили публикацию Б. Кюрбис.

В русском издании хроники учтены последние достижения польской и советской историографии, имеется значительный справочный аппарат. Разбивка текста на абзацы соответствует латинскому изданию. В круглые скобки заключены немногие полонизированные топонимы, антропонимы, этнонимы, ряд социально-политических терминов, а также слова, которые могут иметь двойное толкование.

Инициатором и вдохновителем публикации цикла памятников, хранящих известия иностранцев о Руси был выдающийся советский историк, член-корреспондент АН СССР В. Т. Пашуто, светлой памяти которого с чувством глубокого уважения мы посвящаем эту книгу. Особую благодарность хотелось бы выразить А. Л. Хорошкевич, а также В. Л. Янину, А. П. Новосельцеву, Г. Г. Литаврину, С. П. Карпову, приложившим немало усилий для того, чтобы читатели могли ознакомиться с настоящим изданием Великопольской хроники. Авторы искренно признательны коллегам из Института истории СССР АН СССР, Института славяноведения и балканистики АН СССР и Московского государственного университета — В. И. Матузовой, Я. Н. Шапову, И. С. Чичурову, А. В. Назаренко, В. П. Шушарину, Б. Н. Флоре, А. И. Рогову, Г. Г. Козловой и польской исследовательнице О. Вышомирской-Кузьминской, оказавшим значительную помощь советами и консультациями, и благодарят всех, кто принял участие в издании памятника.

⁹⁸ Kownacki H. Kronika Polaków i Lechitów. — Warszawa, 1822.

⁹⁹ Kronika Wielkopolska/Przetł. K. Abgarowicz, wstęp. i komęt. opr. B. Kürbisówna. — Warszawa, 1965.

¹⁰⁰ Kronika Boguchwała i Godisława Paska/Opr. W. A. Maciejewski, wydał A. Bielowski//MPH. — T. II. — P. 454—598.

ВЕЛИКОПОЛЬСКАЯ ХРОНИКА

Пролог

Во имя Господа Бога. Аминь. Хотя историки [тех], которые теперь называются поляками¹ (Poleni) от [названия] Северного полюса или иначе от крепости Полань², расположенной в границах поморян, над которой они властвовали, благодаря свидетельству письменных известий описали достаточно полно и достоверно передали вечной памяти потомков происхождение королей и князей польских (Regum et Principum Polonogum) и их деяния и достойные удивления смелые подвиги, в особенности [это сделал] досточтимый отец Винцентий³, некогда епископ краковский, и многие другие, однако, поскольку они в своих трудах упоминают некоторых князей Польши⁴ (Ducibus Polenie), преимущественно короля Пшемислава⁵ и ныне правящего, а последовательность его генеалогии, по-видимому, опускают, необходимо перечислить его родоначальников и назвать поименно прародителей его и других князей и правителей Польского королевства (Regni Polonie) и обозначить земли. И, чтобы ясная краткость писания могла увековечить их появление, я с помощью всемогущего бога начал в немногих словах описывать все то, что узнал из исторических анналов польских о королях, властителях, князьях и об их потомстве, все, что узнал из различных метрик различных церквей. А также я изучил и передал памяти устные предания польских старейшин, в которых идет речь о военных деяниях и подвигах. [Начнем изложение] со времени Ассуера⁶.

Во имя Господа Бога. Аминь. Хотя историки лехитов, которые теперь называются поляками (Poloni) от названия Северного полюса или иначе полянами (Polani) от крепости Полань, расположенной в границах поморян, над которой они властвовали, благодаря свидетельству письменных известий описали достаточно полно и достоверно передали вечной памяти потомков

происхождение королей и князей польских и их деяния и достойные удивления смелые подвиги, в особенности [это сделал] досточтимый отец Винцентий, некогда епископ краковский, и другие, однако, поскольку они в своих трудах упоминают некоторых князей Великой Польши (Maioris Polonie), преимущественно короля Пшемыслава, короля этой земли, а последовательность его генеалогии, по-видимому, опускают, необходимо перечислить его родоначальников и назвать поименно прародителей его и других князей и правителей обширнейшего королевства поляков (Polonie), или лехитов, и обозначить земли⁷.

Поскольку поляков называют также и лехитами⁸, следует узнать, почему их называют этим именем. В древних книгах пишут, что Паннония является матерью и прародительницей всех славянских народов⁹, «Пан» (Pan) же, согласно толкованию греков и славян, это тот, кто всем владеет. И согласно этому «Пан» по-славянски означает «великий господин» (maior dominus), хотя по-славянски из-за большого различия в языках можно применить и другое слово, например «господин» (Gospodzyn), ксендз (Xandz) же больше, чем Пан, как бы предводитель (princeps) и верховный король¹⁰. Все господа называются «Пан», вожди же войска называются «воеводами» (woyeuody); эти паннонцы, названные так от «Пан», как говорят, ведут свое происхождение от Яна, потомка Яфета¹¹. Из них первым, как утверждают, был этот могучий Нимрод¹², который впервые стал покорять людей, братьев своих и подчинять своему господству.

Итак, от этих паннонцев родились три брата, сыновья Пана, владыки паннонцев, из которых первенец имел имя Лех, второй — Рус, третий — Чех¹³. Эти трое, умножась в роде, владели тремя королевствами: лехитов, русских и чехов, называемых также богемцами, и в настоящее время владеют и в будущем будут владеть, как долго это будет угодно божественной воле; из них наивысшей властью и господством во всей империи всегда обладали лехиты, как это явствует из хроник и из их территории¹⁴.

У славян существует большое разнообразие в языках и в то же время они понимают друг друга, хотя в некоторых словах и в их произношении существуют, по-видимому, кое-какие различия. Языки эти берут начало от одного отца Слава, откуда и славяне (Slavs)¹⁵.

они и до сих пор не перестают пользоваться этим именем, например Томислав, Станислав, Янислав, Венцеслав и др. Утверждают, что от этого же Слава произошел Нимрод. Нимрод по-славянски означает «Немежа» (Nemergza), что и понимается по-славянски как «не мир» (поп рах) или «не измеряющий мира» (поп мепурагас расет), от которого началось среди людей рабство, в то время как прежде у всех была незыблемая свобода. Сперва он безрассудно пытался подчинить своей власти своих братьев; дерзость его безрассудства навлекла закон рабства не только на его братьев из рода славян, но также и на весь мир.

Исходя из вышесказанного, можно назвать четыре государства славян, а именно паннонцев, лехитов, русских и чехов или богемцев. И, так как впоследствии появилось много других государств и королевств славянского народа (Slavonice pacionis), достойным является сообщить их имена и объяснить их. Королевство болгар¹⁶ ведет свое название от реки Булга (Vulga). Таким же образом королевство Расция¹⁷ идет от «рац» (Racz), что означает след многих коней, собранных в одно войско. Ведь отсюда славяне множество всадников называют «раци». Королевство же Далмация называется так потому, что королева паннонцев даровала своему сыну эту приморскую часть и повелела короновать его королем. Полагают, что эта королева по имени Саба была с Юга и пришла для того, чтобы послушать мудрость Соломона¹⁸. Да и река паннонцев называется Саба, и, как говорят, она получила свое название от нее. Также говорят, что королевство Далмация¹⁹ «dala macz», так сказать дала мать. Также рани или рана²⁰ называются так потому, что при столкновении с врагами они обычно кричали «рани, рани», т. е. «раны, раны». Также и сорабы²¹ получили свое название от «сорбан», что можно истолковать двояко: ведь галлы называют эту страну Сервия (Serviam), желая сказать, что побежденные Нимродом, они [сорабы] были [поселены там] как его-рабы²². Это, по-видимому, лишено основания, так как не только эта небольшая часть славянского корня, но, вернее, весь народ славянский считался зависимым от него. Правильнее полагают, что сорабы — от Сарба, который также получил и имя Сарбан, подобно тому как иудеи называются от Иуды, лехиты — от Леха и прочие [народы]. Есть славянский народ с названием кашубы²³, и так

их назвали из-за ширины и длины одежды, которую они должны были собирать в складки вследствие ее ширины и длины. Ведь по-славянски морщина или складка на одежде называется «хуба» (huba), отсюда и «кашубы» (Casshubii), то есть «складывай складки». Большая [часть] их живет вокруг Северного моря. Существуют также и другие славяне, которые называются древняне, а тевтонцы называют их голзатами (Halczste)²⁴. Их главные крепости следующие: Буковец, который теперь называется Любек, также Гам, т. е. Гамбург и Бремен, который был их столицей и местом жительства. Там же находятся княжеская крепость Шлезвиг и город Чешнина. Во главе их стоят комиты²⁵, которых назначил император Генрих²⁶, как говорят, после того, как подчинил императорской власти эти края славян. Этот народ получил свое название из-за гущи лесов и деревьев. Ведь древнянами (Drewpanye) они именуется от «деревьев» (lignis). Называются они также травнянами от какой-то реки, которая зовется Травна.

Стоит узнать, что славяне и тевтонцы, как говорят, происходили от двух братьев — Яна и Куса, потомков Яфета, согласно сообщению Исидора²⁷ в первой книге «Этимологий» и Мартина в «Хронике Римской»²⁸. Именно они описывают Германию, [пользуясь названиями] рек, как например Дунай, Рейн, Висла, или Вандал, Одра, или Гуттал и Эльба, или Лаба, обозначая при помощи этих больших рек [местность] от их устья до их впадения. Рейн и Дунай — это большие реки тевтонцев, Вандал же, Одра и Эльба — это реки Польского и Чешского королевств. Некогда они поселились вокруг этих трех последних рек, а также в областях, к ним примыкающих, и владеют ими вплоть до Северного моря, хотя саксы, оставив свои очень небольшие земли и деревни своего народа, переселились на обширную землю славян и среди них обрели себе постоянные жилища.

Всем этим славянским народам, за исключением только Паннонии, но совместно с Каринтией²⁹, жители которой называются керуханами от «корыта» (coritha), что истолковывается как «каналы»³⁰, [народы] всегда подчиненные власти лехитов, платили подати вплоть до времен короля Казимира Монаха³¹. В его время, прежде чем по повелению господина папы³² он ушел из монастыря в Клюни, где находился в послушании,

многие народы, выйдя из повиновения лехитам, перестали выплачивать им обычные подати.

А вот и иное истолкование слова «германцы»³³. Говорят, что оно происходит от [слова] «gegman», когда один с другим связан узами братства. Ведь «гегмо» есть какое-то приспособление, в котором два вола, соединенные вместе, тащат плуг или повозку. Так и тевтонцы, имея соседние королевства со славянами, постоянно общаются с ними, и нет в мире других народов столь близких и дружественных, чем славяне и тевтонцы. Таким образом, латинянами они были названы «ducz» — отсюда тевтонцы и «Slaws» — отсюда славяне, то есть родные братья.

Не следует также пройти мимо венгров, которые и сами являются славянами³⁴. Венграми они называются от некой реки по названию Вкра³⁵, вытекающей из какого-то большого озера, около которого теперь расположен город Пшемыслав, [и течет эта река] по направлению к Северному морю. После того как готы³⁶ ради ограбления народов вышли с островов, которые называются Скандза и Готальрик³⁷, и стали их в собственных жилищах притеснять и причинять неприятности, венгры вместе с женами и детьми решили вернуться в земли паннонцев, откуда они родом, и навсегда там поселиться. Но так как Бог решил покарать именно их за грехи некоторых народов, то они отправились не прямой тропой, дабы не причинить вреда во время пути своему славянскому народу, но пошли опасным путем через Тевтонию, Бургундию, а затем и через Ломбардию до земель Славонии, по пути разоряя города и проливая много человеческой крови. Их король по имени Тила, который в сочинениях именуется Аттила³⁸, придя в Паннонию, решил установить себе там постоянное местопребывание, и, так как многие славянские народы сошлись к ним [венграм], они тогда стали называться не вкранами, а вандалами³⁹. Та часть славян, которая называлась вкранами от реки Вкра, впоследствии, смешавшись с народом гуннов⁴⁰, которые, как об этом полнее пишет Мартин в своей «Римской Хронике», придя в Паннонию с гор Сицилии и подчинив ее своему господству, была названа венграми (Hungari) как от гуннов (Hunpis), так и от вкранов⁴¹.

Впоследствии Лех со своим потомством, идя по широчайшим рощам, там, где было Польское королевство, пришел к некоему месту с весьма плодородной

почвой, изобилующему рыбой и дикими зверями, разбил там свою палатку, намереваясь построить себе и своим первое жилище, и сказал: «Будем вить гнездо». Вот поэтому это место вплоть до настоящего времени называется «Гнездо», то есть «свивание гнезда».

Поскольку я немного отвлекся от того материала, о котором намеревался писать, вернемся теперь к нашему первоначальному изложению. И, чтобы ясная краткость писания дала возможность запомнить события, я с помощью всемогущего Бога изучил и вкратце передал памяти потомства [историю] королей, князей и предводителей Польского королевства, то есть обширнейшего государства лехитов, а также их потомков, как это я узнал из анналов истории Польши, и все, что я видел в разных [записях] различных церквей, а также все, что я узнал из устных рассказов знатных старцев польских, от внимания которых не ускользнули ни военные деяния, ни события того времени.

Глава 1. О Краке¹, первом короле лехитов

Итак, прежде всего посмотрим, откуда произошли короли лехитов. Во времена короля Ассуера, в то время как галлы нападали на различные королевства и провинции и занимали их, лехиты обычно жили как братья, происходившие от одного отца, не имели ни короля, ни князя, но только выбирали из числа своих двенадцать наиболее знаменитых и богатых людей, которые должны были разбирать возникавшие между ними спорные вопросы и управлять государством. Они ни от кого не требовали ни податей, не принуждали оказывать услуги, но, опасаясь нашествия галлов, единодушно, согласно божественной воле, избрали среди своих братьев-лехитов начальником войска или, вернее, предводителем (ведь по польскому толкованию предводитель войска называется «воевода») некоего деятельного мужа по имени Крак, чья усадьба была в то время возле реки Вислы. Этот Крак, что на латинском языке означает «ворон», был как победитель провозглашен лехитами королем. Он построил крепость, названную [потом] по его имени «Краков», которая прежде имела название «Вавель». «Вавель» — это как бы какая-то припухлость, которую, как говорят, обычно имеют люди, проживающие в горах, и она у них обра-

Вид Вавеля. Гравюра 1550 г.

зуются в горле из-за питья воды. Так же и гора, где теперь расположена краковская крепость, называлась «Вавель», а неподалеку, с другой стороны Вислы, имеется небольшая гора², носившая уменьшительное название «Вавельница», на которой построен костел св. Михаила на Скальце (de Rupella). У этой небольшой горы был построен большой и могущественный город, который, как уверяют, Александр Великий сравнивал с землей³. Говорят, что у него [Крака] были два сына и одна дочь. Младший из них по имени Крак, для того чтобы наследовать отцу в королевстве, тайно, прибегнув к хитрости, убил старшего брата. Умер он одиноким, не оставив потомства и только одна его сестра по имени Ванда⁴, что по латыни означает «крючок», осталась в живых. Пишут, что она была такой красивой

и миловидной наружности, что всех, кто на нее смотрел, привлекала к себе своим приятным видом. Поэтому она и была названа «Ванда», то есть «крючок». Она, благоразумнейшая женщина, пренебрегая брачным ложем, великолепно правила Польским королевством согласно воле народа, пока весть о ее красоте не дошла до некоего короля алеманов; поскольку он не мог склонить ее к браку с ним ни деньгами, ни мольбами, [то], желая и надеясь достичь исполнения своих чаяний, он прибегнул к враждебным угрозам и нападениям со своим войском. Собрав большое войско, он приблизился к землям лехитов и пытался враждебно вступить в них. Упомянутая Ванда, королева лехитов, нисколько не испугавшись, вместе со своими вышла навстречу его могущественным силам. Вышеупомянутый король, увидев, что она подошла со своими наводящими ужас полчищами, в смятении то ли от любви, то ли от негодования, воскликнул: «Пусть Ванда повелевает морем, пусть землей, пусть воздухом, пусть приносит жертвоприношения своим бессмертным богам, а я за вас всех, о знатные, принесу торжественную жертву подземным богам, чтобы как вы, так и ваше потомство непрерывно находились под властью женщины». И вскоре, бросившись на меч, покончил с жизнью. Ванда, получив от алеманов клятвы в верности и вассальной зависимости, вернувшись домой, принесла богам жертвоприношения, соответствующие ее великой славе и выдающимся успехам. Прыгнув в реку Вислу, воздала должное человеческой природе и переступила порог подземного царства. С этих пор река Висла получила название Вандал по имени королевы Ванды, и от этого названия поляки и другие славянские народы, примыкающие к их государствам, стали называться не лехитами, а вандалитами.

Глава 2. О Лешке первом ¹

После кончины королевы Ванды в течение многих лет вплоть до времени короля Александра лехиты были лишены короля, но избирали только воеводу и двенадцать правителей. В его время, как говорят, некий искуснейший в золототканном деле мастер, который могуществу Александра противостоял скорее мастерством и трудолюбием, нежели храбростью, принудил уйти

последнего из земель лехитов бесславно и не без конфуза. Из-за этого лехиты избрали его королем, дав ему имя Лешек. Ведь говорят, что Лешек означает «хитрец», так как победил он непобедимейшего короля Александра хитростью и подвохами. И затем скончался, не оставив потомства.

Глава 3. О Лешке втором

По смерти Лешка среди жителей королевства лехитов возникли большие распри, и поэтому как знатные, так и община постановили собраться в одном месте, намереваясь выбрать правителя. Когда они собрались, [то], согласно мнению некоторых знатных, решили, чтобы тот считался всеми королем, кто первый доскачет до статуи на пегом коне. А один, стремясь к управлению государством, поступив непродуманно, тайно покрыл железными шипами всю ширину поля, через которое они должны были достичь статуи, оставив свободной только одну тропинку, по которой должен был ехать сам. Двое юношей хрупкого телосложения обязались достичь статуи пешком, и побежденный должен был навсегда назвать победителя королем. Когда же они хотели бежать к мете, тотчас остановились, так как поранили себе ноги острыми шипами, которые расставил в поле изобретатель хитрости. А когда наступил тот день, в который предполагали скакать всадники, этот хитрец скачет по намеченной им тропинке. И так как он хорошо позаботился о копытах своего коня, ему удалось не наколоться на шипы, которые сам же разбросал. В то время как конные спешат к статуе, один из этих двух пеших юношей, меньше повредивший свои ноги и уже восстановивший свои силы, переменяя путь, не без насмешки со стороны народа, бежит по изгибам поля и в конце концов приближается к мете. Все же тот хитрец обогнал его и поэтому был назван всеми королем. А те, кони которых были поранены шипами, увидели, что опередившая их лошадь имела на копытах железные подковы, и таким образом обнаружили его хитрость. Они называли его Лешек, то есть «хитрец», и на основании приговора он был растерзан на куски. А тот, пеший, по суждению знати (proceres) своего королевства и всего народа избирается вместо него королем, все приветствуют его как короля, и по-

лучает он имя Лешек второй, по имени Лешка, преданного казни. Когда же он должен был воссесть на престол в царских одеяниях, он положил одежды своей бедности по правую сторону трона, показывая этим добродетель своего положения и своей покорности, желая также показать потомкам, что короля более красивым и видным делает скорее смирение, чем пурпурные одежды. Был он такой великой щедрости, что скорее предпочитал [нести] убытки из-за проявленной доблести, нежели [иметь] изобилие благодаря скупости. Был он весьма разумен, всегда трезв, знаменит многими добродетелями. Счастливо почил в бозе, оставив одного сына по имени Лешек.

Глава 4. О Лешке третьем

Во времена этого Лешка Юлий Цезарь, стремясь подчинить славянские царства власти римлян, вторгся во владения лехитов. Вышеупомянутый Лешек, в меру своих сил сопротивляясь ему со своими храбрейшими лехитами, трижды с ним сразился, перебив очень много народа из войска Юлия Цезаря. Он также в Персии, завязав сражение, победил некоего тирана по имени Красс¹, который командовал парфянами, и приказал налить ему в рот растопленного серебра, говоря при этом: «Ты жаждал серебра, пей его». Юлий Цезарь, находясь в пределах Славонии, выдал за этого Лешка свою сестру [Юлию] и дал ему в качестве приданого землю Баварии. Юлия же по воле своего супруга построила две сильнейшие крепости, одну из которых назвала по имени брата «Юлий», теперь [она] называется «Любуш», а другую «Юлин» — теперь «Волин». Когда она от своего мужа Лешка родила сына и сообщила об этом своему брату Юлию Цезарю, находившемуся в то время в Славонии, тот, обрадовавшись рождению племянника, дал ему имя Помпилиуш. Но, когда Юлий в сопровождении лехитов вернулся от славян в Рим победителем и после того, как лехиты вернулись домой, римляне очень разгневались на него [Цезаря] за то, что он отдал Баварию под власть лехитов. Тогда Юлий свой дар — Баварию — взял обратно. Вследствие этого Юлия, сестра его, была удалена от Лешка, короля лехитов, а сын ее, вышеупомянутый Помпилиуш, остался у отца. Этот Лешек, отвергнув

жену Юлию, от других жен и наложниц породил двадцать сыновей², которым дал приморские земли как княжества и графства.

Имена этих сыновей следующие: Болеслав, Казимир, Владислав, Вроцислав, Одон, Барним, Пшибыслав, Пшемыслав, Якса, Семиан, Земомысл, Богдал, Спицигнев, Спицимиж, Збигнев, Собеслав, Вышимир, Чешмир и Вислав.

Имена этих сыновей следующие: Болеслав, Казимир, Владислав, Вроцислав, Одон, Барним, Пшибыслав, Богдал, Пшемыслав, Семиан, Собеслав, Земомысл, Спицигнев, Спицимиж, Збигнев, Собеслав, Вышимир, Чешмир и Вислав³.

Некоторые крепости и города, которые они основали, они назвали своими именами; каждому отец отдал по княжеству возле Северного моря вплоть до Вестфалии, Саксонии, Баварии и Тюрингии. Помпилиуша как первородного назначил над всеми королем и приказал короновать его. Полагают, что во времена этого Лешка родился от Девы Христос. Во времена императора Нерона, правителя римлян, наисчастливейший основатель королевства лехитов Лешек в покойной старости, исполнив долг плоти, скончался.

Глава 5. О Помпилиуше первом

Этому Лешке наследовал сын его Помпилиуш. Он был старшим, и братья его, названные выше поименно, такое выказывали ему послушание и такую проявляли братскую любовь, что, узнав, как он слабеет, они поспешно направились к нему в Крушвицу. Там они нашли его мертвым и сына его, молодого Помпилиуша, назначили королем. Когда последний короновался, они немного пробыли у него, дали ему присягу в верности и счастливо вернулись по домам.

Глава 6. О Помпилиуше втором

Этот Помпилиуш был человеком в высшей степени бесчестным. В самом деле, он больше стремился водить с девушками хороводы, нежели вести войны, и вследствие безудержного стремления к постыдной роскоши и из-за лени стал нерадивым, в бегстве был

первым, в сражениях — последним, участвовал во всех непристойных начинаниях, деспотически относился к братьям своего отца, а они проявляли ему вернейшее послушание. По навету своей бесстыдной жены на их приветливость отвечал ненавистью, на дружбу — интригами, на уважение — жестокостью. Делая вид, что слабеет и чувствует приближение смерти, он созывает своих дядьев, смягчает их сердца сладкими речами; покаясь на ложе в притворном недомогании, заявляет, что нет у него сил далее жить, убеждает и просит, чтобы они обсудили, кто будет ему наследовать. В конце концов, прощаясь с ними, безжалостно умерщвляет их питьем, поданным его женой. Этот, скорее тиран, нежели король, приказывает, чтобы тела их оставались непогребенными, якобы они убиты по божественной воле. Этот отвратительный Помпилиуш получил прозвище «Хотышко» (Chosziszco), так как на голове у него было немного длинных волос¹. Именно «Хотышко» означает «метелка»², отсюда уменьшительное название «маленькая метелка». Но преступление, совершенное им по отношению к дядьям, не осталось неотомщенным: ведь вследствие гниения трупов отравленных им дядьев, непогребенных по его приказанию, появились огромной величины мыши, которые напали на вышеупомянутого Помпилиуша. И нельзя было спасти его от них ни огнем, ни мечом, ни палками, и они, преследуя, стали его кусать. Наконец, он вместе с женой и двумя сыновьями бежал в какую-то высоченную башню, находившуюся в крепости Крушвице, и там, изгрызенный мышами, закончил свой последний день.

Глава 7. Об избрании короля по имени Пяст¹

Когда род Помпилиуша, прозванного Хотышко, был с корнем уничтожен, знатные люди (proceres regni) королевства, придя в вышеупомянутый город Крушвицу, слышавший в те времена среди городов лехитов наиболее сильным и красивым, начали думать об избрании будущего правителя; хотя они и желали выбрать кого-либо из сыновей отравленных князей, однако, поскольку они предлагали разных, [то] не могли прийти к общему согласию, ставя свое благосостояние выше общественной пользы. В конце концов они решили избрать кого-либо простого и скромного происхождения,

однако свободно рожденного и потомка лехитов. И был им некий бедный землепашец по имени Пяст, имя его жены было Репка, и жили они в упомянутом городе Крушвице. Предполагали, что они во времена Помпилиуша, или Хотышко, гостеприимно приняли двух чужеземцев, то ли ангелов, то ли, согласно мнению некоторых, мучеников Иоанна и Павла, которых привратники вышеупомянутого правителя (principis) Хотышко отогнали от входа в его дом. Эти два чужеземца пришли в жилище Пяста во время выборов, и чудесным образом вышеупомянутого Пяста избрали королем. А именно, когда для такого количества [людей], собравшихся избрать короля, не хватило пива, и Пяст в своем жилище наварил только малость меда для себя и для своей семьи, медвяная жидкость, которая польски называется «мед», настолько увеличилась, что ее в изобилии хватило всем, и каждый мог пить столько, сколько хотел. Увидев это чудо, сотворенное божественной милостью, они единогласно избрали вышеупомянутого Пяста своим королем. Назывался он Пястом потому, что ростом был мал, но крепок телом и красивой наружности.

Глава 8. О Земовите первом

Пяст, отмеченный королевскими знаками отличия, разумно управлял королевством и от своей супруги Репки имел одного сына, которого, когда тот подрос, назвал Земовитом. Этот последний четырнадцати лет от роду наследовал отцу в королевстве и из-за этого как отцом своим, так и другими был назван Земовит. Ведь Земовитом называется тот, который уже говорит¹; ведь ему было уже четырнадцать лет, когда умер отец. Земовит восстановил многое, утраченное Хотышко, был он во всем деятелен и удачлив, во всем преуспевал, над врагами торжествовал; однако сыновей и внуков князей, преступно отравленных, не сумел ни угрозами, ни подачками, ни военными нападениями склонить к послушанию, поскольку они всегда, вплоть до времен знаменитого Великого Болеслава², насколько могли сопротивлялись ему и его преемникам и по двум причинам отказывались от повиновения отцу его Пясту и ему самому. Первая причина состояла в том, что по отношению к их отцам и дедам Хотышко совершил жесто-

чайшее преступление, а именно те были [им] коварно отравлены. Вторая — в том, что королем был избран Пяст, низший по роду, а они остались в пренебрежении. Земли вышеупомянутых князей были следующие: у Болеслава — Нижнее Поморье, у Казимира — Кашубия³, у Владислава — часть Венгрии, которая находится между реками Тиссой, Дунаем и Моравой; Яксе⁴ [принадлежала] Сорабия, Вроциславу — Рания, Пшебыславу и Одону⁵ — Джевина⁶, Пшемыславу — Згожелец, который теперь называется Бранденбург⁷. Остальные постоянно владели прочими землями и дистриктами⁸ в Славонии и Каринтии, [расположенными] вокруг рек Лабы, Одры, Пианы, Доложи, Вкры, Рекницы, Варны, Гоболи, Спревы, Гыли, Суды, Меци, Травны и вокруг других [рек]. Из них двое, а именно Вислав [заложил] крепость под названием Мендзыбоже, теперь Магдебург, и Собеслав — другую крепость под названием Дален, которую тевтонцы называют Даленберг. Чешмир укрепил часть Древины, теперь Голзация, у Шлезвига, и Вышимир — основал крепость на берегу Северного моря, где теперь город назван его именем — Вышимир⁹.

Главные крепости вышеуказанных властителей лежали на запад и к Северному морю. Бремен назван так от «бремени», так как неприятели, а именно вестфальцы и фризы и другие, нападали на славян, и последним приходилось им сопротивляться. Так же и крепость Луна, которая теперь именуется Лунбург. Называется она так, поскольку возникла из громадного камня среди полей. А ведь славяне блеск месяца, светящегося в ночи, называют «луной», поэтому и вышеуказанную крепость, дающую свет на равнине полей, называют луной. Был там также поблизости большой город по названию Бардвик. Славяне обычно называют города «виками», а именно «викус» — это собственно по-славянски «город», в котором есть рыночная площадь. Они не говорят «пойдемте в город», но говорят «пойдемте в вик». И таким образом Бардвик получил название от тамошней реки и от вика. Так же и Шлезвиг происходит от «sledz», так по-славянски называют рыбный соус (allec). Так же и крепость Буковец, где теперь можно видеть в Любеке монастырь братьев проповедников¹⁰. Славяне же, проживающие там, город Любек называют не Любек, а Буковец. Там же и крепость Рацибуж. И крепость Шверин, которую какой-то император, по-

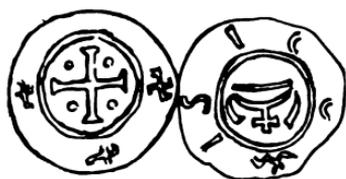
бедив короля славян по имени Микл, подарил, как говорят, некоему знатному (nobili) мужу из Далена или Даленберга. Его он назначил специальным комитом (comitem specialem) шверинским, так как нужно было обороняться от сыновей Микла. Этот самый Микл основал какую-то крепость на болоте возле деревни под названием Любово, возле Вышимира. Эту крепость славяне некогда называли Любово по названию деревни Любово, а тевтонцы ее называли по имени Микла — Микленбург. Поэтому до настоящего времени властитель этого места называется «Микленбург», на латинском же языке он именуется по величине полей «Магнусполен», [названием], как бы составленным из латинского и славянского языков, поскольку славянское «поле» на латинском языке звучит «кампус». Также крепость Илов берет свое название от плотности почвы. Равным образом Росток — от разлива рек, Верла — от «доверчивости», Званово — от собственного имени, так как «зван» — это как бы «вызванный». Остров — от острова. Также Чешин, Марлов, Болель, Тшебешеве, наконец, Вологощ, Кашов, Велунец, который иначе назывался Волин. И в конце концов пишут, что все эти крепости расположены вокруг Северного моря. Другими же крепостями владеют князья Саксонии, маркграфы бранденбургские, князья щецинские; однако, после того как старые названия были изменены, некоторые из них приобрели новые названия, названия же других остались прежними.

Глава 9. О Лешке четвертом¹

Прошло немного времени царствования Земовита, и у него родился сын по имени Лешек. Он, идя по стопам отца, проявил себя с самой лучшей стороны во всех доблестных поступках. В молодые годы у него родился сын Земомысл, и имя это понимается как «думающий о земле». С этим самым сыном он спокойно правил землями, ему подвластными, поскольку и соседи под его властью наслаждались тихим покоем, и он ни от кого из соседей не получал никаких неприятностей. Их успехи сделали их настолько знаменитыми, что доблестными поступками они затмили своих предшественников.

Глава 10. О Мешко первом¹

У Земомысла и жены его родился сын, который в течение семи лет от рождения оставался слепым. Поляки, видя это, а также зная, что другой сын у короля Земомысла, хотя прошло семь лет, уже не родится, в смущении говорили: «Вот опять замешательство [meska] в королевстве». Замешательство, говорят, все равно, что смущение или волнение. Ведь они знали, что после смерти Хотышко, которого съели мыши, много смут произошло в Польском королевстве и боялись второго их появления. Вот поэтому они назвали слепого сына короля Мешко (Meskam). Земомысл же, как рассказывают исторические анналы поляков, наследовал в Польском королевстве своему отцу Лешке четвертому в

Монета Мешко I. Надпись на монете — misico

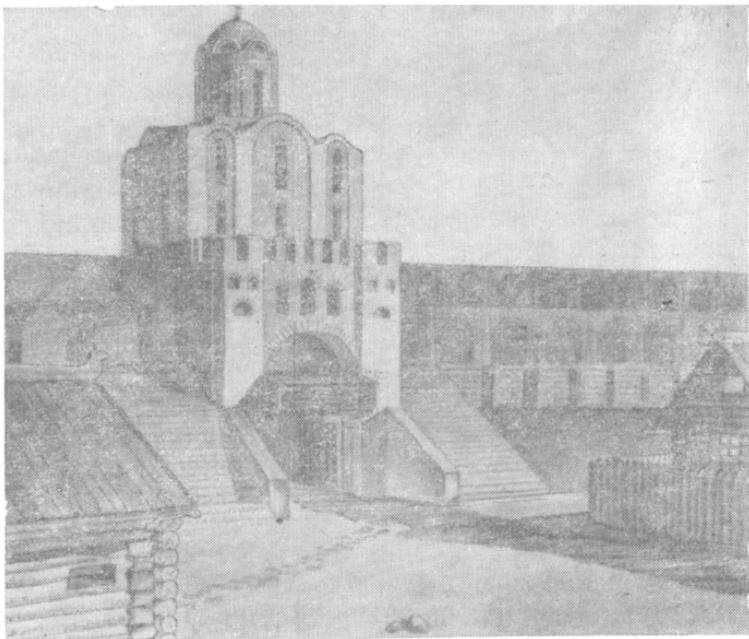
913 году и в 931 породил своего вышеупомянутого сына Мешко. Этот Мешко в возрасте семи лет по воле богов обрел зрение. И наконец, в 931 году взял в жены Дубровку², сестру св. Вацлава. На следующий год под влиянием своей жены и божественного вдохновения вместе со всем народом лехитов или поляков принял таинство святого крещения³. От этой жены в 937 году породил сына, которому при святом крещении приказал дать имя Болеслав⁴; в 938 году он установил в Польше епископом Иордана⁵.

От этой жены в 937 году породил сына, которому при святом крещении приказал дать имя Болеслав⁴; в 938 году он установил в Польше епископом Иордана⁵.

Глава 11. О Болеславе первом¹

Болеслав первый Великий, прозванный Мужественным, что по-польски означает Храбрый, уверенно восстановил границы Польши, утерянные прежде. Он заложил шесть кафедральных соборов, из них первым — познаньский, где после смерти он и покоится в середине костела; затем гнезненский, мазовецкий, который теперь называется плоцким, краковский, вроцлавский и любушский. Куявский же, который также называется и владиславским, основал уже его сын Мешко. Он [Болеслав] также заложил, построил и наделил имуществом много монастырей. О его необычных деяниях пи-

сать, по-видимому, нет надобности, так как в винцентовой хронике² все лучшие стороны его доблести описаны достаточно подробно. Сам он установил, как говорят, в Польше подать, которая называется «строжа» (strossza)³, так что каждый от плуга или сохи ежегодно вносил в житницу короля одну меру пшеницы и одну меру овса, за исключением тех, кто состоял на военной службе государства. Подать эта называется «строжа» потому, что брали ее для [удовлетворения] нужд людей, находившихся на страже в крепостях, особенно для тех, кто пребывал на крайних границах королевства. Ибо вышеупомянутый король Болеслав, после того как установил границы Польши в Киеве, который является столицей Руси, на Тиссе и Дунае, реках Венгрии и Каринтии и на реке Солаве⁴, текущей по направлению к Тюрингии и Северному морю, он построил, храбро восстанавливая границы, утерянные его предками, много крепостей на окраине королевства для сохранения своего государства и для оказания сопротивления своим недругам, и в особенности по берегам рек Солавы и Лябы. За этой Лабой по направлению к Вестфалии он построил крепость под названием Бремен и дал ей такое название потому, что эта крепость на своих плечах перенесла весь груз тяжести, получаемой от врагов, и она же охраняла своих горожан от бедствий. В народе бремя или тяжесть называют «бременем». Говорят, что ангел вручил ему меч, которым он с помощью бога побеждал своих противников. Этот меч и до сих пор находится в хранилище краковской церкви, и польские короли, направляясь на войну, всегда брали его с собой и с ним обычно одерживали триумфальные победы над врагами. Скончался Болеслав в 1026 от Р.Х.⁵ в крепости Познань и покойся там в гробнице в середине костела. В его время император Оттон Третий, прозванный Рыжим⁶, вступил в Польшу ради посещения святой гробницы (sancti limina) св. Адальберта⁷, которого он при жизни очень почитал. Болеслав принял его с почетом и устроил пышный прием. В свою очередь Оттон назначил Болеслава соправителем империи, возложил ему на голову королевскую диадему, а за его сына Мешко просватал свою родную сестру⁸. Болеславу он преподнес в качестве дара копые святого Маврикия и гвоздь Господен. Болеслав же в знак взаимной приязни и из уважения к императорскому достоинству подарил императору Оттону среди прочих даров руку святого мученика

Золотые ворота XI в. Реконструкция Ю. Асеева. Рис. В. Рыбалки. 1970

Адальберта. И было это в 1001 г. от Р.Х.⁹ Меч короля Болеслава, о котором речь шла выше, был дан ему ангелом и получил название «щербец», так как он, Болеслав, придя на Русь по внушению ангела, первый ударил им в Золотые ворота¹⁰, запиравшие город Киев на Руси, и при этом меч получил небольшое повреждение; повреждение же по-польски означает «щербина», и поэтому и меч стал называться «Щербец»..

Глава 12. О Мешко втором

По смерти Болеслава Великого на престол вступил его сын Мешко второй¹. Он только о себе и заботился, отнюдь не о государстве. В его время чужеземные народы отказались ему повиноваться и, наблюдая его беспечность, отказались выплачивать ему подати, которые обычно выплачивали его отцу. Мало того, начальники крепостей отобрали себе и передали навечно своим потомкам крепости, некогда построенные его отцом Болес-

лавом, как было упомянуто выше, на крайних границах королевства, в особенности по реке Лабе. Этот Мешко имел двух сыновей от сестры императора Оттона, а именно Болеслава и Казимира². После смерти Мешко в 1033 году от Р.Х.³ ему наследовал его первенец Болеслав⁴. Он, до того как был коронован, принес своей матери немало позора. В самом деле, мать его, происходившая из знатнейшего рода, не имея сил переносить его беспутство, забрав своего младшенького сына Казимира, отправилась в родную землю в Саксонию, в Бруншвик и там отдала его в науку, а сама, как говорят, ушла в какой-то монастырь. Болеслав же вследствие своей свирепости и множества преступных деяний, хотя и был отмечен королевской диадемой, плохо кончил свою жизнь и не числится в списках королей и правителей Польши. После его смерти в Польском королевстве возникло много смут и войн⁵, больше междоусобных, чем внешних. И в то время как Польское королевство из-за непрерывных войн почти что потеряло свое могущество, знатные люди (proceres) Польского королевства отправились в Саксонию к своей госпоже королеве, разыскивая своего господина Казимира. От нее они узнали, что она определила его в Париж для изучения свободных наук, где он и находится и учится, и что он вступил в орден святого Бенедикта⁶ в монастыре в Ключни. Когда же они поспешили туда, то нашли его уже посвященным в диаконы. Посоветовавшись с аббатом, они не вернулись на родину, но отправились в Рим и обратились со смиренной просьбой к папе Бенедикту IX, чтобы он приказал вернуть им их правителя, а также милостиво уделил бы ему пособие, чтобы тот мог взять себе жену, и, таким образом, Польское королевство не останется без наследника. [Они ссылались также] на несчастья Польши, на поношение христианской веры, на пролитие крови в результате нашествия татар⁷ и других нечестивых народов, находившихся вокруг Польши, которые постоянно совершали набеги и вторжения. Папа же отнеся к их просьбам с отцовским уважением, разрешил, дабы польский народ не остался без правителя, чтобы князь Казимир, который в Саксонии жил под именем Карла, а в монастыре — Ламберта, ушел из монастыря ради управления королевством, и милостиво выдал ему диспенсию⁸, чтобы он имел возможность взять себе жену. За эту диспенсию князь Казимир и польский народ обязались выплачи-

вать постоянно с каждого человека динарий на святильник св. Петра и на построение церкви. Из монастыря в Ключи он направился в Саксонию к своей любезной матери и к князьям Саксонии, своим дядьям, и был принят ими с большой радостью. Последние, присоединив к себе не малое число рыцарства, сопроводили его, не без больших военных столкновений⁹, в Польское королевство. Этот Казимир, выказав огромное мужество, повсюду обратив врагов в бегство, мирно владел Польским королевством. Назван он был «Восстановителем» вследствие того, что возвратил многое, утерянное его отцом Мешко, и счастливо восстановил то, что было сравнено с землей.

Удивительным образом установив мир на польских землях, он взял себе в жены дочь князя Руси Романа, сына Одона, по имени Добронега, иначе именуемая Марией¹⁰. От нее у него было четыре сына: Болеслав Смелый, иначе Щедрый или Воинственный, убийца св. Станислава, Владислав Набожный, Мешко III и Одон I. Одон и Мешко скончались, не оставив потомства. Хотя этого Казимира весь польский народ и некоторые славянские племена охотно признали своим королем, одна только Мазовия не побоялась ему сопротивляться. А именно некто из незнатного рода, однако человек деятельный и сильный, душой необузданный и привычный к военному делу, по имени Мечислав¹¹ занял Мазовию, знатных людей этой провинции некоторых дарами, некоторых насильно принудил к послушанию ему. Он призвал на помощь против Казимира даков¹², гетов или пруссов и русских¹³, с помощью которых осмелился объявить Казимиру открытую войну. В этом поединке, побежденный и разбитый, вместе со своими сторонниками, [он] бежал из Мазовии к пруссам, надеясь там найти свое спасение. А пруссы, тяжело переживая убийство многих своих [и] желая отомстить ему за поражение и за свою обиду, на него возлагают вину. Взяв в плен Мечислава, подвергнув его тяжелым наказаниям, они прибавляют его к высоченной виселице, приговаривая: «Ты домогался очень высокого, так и достигни высокого». Вот как у поэта:

Постыдно мужам не быть мужами, одевать
рабов в дорогие одежды.
Постыдно, чтобы белая шея сжималась грязным
ярмом.

А также стих:

Не домогайся переходить те границы, которые
запрещает природа.

Не домогайся того, что не можешь взвесить
на справедливых весах ¹⁴.

После того как провинция Мазовия объединилась с Польским королевством и в границах всего королевства установились мир и спокойствие, в году от Р.Х. 1058 Казимир счастливо почил в бозе.

Глава 13. О Болеславе Смелом ¹

После смерти вышеупомянутого короля Казимира Монаха, или Восстановителя, наследовал его старший сын, первенец, Болеслав Щедрый, или Смелый. Был он человеком чрезвычайно щедрым и в любом достойном человеке превыше всего ценил щедрость. Удостоенный королевской диадемы, начал он помышлять об отваге своего прадеда, короля Польши Болеслава Великого, намереваясь проявить такую же военную доблесть; [но] он заботился не о выгоде и покое, но о восстановлении польских границ, которые определил вышеназванный Болеслав, а его преемники, короли Польши, к его времени утеряли. Так, он, храбро вторгшись в земли Руси, сразился во многих сражениях с князьями Руси и, победив их, достиг города Киева ². Хотя киевляне какое-то время и сопротивлялись ему, однако долго оказывать ему сопротивление не могли и сдались на милость победителя. Он принял их послушание и заверения в верности и направился на завоевание других земель Руси, и там в течение многих лет, храбро осаждая крепости русских, полонил обе части Руси ³. Самую Русь сообразно с нуждами своими личными и своего войска обложил данью, особенно съестными припасами. После победы, одержанной над русским королем ⁴, которого, в открытой битве победив, убил, он, подавив мятеж, поставил начальником над русскими князьями знатного человека, своего приближенного ⁵.

После этого он направился в Венгрию, желая восстановить меты Польского королевства по рекам Дунаю, Тиссе и Мораве. Соломон ⁶, король Венгрии, намереваясь воспрепятствовать приходу Болеслава в свое королевство, спешит ему навстречу со своим войском в горных местах Руси и Венгрии, но, потеряв многих из своего войска при первом же столкновении с ним, бежит

в крепость, и там его со всех сторон окружают. Он, видя, что ему и его народу грозит опасность, умоляет о мире, предлагая Болеславу сто тысяч талантов золота, чтобы тот перестал ему угрожать. А Болеслав ему ответил: «Полякам нравится не иметь золото, а повелевать теми, кто его имеет. Постыднее быть побежденным деньгами, нежели в сражении». Король же Соломон, признав свое поражение, не только отказался от военных действий, но и уступил ему часть своего королевства, находившуюся между упомянутыми реками, считая себя счастливым, так как может остаться в другой части королевства за Дунаем.

Между тем Лев⁷, король чехов, совместно с моравиями и северными народами напав на пределы Польши, безжалостно её опустошил. Король Болеслав, узнав об этом, спешит к нему. И хотя он мог напасть на него неожиданно с тыла, он не пожелал этого, говоря: «Не следует приписывать победе то, что достигнуто грабежом». Итак, он объявил Льву, чтобы тот был готов завтра встретиться с Болеславом в сражении. А Лев, отбросив львиную храбрость, принимает изворотливость лисицы и сообщает Болеславу, что не подобает ему со столь немногими сопротивляться такому великому королю, и униженно просит, чтобы он [Болеслав] удостоил принять его покорность, причислив к своим данникам. А сам под покровом ночи бежит, нигде не осмеливаясь предстать перед королем Болеславом. Король же Болеслав преследует его в границах Моравии и не щадит людей, не взирая ни на пол, ни на возраст, или предаёт смерти, или заключает в оковы.

Когда же король Болеслав вторгся в земли чехов и северных народов, вражески опустошая их, пруссы и другие языческие народы, сомневаясь, вернется ли Болеслав [назад], вторгаются в Поморье. Когда это узнает Болеслав, он, оставив осаду чехов и северных народов, устремляется к себе домой, застав в Поморье своих врагов, обрушивается на них. Их, бегущих, преследует до реки Сары⁸ и там немало людей погрузилось в пучину не от руки врагов, а от тяжести собственного оружия.

Из-за этого поляки не хотели впредь пользоваться полным вооружением⁹.

И вот от этого поля, где они так храбро воевали с оружием в руках, они и стали называться полянами, то есть *polen na pue*¹⁰.

Старинные польские доспехи. Редчайшие экспонаты оружия, хранящиеся в оружейной палате Вавельского замка

Итак, обратив врагов в бегство, он решил напасть на владения и этих врагов и других.

И вот уже седьмой год кончался с того времени, как он начал сражаться, и ни он, ни знатные люди Польского королевства, находясь вдали от родных домов, испытывая тревоги войны, подчиняя себе чужеземные народы, в течение этих семи лет не видели жен и детей своих, а между тем рабы и слуги склоняли их жен и дочерей к исполнению своих желаний. Некоторых они склонили в свои объятия из-за усталости женщин от долгого ожидания, некоторых — доведенных до отчаяния, а некоторых — силой. Они также занимают и укрепляют жилища господ. Когда молва о таком предательстве и злостном преступлении дошла до ушей знатных лиц (*nobiles*), которые в это время находились с королем в лагере, они, движимые чувством мести за

несправедливость, им нанесенную, несмотря на запрещение короля, вернулись домой и своих рабов (*servos*), сильно укрепившихся в их жилищах, с большим трудом одолели, и предали казни сообразно их проступкам. Жен же своих жестоко покарали различными казнями как прелюбодеек и изменниц.

Глава 14. Всем известная суровость Болеслава

Король Болеслав, возмущенный уходом своих вельмож (*prosegitum*), вспылал против них лютой злобой и, вернувшись домой, в пылу гнева напал на них, говоря: «Мужи женоподобные должны погибнуть, ведь им угодно заниматься женскими делами, а не повиноваться правителю». Сетуя не столько на то, что его покинули перед лицом врага, сколько на то, что они намеренно предоставили его врагам, подвергает смертной казни тех поляков, которые первыми от него отступились, а тем, кого в данный момент покарать не мог, тайно готовит засады. Женщин же, которым мужья под влиянием человеческой кротости, простили их преступления, он преследует, отняв у них малолетних детей, и не устает даже приставить к ним щенят. До такой степени он ненавидел женщин, что приказывал во время своего пути вести вместо жены вьючный скот, украшенный пурпуром и бисером. Некоторые уверяют, что он пользовался им постыдным образом. Отдельные сочинения, которым надлежит верить, это отрицают; но он сам указывал, что он делает это во искупление преступления, совершенного знатными женщинами (*mulieres nobiles*) в отсутствие их мужей. Он не переставал злобствовать по отношению к своим [вельможам] вследствие того, что свое намерение, а именно возврат прежних польских границ и только после этого возвращение домой, не смог выполнить из-за того, что сановники (*nobilium*) его вернулись по домам.

Святой Станислав¹, краковский епископ, видя, что Болеслав, как бешеный зверь, бросается на овец, что от меча тирана льется кровь невинных, что права супружеского ложа попираются, поскольку страх перед богом исчез, что сам Болеслав, забыв о королевском достоинстве, пренебрегает справедливостью, спешит к нему с отеческими увещеваниями и затем отказывает ему в праве посещать церковь. А тот, забыв об отеческих нас-

тавлениях и прибавляя к своим грехам еще большие, жестокой рукой своим мечом убивает² святого мужа, совершающего мессу в капелле св. Михаила на Скальце, а затем, вытащив его из капеллы, четвертует. Деяния жизни святого мужа и чудеса, им совершенные, содержатся полнее в Жизнеописании блаженного мученика³, а умер он в 1079 году от Р.Х. После совершения этого злодеяния Болеслав, видя, что его земляки, как знатные (grases), так и простые люди (populares), уклоняются от общения с ним, удаляется к Владиславу⁴, которого он назначил королем в Венгерском королевстве. Владислав, желая выказать ему нижайшее почтение, выходит к нему, сохраняя уважение, пешком. Король же Болеслав как человек гордый и надменный посчитал неприличным подать ему руку и даровать поцелуй, говоря, что не подобает творцу почитать свое творение и не приличествует храброму и могущественному мужу чувствовать себя униженным из-за изгнания, и не должно казаться отверженным из-за простой случайности. Король же Владислав терпеливо переносит это, обнимает его с величайшим почтением, воздает ему всякого рода почести и оказывает радушие. У него Болеслав пробыл недолго, злая язва довела его до безумия, и, таким образом, скорбно закончил он свой жизненный путь⁵. Единственный его сын по имени Мешко при помощи своих дядьев после этих событий вернулся на родину, но, [так и не успев] вступить в супружество⁶ и достичь расцвета своей возмужалости, закончив земную жизнь, переселился к праотцам. Некоторым святым мужам, ведущим праведный образ жизни, было открыто, что, подобно тому как король Болеслав изрубил святого Станислава на куски и сбросил в озеро, так бог затем разорвал Польское королевство, приказав, чтобы им правил много правителей. Тем не менее, подобно тому как тело святого мужа было восстановлено в своей целостности, так и в будущем, когда это будет угодно богу, он восстановит королевство в прежнем состоянии и приведет к власти единого правителя.

Глава 15. О Владиславе первом¹

Итак, Владислав, прозванный Благочестивым, наследовал в королевстве своему брату Болеславу Необузданному. Два его младших брата Мешко и Одон скон-

чались, не оставив потомства, и сам он был его лишен и вследствие этого очень печалился. Однако по совету краковского епископа Ламберта² повелел сделать искусное золотое изображение мальчика, и под влиянием благочестивых обетов, в монастырь св. Эгидия, находившийся в Провансе, он торжественно отправляет послов с церковной утварью во славу этого святого, к аббату данного монастыря и братии, проживающей в этом монастыре, со следующим письмом:

«Почтеннейшим отцам блаженного Эгидия, аббату, также всему монастырю Владислав, божьей милостью король польский, и супруга его шлют нижайшее почтение и сыновнюю почитательность. И если возможно счастье в человеческой жизни, оно, однако, не может быть открытым полностью. Ибо никто не бывает столь счастлив, чтобы не находиться во враждебных отношениях с какой-то стороной своего счастья. И не должно и не стоит нам хвастаться ни благородством нашей крови, ни изяществом души и тела, ни вершиною королевской власти, ни молвою и славой, ни богатством; но должно горько оплакивать, что среди цветущих наших успехов мучает нас жало, которое жалит полной бесплодностью. Оно не только отнимает радость отцовства, но и приносит долю сиротства. Поэтому, о святые отцы, к вам мы обращаемся смиренно, чтобы благодаря вашим молитвам бог снял с нас несчастье бесплодности. Бог отзовется на любое слово».

Узнав об этом молении короля и королевы, этот святой конвент в течение трех дней совершает молитвы, устанавливает пост, поет псалмы, настойчиво печется о выполнении их просьб. Но прежде чем послы вернулись домой, [уже] оповещают, что королева понесла и рождается Болеслав третий³. При его рождении мать его, благородная госпожа, тяжело занемогла и закончила срок своей жизни⁴. И, таким образом, у Владислава радость сочетается с горем и страдание умеряется радостью. И так как не приличествовало такому знаменитому королю, человеческому счастью которого, как полагают, всего доставало для его полноты, не иметь жены, поэтому он сочетался браком с сестрой⁵ императора Генриха III, вдовой венгерского короля Соломона. От нее у него родились три дочери. И хотя был он уже стар, однако не хотел находиться в бездействии и часто проявлял в борьбе с мятежными врагами воинскую доблесть. Многие советовали ему пощадить свой воз-

раст, а он отвечал им: «Хотя я и чувствую недостаток телесных сил, но они восстанавливаются благодаря мужеству души, доблесть с возрастом увеличивается, а не уменьшается, и удачные во всем деяния есть дело мужества, но не возраста. А морские провинции, затеяв свару, несправедливо выгнали префектов, которых над ними поставил благочестивейший король Владислав. Последний, сильно разгневавшись, собрав воедино отряд своих храбрых воинов, смело вторгается в эти морские провинции, разрушает и сжигает их сильно укрепленные пункты, непокоренные выи сгибает. Некоторых из этих пленных он умерщвляет, других отпускает домой. И, таким образом, покорив морские провинции и установив своих префектов, с почетом возвращается домой, нисколько не чувствуя тяжести собственной старости.

Глава 16. О Збигневе¹, его внебрачном сыне

Владислав, благочестивейший король, имел сына по имени Збигнев, рожденного от наложницы, которого вследствие происков мачехи он отправил в земли чехов² и там приказал силезскому префекту по имени Магнус³ позаботиться о тщательном воспитании сына. Последний был назван Збигневом, что на латинском языке можно толковать как «избежал гнева», по той причине, что по смерти королевы-мачехи он был возвращен в объятия отца из убежища, где воспитывался. Ибо, пока его мачеха была жива, он, опасаясь ее гнева, не осмеливался прийти в область, где проживал его отец. А затем благочестивейший отец Владислав, подстрекаемый скорее хитрым, нежели разумным советом Пшеслава, чешского князя⁴, которому престарелый король вполне доверял, непродуманно решил, чтобы Збигнев стал у кормила правления королевством лехитов на смену ему самому. Некий Сецех, или иначе Сетег⁵, начальник польского рыцарства (*princeps milicie Polonorum*), распорядившийся государством неумело и несправедливо, внушал ему [Збигневу] не то, что требует прямотушии и доблесть, но то, что предписывают деньги, дары, плотские удовольствия; обращал его внимание не на то, что кто заслужил, но кто сколько мог дать. Вместе с упомянутым силезским префектом по имени Магнус он составил заговор против благочестивого короля Владислава, и они осмелились поставить вышеуказанного Збигнева правителем Вроцлава и си-

лезской провинции. Славный же король Владислав, хотя тяжко ему было на душе, однако не хотел быть зачинщиком (pripers) в наказании. А воевода Сецех и префект силезской провинции, понимая, что и вышеуказанный король Владислав и королева на них гnevаются, и видя, какая опасность им грозит из-за содеянного ими, Владислава, короля Венгрии, и Пшеслава, князя Чехии, дарами и обещаниями склоняют на сторону Збигнева и уговаривают, чтобы они не оказывали помощи королю Владиславу против Збигнева и против них самих.

Под влиянием настойчивых просьб Владислава, короля Венгрии, и чешского князя Пшеслава, Владислав, король лехитов, пошел на примирение со своим вышеупомянутым сыном. Благочестивый отец, чтобы испытать сына, восстановленного в прежней милости, притворяется больным и приказывает Збигневу явиться к нему. А тот, не опустив очи долу, но веселясь, с тимпанами⁶, свирелями, в сопровождении хора входит во дворец короля, не сочувствуя, но как бы радуясь болезни отца, подтверждая слова поэта:

Преждевременно вздыхает сын по поводу отцовских лет⁷.

Хотя отец и заметил это, но под влиянием отцовской любви простил ему, оправдывая Збигнева тем, что он из добрых побуждений пришел к отцу с таким сияющим видом. Ведь печаль не умеряется печалью, и больной чувствует себя лучше, если врач весел. Однако, чтобы смирить гордыню сына, он решил осторожно распустить гарнизоны, преданные сыну, и знатных людей (pripates) Силезии переманил на свою сторону то силою, то дарами, то хитростью. Вследствие этого Збигнев, сильно вознегодовав на отца, удалился во Вроцлав и оттуда, собрав сильный отряд, поспешил в Крушвицу. Там, в Крушвице, он набрал шесть отрядов и, получив помощь от поморян, осмелился навязать отцу открытое сражение. Победенный на поле битвы, он был пленен и заключен под стражу отца. Столь великое множество врагов пало в этой битве, что поля у города Крушвица и глубокие озера наполнились трупами и вследствие обилия пролитой крови появился отвратительный запах; это навело ужас на местных жителей и сделало невозможным употребление в пищу рыб. И насколько Збигнев проявил жестокость по отношению к отцу, настолько отец его проявил к нему добрые чувства и не толь-

ко приказал освободить из тюрьмы, но даже выделил ему как законное наследство часть королевства в серадзской каштелянии⁸.

Этот благочестивейший князь Владислав первым заложил кафедральный собор в крепости Краков в честь святого мученика Вацлава, некогда князя Чехии. В нем он назначил двадцать четыре каноника и обеспечил их пребендами⁹ и королевской щедростью. И вначале не каноники, но клир избирал епископа краковского диоцеза¹⁰. Умер Владислав в год 1102 от Р.Х. Ему наследовал в королевстве его законный сын Болеслав Кривоустый.

Глава 17. О Болеславе Кривоустом

Итак, Болеслав, дарованный богом за заслуги аббата св. Эгидия, стал преемником и законным наследником отца и превосходил других князей приятностью своих нравов и счастливыми устремлениями добродетели. Воевода (*princeps milicie*) Сецех, о котором речь была выше, видя это и вспоминая о помыслах измены, осуществление которой он необдуманно возлагал на Збигнева, незаконного сына Владислава, начал опасаться, как бы Болеслав не стал мстить ему за несправедливость, нанесенную его отцу, и поэтому усиленно склоняет Збигнева на бунт и на разного рода интриги по отношению к его брату. Болеслав же, хотя и был молод, однако, обладая достаточной мудростью и проницательностью, разгадал их хитрости и Сецеху как сеятелю всех зол предписал вечное изгнание. Он, питая большую любовь к отцу, приказал имя отца своего Владислава вырезать на золотой бляхе, которую, повесив на шею, постоянно носил на груди. Так он говорил и так поступал, как если бы отец находился рядом; опасаясь совершать дурные поступки, украшая себя доблестными делами, считая постыдным и бесчестным совершать что-либо дурное или говорить непристойно: ведь ему казалось, что он

Монета Болеслава Кривоустого. Надпись на монете — *denarius ducis Boleslai*

совершает это в присутствии отца. Говорят даже, что он в траурной одежде оплакивал отца в течение пяти лет. И хотя он знал, что брат его, незаконнорожденный Збигнев, [что-то] замышляет против него, он, однако, то почтение, которое должен был оказывать отцу, от чистого сердца обращает на своего брата.

Глава 18. О строительстве укрепления перед [крепостью] Санток¹

Поморяне же, вступив во владения Польши, соорудили возле Сантока какое-то укрепление, которое Збигнев, имевший в Познаньском княжестве много муниципий, подаренных ему отцом, стремился завоевать. Но поморяне к его конфузу заставили его отправиться восвояси². Услышав об этом, король Болеслав поспешил туда и не только указанное укрепление сравнял с землей, но даже захватил Мендзыжеч и много других укреплений поморян разрушил и победил с храбрым отрядом. В то время как Збигнев наподобие женщины проводил время в праздности, поморяне вторично вторгаются в пределы Польши, берут добычу и пытаются ее унести. Болеслав храбро преследует их, разбивает и требует с разбойников награбленное. Это возбудило у Збигнева еще большую ненависть к Болеславу. А тот посылает к Збигневу официальных послов, дабы те просили принять участие в его свадьбе. Збигнев расспрашивает о месте, времени и сроке празднества и в то же время подстрекает, увещевает и воодушевляет чехов, чтобы они во время свадьбы Болеслава вторглись в пределы Силезии. И действительно, чехи под влиянием Збигнева во время свадебного пира, когда Болеслав был занят, вражески вторгаются в область Силезии и ее опустошают. Тех, кого они там застали, они забирают как добычу, надеясь на Збигнева, делают все неспеша, пока Болеслав торжествует со своими сотрапезниками и не помышляет об оказании помощи своим. Но, когда слух о вражеском нашествии достигает ушей Болеслава, он прощается с друзьями, преследует врагов, громит их и обращает в бегство. Захваченную ими добычу не только возвращает, но и увеличивает ее; спустя немного времени, посылает вперед три отряда избранных [воинов], чтобы они вторглись в земли Моравии, сожгли ее и опустошили по обычаю врагов. Взяв в плен много людей и животных, они предают Моравию

огню, опустошают ее мечом и поспешно возвращаются домой. Святополк³, князь Моравии, преследует их и отважно нападает. Между ними происходит столкновение, возникает сумятица, принесшая потери той и другой стороне. В этом сражении воевода короля Болеслава по имени Желислав лишился руки, но Болеслав за его выдающуюся доблесть дарует ему золотую. Наш Болеслав женился — о пышности его свадьбы уже было сказано ранее — на единственной дочери⁴ короля Галиции, от которой у него был сын Владислав второй и одна дочь.

Збигнев, как только увидел, сколь великая любовь к военным действиям присуща Болеславу, сколь большим позором считает Болеслав бездейственность досуга, нежели страх смерти, притворяясь дружелюбным, а на самом деле желая причинить Болеславу вред, предлагает ему крепкую дружбу, обещает свою верность, часто присылает послов, умоляет и настаивает дать друг другу клятву в верности, дабы один без другого не решали вопросов войны и мира, и договорились о взаимной помощи и немедленной поддержке друг друга. Уладив эти вопросы, Болеслав, поверив своему брату, рассказывает ему, каким образом он предполагает восстановить покорность префектов морских провинций, которые, забыв об обещанной верности, не платят Болеславу обычных податей. Збигнев соглашается с ним, и они назначают время отправки войска и место встречи. Но как только они, все обсудив, разошлись, Збигнев сообщает об этом морским гарнизонам и наивернейших и послушных Болеславу людей пытается оттолкнуть от него фальшивыми уверениями и даже не боится побудить их взяться за оружие против Болеслава. По его наущению сильный отряд из войска морских провинций вторгается в пределы Польши, захватывает добычу, сжигает поместья. Болеслав поспешно устремляется на них и с восемьюстами воинами храбро нападает на три тысячи врагов. Для неприятелей — он опасный враг, он проникает в их ряды, пока конь его не падает с распоротым брюхом. А он и пеший не прекращает истребления врагов, не уходит с места сражения, но с неутомимой энергией продолжает битву. Также и ревностный рыцарь, воевода (*grincers milicie*) Скарбимир⁵, хотя и лишился правого глаза, не перестает сражаться тем упорнее, чем больше истекает кровью. Его воины также повсюду рубят и устилают поле трупами [врагов]. Не-

которые из них, не побежденные, но утомленные победой, спокойно уснули прямо среди груды [тел] сраженных врагов. То, что делается из любви к родине, это любовь, а не безумие. Мужество это не безрассудство. Ибо крепка, как говорят, как смерть любовь⁶, чем она тревожнее, тем дерзновеннее; ничто так не воодушевляет граждан взяться за оружие, чем страх перед опасностью, грозящей обществу (*civilis timor discriminis*), согласно суждению Солона, который так обращается к афинянам: «Я бы хотел, чтобы вы были также боязливый, как смелый, поскольку опасение вызывает осмотрительность». Последнее порождает уверенность и смелость, так как человек делается смелее самого себя. Приложить все усилия — это свойственно мужеству, и общественному и своему личному, в особенности когда идет речь и о собственном благе.

После того как по всем обширным муниципиям Польши разнесся слух о сражении, к князю со всех сторон стекаются верные ему люди. И уже толпы врагов были рассеяны в разные стороны, а некоторые осмеливаются обвинять короля Болеслава в том, что он необдуманно напал на столь большое число [врагов]. На это Болеслав ответил, что князь должен быть утесом, (оселком), который своих точит, а не тупит. И в то время как он намеревается преследовать поморян, ему сообщают, что отряд чехов находится в границах Польши. Это Збигнев по своей подлости подстрекает [их] к убийству Болеслава. И Болеслав, храбрейший король допытывается у своей знати (*suis proceribus*), преследовать ли ему бегущего врага или дать отпор вновь идущему. Они ему отвечают: «Одно безопаснее, а другое почетнее». Муж деятельный, [он] спешит сделать и то и другое. Итак, он делит войско на две части. Одной части с комитом (*comite palatino*) Скарбимиром, то есть воеводой (*seu principe milicie*), он приказывает преследовать бегущих врагов, чтобы одержать победу над поморянами⁷, а сам теснит ряды чехов. Таким образом устраняет несправедливость и сохраняет отечество в мире.

Глава 19. О сооружении крепости Козлы

Между тем крепость Козлы¹ в княжестве Опольском, соседнем границам Моравии, сгорела из-за беспечности ее стражи. Король Болеслав, чтобы ее не заняли и не

укрепили моравяне, поспешно приступает к ее восставлению и умоляет брата Збигнева — не потому, что нуждался в его помощи, но чтобы испытать его верность и проверить обещания, данные друг другу, — поспешить оказать помощь в восстановлении этой крепости, и ему через послов торжественно передает такие слова: «Слишком изнеженным является тот, кто стремится к почету, избегая трудностей. Хотя искусство управления и является трудным, однако оно, по-видимому, почетно и полезно. И мы все равным образом с того же самого огорода берем разные приятные вещи, но только не одинаково за ним ухаживаем, хотя разум требует, чтобы того, кому нравится польза и первенство, не устрашало испытание трудностями. Следует, чтобы тот стоял во главе, кто выделяется достоинством первородства. Если же ты предпочитаешь уклоняться от тяжкого бремени, то, по крайней мере, имей уважение к моим трудам и нашим и позволь твоим [людям] предоставить мне помощь. Пусть таким образом у тебя будет власть приказания, а у меня да будет готовность к послушанию. Постыдно тягаться с бременем, которое ты берешь на себя».

Збигнев же не только не оказывает брату помощи, но отдает приказание схватить его послов и содержать их в оковах, а князей и правителей чехов, моравян и алеманов² подстрекает к убийству брата и его самого изгоняет из королевства. Также начальников морских областей своими коварными советами не только отвращает от послушания своему брату Болеславу, но даже осмеливается побуждать их напасть на него.

Услышав это, Болеслав содрогается и колеблется, на каких врагов напасть первым. Однако, поскольку он был мудр и весьма опытен в военном деле, полагаясь на милость божью, с некоторыми врагами договорившись, некоторых победив, преследует своего брата Збигнева. Одни крепости и муниципии предает огню, другие сохраняет в неприкосновенности. И так, захватив все крепости Збигнева, он не перестает преследовать его самого. Пока, наконец, он не пришел в Мазовию, куда сбежал Збигнев, чтобы сохранить свою жизнь. Здесь Збигнев, униженно припадая к стопам Болеслава, пользуясь заступничеством сановников (*optimatum*), добился все же того, что его признали рыцарем брата, но не сонаследником королевства. Кроме того, выказывая королевское милосердие, уступили ему несколько владений в серад-

зскою каштелянии на том условии, что он не посмеет ни строить новые укрепления, ни восстанавливать старые, ранее разрушенные.

Глава 20. Каким образом Збигнев был осужден на вечное изгнание

Итак, когда Болеслав находился в морской провинции, Збигнев, по-прежнему ненавидя брата, не переставал строить против него [козни]; по его наущению префект какой-то морской провинции, желая добиться успеха, пытается [напасть] на войско Болеслава. В ночное время, переменяв доспехи, вышеупомянутый Збигнев приходит к врагам, ободряя их, становится во главе, идет с ними и вражески проникает в лагерь брата, притворяясь рядовым воином. Ночью, все разузнав, совместно с врагами производит нападение.

А Болеслав между тем находился вне лагеря, тщательно проверяя свою стражу. С тыла он нападает на врагов, рассеивает их в разные стороны; а Збигнев, хитроумный злодей, потерял свой шлем и был взят в плен. В присутствии знатнейших (*primis proceribus*) лехитов ему предъявляют обвинение в оскорблении его величества, а именно как это он осмелился напасть совместно с врагами на лагерь брата, за что и должен принять смерть. Збигнев же ответил: «Я не отрицаю, что шел с врагами, стремившимися к нападению, но я желал сообщить об этом вам».

Когда все войско изумилось такой испорченности обвиняемого и его проступкам, и едва Збигнев закончил свою речь, все поднимают оружие против него, говоря: «Тебя стоит растерзать зубами, а не убить мечами или копьями или каким другим оружием». Едва смятение несколько поутихло, воевода, стоявший поблизости от Болеслава, громко сказал: «Недостойно и противоречит праву, чтобы наказание предшествовало суждению. И мы не можем и не должны выносить никакого приговора, пока он не признает свою вину на суде или не будет изобличен свидетельством людей, заслуживающих доверия, в особенности согласно словам поэта:

Пусть полководец будет медлителен при определении наказания, но скор в награждении»¹.

Итак, утром магистраты (*magistratui*) постановили, чтобы известный ненавистник родины и явный интриган

был осужден на вечное изгнание. Так, Збигнев, как и заслужил этого, был изгнан навечно. Пусть да погибнут те, которые говорят, что приносят пользу, а сами причиняют вред.

Пусть он знает, что наказание постигает самого виновника ².

Спустя недолгое время, Болеслав, сочувствуя его несчастью, а больше его жене из-за отсутствия у них детей, даровал ему право пользования некоторыми видами наследства.

Итак, гибельное восстание было сведено на нет, враги родины изгнаны, звезда светлейшего Болеслава воссияла блеском мужества. Одни обширные владения поморян были превращены в пепелище, другие добровольно ему подчинились, и только альбы, иначе называемые в народе белгардами, пытаются сопротивляться. Этим альбов мудрейший Болеслав окружил осадой в славном городе поморян ³ и им, осажденным, показал два щита, один белый, другой красный. «Какой из них, — сказал, — выбираете?» А те: «Белый, так как он ласкает цветом мира. Тот же угрожает страшным видом крови». Он им: «Разумеется, если вы хотите быть альбанцами, пусть ваша Альба засияет вашей покорностью. Если же вы выбираете новый щит, имя ему напишет кровь, чтобы город назывался не «Белым», но «Кровавым». Они же осмеливаются отвечать с дерзким упорством: «В самом деле, пусть называется и Белым и Кровавым для того, чтобы успех нашей победы означал «Белый», «Кровавый» же будет означать уничтожение твоих». На это Болеслав: «О, знатные! Эти рабы (*vegnasuli*) осмеливаются состязаться даже в оскорблениях. Мне смешно, что крот вызывает на бой рысь, рысь — тигрицу, скарабей — орла. Нужно действовать, мужи, оружием, но не словами и не жалобами».

Затем он летит впереди всех, стремительным прыжком перепрыгивает вал насыпи. Слушайте о неслыханной отваге мужа! Ни множество врагов, ни столь сильный грохот оружия, ни сила стрел, ни громада скал его не устрашают. Первым переходит через порог врага, первым вступает в город, поражает когорты воинов, повсюду обращает их в бегство. Наконец, все, пораженные страхом перед таким величием, отбросив оружие, склоненные падают на землю, просят пощадить их, умоляют наказать других. Они говорят, что [те] более достойны креста, нежели снисхождения.

И хотя, по мнению знатных людей (пресіриогит), не следовало оказывать снисхождения ни возрасту, ни полу, однако, вследствие своей выдающейся снисходительности, князь всех щадит, всем прощает. Он считал более справедливым выказать человеческую милость, чем справедливое мщение. Это обстоятельство снискало ему у врагов немалую славу.

Между тем начальники Колобжега, Каменя, Волина, Кошалина и других укрепленных городов⁴ по собственному желанию, не как прежде с надменностью, но смиренно, со склоненными выями выказывают ему свое послушание.

Никто не является милосердным, если он несправедлив, никто не является справедливым, если он одновременно не милосерден. Ибо справедливость без милосердия — это жестокость. А милосердие без справедливости — глупость. По отношению к кротким козам и лев кроток, к тиграм — суров. Но удивительна храбрость такого льва, который и самих львов превратил не в коз даже, а в трусливых зайчат. Подобно Александру, который покорил восемьдесят тысяч пехотинцев и шестьдесят тысяч всадников амбров и сикамбров⁵, он [Болеслав] первый поднялся на городскую стену, считая это пустяком, один прыгнул, один сражался против стольких тысяч врагов, окруживших его. Трудно поверить, сколько отрядов неприятеля он один разбил и обратил в бегство. Как только он увидел, что он окружен множеством, он вскакивает на пень, находившийся поблизости от стены. Опираясь на него, он долго сдерживал обрушившихся на него врагов, пока друзья не узнали об опасности и не прыгнули к нему. Наконец, разрушив стены, все [его] войско приближается, и в это время стрела попадает ему в грудь; он слабеет от потери крови, но, опустившись на колени, продолжает сражаться, пока не убивает того, кто его ранил. Насколько суров он был с тем, кого должен был победить, настолько милосердив к побежденным.

Глава 21. Как сражался император Генрих

После того как это случилось, император римский Генрих IV¹ под влиянием частых наветов чешского князя Б[орживоя] стремительно направился на опустошение паннонского королевства в сопровождении большо-

то числа воинов. Когда достоверные слухи об этом дошли до К[оломана]², короля паннонцев, он, понимая, что его силы не равны силам императора, направляет письмо к королю Болеславу с просьбой о помощи в таких словах:

«Преславному монарху поляков и поморян Коломан, венгерский король, самому близкому из друзей [выражает] свое уважение и почтение, насколько он может это сделать. Разум советует, почетность требует, чтобы все противостояли всеобщему пожару.

Стих:

Ведь о твоём добре идет речь, когда полыхает
ближайшая стена,
и пожар, оставленный без внимания, обычно набирает
силы³.

И не по какой-либо другой причине саранча алеманов вторгается к нам, как только для того, чтобы съевши наши виноградники, чего да не будет, тем легче напасть и на ваши оливы».

Болеслав же, узнав о грозном вторжении императора в пределы Паннонии и о его намерении их опустошить, с сильным войском нападает на Богемию⁴, берет города, разрушает их до основания, опустошает и разрушает муниципии. И наконец, занимает дороги, по которым должен был возвращаться император с войском, устраивает засады, сражается с идущими и мужественно одерживает триумфальную победу. Итак, устроив немало побоище среди народа императора и опустошив большое количество городов богемцев, о хитростях и кознях которых он узнал, а именно что они побудили императора к войне с паннонцами, то есть с венграми, возвращается с триумфом домой.

Глава 22. О Гнемовире¹, наместнике приморской области

Впоследствии Гнемовир, жизнь которого благочестие короля Болеслава некогда сохранило при истреблении белгардов, то есть альбанцев, которого он, Болеслав, принял из святой купели, возвышая щедрыми королевскими дарами, именовал наместником (presidem) приморского района, он, Гнемовир, обманчиво вообразил, что Болеслав в Богемии схвачен императором Генрихом и закованный находится в отдаленных частях алеманов. Об этом он сообщает поморянам, побудив многих из

них отказаться от повиновения Болеславу и присоединиться к его планам. Королевских префектов, которых не мог принудить ни угрозами, ни посулами к неповиновению королю Болеславу, вражески изгнал, лишив их должностей. Когда королю Болеславу стали известны эти злодеяния, он, движимый стремлением к справедливости, хотел немедленно подвергнуть их наказанию, однако прийдя в себя, умерил пыл своей души. Тем не менее он приказывает своим знатым (*proceres*) приготовить оружие и сам грозно вступает в Поморье. Знать и старейшины (*primi et maiores natu*) Поморья, как только узнают о его прибытии, торопливо идут к нему навстречу, низко кланяются, склоняют свои выи, умоляют о прощении, уверяют, что их подвели преступные козни Гнемовира. Благочестивейший же король, оказывая им снисхождение, прощает их, однако крепости и некоторые муниципии разрушает, сравнивая с землей. Один только Гнемовир, отчаявшись, не надеясь на прощение, остается мятежником.

Вместе со своими храбрейшими отрядами король Болеслав осадил его и победил в крепости Велень², куда тот убежал. Когда знатные люди хотели, чтобы [Гнемовир], испросив прощение, отдался под королевское покровительство, [Болеслав] отказал, говоря: измена — это настолько большое преступление, что прощать ее нельзя. С большим трудом и с большими потерями была взята крепость Велень, Гнемовир же принял смертную казнь, избитый палками, а другие изменники были казнены мечом.

Глава 23. Каким образом поморяне нападают на гнезненского архиепископа Мартина, намереваясь взять его в плен

Во времена этого Болеслава архиепископом гнезненской церкви был Мартин¹. Благодаря его усердию и мудрому разумению дела в Польском королевстве процветали. Но так как он пытался отвлечь поморян от язычества, побуждая их платить десятину и первую часть [урожая], как уговорами, так и напоминаниями о церковной дисциплине, они, отказавшись от устоявшегося порядка, строят злокозненные планы, а самого архиепископа полагают или убить, или захватить в плен. Болеслав в это время вместе со своим войском нахо-

дился вне пределов королевства. Поморяне через своего посланного узнают о местопребывании священника, покидают крепость Накло и спешно направляются к Спицимежу², приходят туда рано утром, архиепископа, совершающего вместе со своим клиром молитвы в спицимежской церкви, окружают и пытаются поймать. Поднимается крик, сообщают о появлении врагов в самих дверях. Куда бежать, когда уже кажется, что кинжал сверкает у входа? Однако, хотя и был он погружен в размышления, с помощью своих поднялся по какой-то лестнице и скрылся в перекрытиях [потолка].

Стих:

Так ногам старца страх придает силы и крылья³.

Поморяне же, не щадя святости, приняв архидьякона, распростертого подле алтаря, за архиепископа, радостно его хватают. Все сокровища и церковную утварь курии архиепископа и самое владение Спицимежа опустошают и поспешно возвращаются домой. Они приказывают архидьякону, считая его архиепископом, чтобы он отменил десятину и первую часть [урожая], позволил им совершать привычные обряды и выплатил большое количество денег. А тот, когда увидел, какой ценой определяется его жизнь, ни на одно из этих [условий] не соглашается, но, полагаясь на Бога и рассчитывая на одобрение своего архиепископа, вверил себя Господу Богу. Архиепископ же после ухода врагов в течение трех дней пребывал в молитвах, слезах и бдениях в самой церкви, оплакивая столь святотатственное дело. Но всемогущий Господь не пожелал, чтобы обида, нанесенная духовному лицу, осталась неотомщенной: неожиданно поразил он насильников, их жен и детей губительной чумой так, что они как безумные поочередно то мечом, то камнями нападали на своих близких людей и их, не узнав, как врагов своих отгоняли от собственных жилищ. И когда они не могли настичь других, то сами себя разрывали зубами и ногтями. Из-за этой напасти некоторые из них жалким образом окончили свою жизнь и так долго мучались, пока, наконец, поняв причину наказания и своего безумия, не отдали епископу все похищенное у него, не приняли католическую веру и совершенно не отреклись от поклонения язычеству. [Они] с поклоном отпустили архидьякона и обещали, дав заверения, выплачивать и десятину и первую часть.

Глава 24. Об осаде крепости Накло¹

Когда после этих событий король Болеслав возвращался к себе домой, его соотечественники, выйдя к нему навстречу, сообщают, что поморяне, осмелившись на предерзостный поступок, выступили против почтенного архиепископа. Узнав об этом, преславный король, хотя и тяжело это воспринял, однако, благоразумно усмирив волнение души, на время отложил мщение. Спустя немного времени, он со своими храбрейшими отрядами грозно направляется на город Крушвицу, намереваясь и далее идти против поморян. Поморяне, узнав об этом, занимают город Накло, которым они владели как по поручению короля Владислава, так и с его согласия, [заполняют его] вооруженными отрядами и достаточным продовольствием с тем намерением, чтобы не только проявить бунтарство по отношению к королю, но и чтобы они могли беспрепятственно нападать на земли Куявии и Польши, в то время как он сам находится в землях поморян. Когда король Болеслав, выполняя свое намерение, отправился из города Крушвицы, на верхушке церкви святого Вита, которая находится в городе Крушвице, появился какой-то молодой человек необыкновенной красоты, чудесное величие которого осветило своим блеском не только самый город, но и его предместья. Этот юноша на глазах всех людей, оцепеневших от ужаса, соскочил с верхушки церкви и повел войско прямой тропой на Накло. Подойдя к городу Накло, он, размахивая золотым метательным копьем, которое держал в руке, бросил его на город и исчез. Почувствовав уверенность в себе, король осаждал город Накло, с помощью машин и других разного рода орудий ожесточенно штурмует его как враждебный ему и безрассудно против него бунтующий. Осажденные, убедившись, что они не могут противостоять силой, решают победить хитростью: смиренно просят перемирия, а сами в это время спрашивают знатных поморян и с ними советуются. Между тем поморяне готовят засады, чтобы схватить и поразить ничего не подозревавших людей Болеслава. В то время как последние спокойно спали вокруг костела св. Лаврентия, совершенно ничего не подозревая о хитрости поморян, в ночь этого же святого королю Болеславу сообщают, что бесчисленные полки пехотинцев наподобие саранчи неожиданно окружили город Накло. Поморяне позаботились о том, что-

бы шума и ржания их лошадей, находившихся в засаде, не было слышно. Поэтому, оставив своих лошадей на попечение стражи, они выбрали для сражения пеших. Болеслав, заметив это, обращается к своим. «Я вижу, — сказал он, — о мои предводители, что нашим лвьятам козы не противны». И, сказав так, первый обрушивается на врагов. За ним мужественно следует воевода (princeps milicie) Скарбимир, более храбрый, нежели лев. Враги терпят поражение и теряют последние силы. Так мужественно вместе со своими [воинами] сражается Болеслав и одерживает триумфальную победу; и тогда такое множество поморян было убито, что никто не мог узнать числа убитых. Об этом побоище и до настоящего времени неопровержимо свидетельствуют насыпи наподобие гор из костей похороненных. Много тысяч поморян было взято в плен Болеславом, и они радовались, что выкупили свою жизнь ценой подношений. И с этого времени согласно декрета поморяне не имели права ни управлять Накло и другими городами, что ранее разрешил им Болеслав в своей щедрости, ни проживать в них.

Глава 25. Каким образом император Генрих¹ напал на Польшу

После того как все это произошло, прежде чем у лежачих затянулись раны, прежде чем высохла кровь, император Генрих, помня о полученной им в пределах венгров обиде от Болеслава, с многочисленным отрядом вооруженных нападает на Польшу, намереваясь ее опустошить. Он осаждает большую крепость Любуш, полагая, что взять ее легко, и далее спешит к городу Бытом² и неоднократно пробует его захватить. Но так как он увидел, что и путь к нему чрезвычайно труден и находится он в неприступном месте, [то] оставив свои планы, приближает свой лагерь к городу Глогову³. Там он окружает горожан неожиданной для них осадой и требует от граждан в назначенный срок выдать ему заложников. [Глоговяне сообщают] королю Болеславу о своих затруднениях и о выдаче заложников не столько в знак своего подчинения, сколько ради получения отсрочки.

[Глоговяне сообщают], что [император] окружил их осадными орудиями, назначает срок для выдачи залож-

Оборона польского города. Миниатюра из рукописи XIV в.

ников. Жалобно сообщают Болеславу о своих затруднениях и [говорят], что дают заложников не в знак своего подчинения, сколько ради получения отсрочки⁴.

Им Болеслав отвечает:

«Безопаснее не пощадить жизнь немногих, чем благодаря лени благодушия подвергнуть опасности многих. Поэтому благоразумнее лишиться заложников, нежели свободы».

Глоговяне, узнав о его замысле, увереннее собирают силы, укрепляют город, восстанавливают разрушенное, но и лагерь императора, с одной стороны, граждане, а

с другой — воины Болеслава непрерывными набегами беспокоят. Видя их стремление к сражению, император грозит и приказывает отданных в заложники сыновей привязать к машинам или причинить какие-либо другие мучения, дабы родители, движимые отцовской любовью, узнав о гибели, угрожающей их сыновьям (раздается крик: «Болеслав, Болеслав»), отдали себя под покровительство императора. Но тех не пугает натиск врагов, не смиряет суровость испытаний, не останавливает любовь к сыновьям.

[Болеслав], как утверждают, сказал: «Безопаснее отцам лишиться потомства, чем гражданам — родины. Ведь почетнее мыслить о свободе, нежели о детях».

Между тем силезцы, мазовшане и жители других провинций лехитов собираются на помощь своему прославленному королю Болеславу, нападают и беспокоят частыми наездами со всех сторон войско и охрану императора, не дают ему ни минуты покоя, непрерывно тревожа лагерь и стоянки врагов. Чешский князь, видя, что силезцы перешли границы и идут на помощь Болеславу, советует императору послать часть его войска на взятие города Вроцлава. Король Болеслав, узнав об этом, преследует их и, прежде чем они достигли Вроцлава, сражается с ними, разбивает и побеждает. И там, став вторично победителем, поспешно направляется к лагерю императора. Силезцы просят его, чтобы он не откладывал сражения, тяжело перенося то обстоятельство, что такой враг создает угрозу их областям и подвергает непрерывным ограблениям. «Уж лучше, — говорят они, — однажды пасть, чем всегда быть в зависимости».

Итак, король Болеслав сообщает императору: «Ты требуешь подати? Жди назавтра кровавой дани. В самом деле, то, что ты должен требовать от кого-либо, то назавтра ты получишь от нас».

Как только на следующий день стало рассветать, боевые ряды лагеря Болеслава в полном порядке выступают вперед, и насколько войско императора укрепляет его многочисленность, настолько поляков поддерживает дерзостное воодушевление. Как были первыми отряды чехов, так они и погибли при первом нападении [Болеслава]. Вслед за тем гибнут огромные легионы алеманов, одни, сокрушенные ударами Болеслава, другие — силезцев и мазовшан. Некоторые в смятении толпами мечутся то туда, то сюда между рядами сра-

жающихся, не зная, что им делать, кому оказывать помощь. Некоторые погибли от отравленных стрел, иные были вынуждены вступить в пешее сражение, так как погибли их кони, отравленные ядовитыми стрелами. Так, Алемания, плача и стеновая, подобрала изгнанников и разбитые остатки алеманов, которые сочли жизнь цезаря за награду, а бегство за триумф.

Великое множество собак собралось к месту сражения, много трупов они съели и поэтому впали в неистовое бешенство, и никому из людей в течение многих дней не было там безопасного пути. И до настоящего времени место битвы называется Песье Поле⁵.

Глава 26. Об изгнании чешского князя

Далее Болеслав III незамедлительно преследует чешского князя и изгоняет его из королевства чехов. Когда его, изгнанного своими, он принял чрезвычайно ласково, сострадав, выказывая ему утешение, сделал его сначала князем Оломоуцким, а затем и князем пражан¹ (Pragitis). Этот упомянутый князь Чехии, не помня, однако, об оказанном ему благодеянии и будучи человеком неблагодарным, осмелился направить враждебность императора на Болеслава. В конце концов кто-то из его людей, как он того и заслуживал, жестоко покарал его мечом². Вместо него король Болеслав назначил князем чехов некоего знатного мужа по имени Будивой (Budzywogium)³, которого подобным же образом спустя некоторое время убивает брат⁴, обуреваемый завистью. Вторично Болеслав входит в Чехию, изгоняет оттуда нечестивого братоубийцу и назначает правителем его младшего брата⁵. Вследствие этих обстоятельств приближенные королевского двора, возмущенные и недружелюбные, говорили, что Болеслав из-за своей гордыни осмеливается попирает права императора не только в том, что объявляет войны Священной империи, но даже королевства, подчиненные Римской империи, по собственному усмотрению, чрезмерно возгордись, дарит кому вздумается.

Глава 27. Известие о Петре¹ из Дании

По свершению всего этого некий знатный юноша по имени Петр пришел из королевства Дании и был весьма радушно принят королем Болеславом, ввиду того

что великий правитель, король данов, убедительно просил за него. Этот юноша отличался как военным мужеством, так и доблестными и суровыми нравами и поэтому был мил в обращении и вызывал чувства большой приязни у короля и у всех знатных. А в это время король Дании был зверски убит своим братом. Отец вышеупомянутого юноши Петра, знатный человек, припрятал много сокровищ уже умершего короля данов и известил сына, чтобы тот поспешно прибыл к нему и распорядился королевским добром, так как сам он уже старец и предвидит свой скорый конец. Юноша же, навестив отца, не нашел возможности увезти сокровища и сообщил королю Болеславу и его знатным, чтобы они направили войско в королевство данов и не медлили выступить, опираясь на поддержку и его самого и его отца. Итак, Болеслав, поскольку он был славен в покорении королевств, в год от Р.Х. 1124, переплыв море, занял королевство данов и, назначив там своих наместников, возвратился домой с большим триумфом и величайшей славой². Будучи в его свите, Петр привез с собой в Польшу (Poloniam) королевские сокровища, подаренные отцом. На них он приобрел для себя и для своих детей многие владения и, кроме того, благодаря щедрости короля Болеслава и его сыновей имел также некоторые наследственные владения в различных областях Польши.

Этот Петр, прозванный впоследствии Великим³, женился по распоряжению Болеслава на дочери⁴ какого-то князя русских, родственнице жены Болеслава. Вначале король Болеслав имел женой дочь знатного князя русских⁵, от которой у него родились Владислав⁶ второй и одна дочь. После кончины жены он женился на сестре⁷ Генриха V, императора римского, от которой у него было четыре сына⁸: Болеслав Кудрявый, Мешко Старый, Генрих первый и Казимир юный. Этот Болеслав свою дочь от русской жены выдал замуж за сына короля венгров Коломана⁹. Ему как приданое дал в пожизненное владение каштелянию спишскую. Коломан же совместно с венгерским королем назначил королем над галичанами и повелел его короновать¹⁰. А при коронации король Болеслав из-за своей доверчивости был обманут хитрым венгерским королем: [отдал] каштелянию спишскую, а тот под видом приданого для его дочери отдал ему перемышльскую. Это коварство послужило началом распрей между поляками и венгра-

ми, как это обнаружилось впоследствии. И таким образом, эта спишская каштеляния, отторгнутая у поляков венграми обманным путем, и до настоящего времени находится в их руках¹¹.

Глава 28. О пленении какого-то русского князя

В то время как Болеслав был занят разными делами в других районах, некий князь русских по имени Володарь¹, завидуя счастью Болеслава, созывает русских князей, всех будоражит, каждого в отдельности убеждает помнить о своем знатном происхождении. Указывает, сколь бесславен, сколь подвержен насмешкам народ, познавший рабство; доказывает, что лучше родиться рабом, нежели стать им, поскольку родиться таким — это следствие жестокости природы, а сделаться рабом — это подобно кораблекрушению из-за беспечности. А кому падет на долю такое несчастье, тому трудно из него выбраться. Поэтому почетнее скорая смерть, чем долгое прозябание в жалкой жизни. Итак, все князья полагают нарушить свое повиновение Болеславу, и составляют против него заговор.

Узнав об этом, Болеслав созывает совет старейшин (*senatum*), беспокоится, каким образом противостоять этому злу, то ли силой, то ли хитростью. Некий воевода (*princeps milicie*), человек благородной крови и по достоинству очень близкий к королю, отважный, деятельный комит Петр Влостек из Ксонжа², в то время как другие советовали иное, так сказал: «Когда стоит дерево, напрасно кто будет отсекаать веточки, ведь прежде всего следует приложить секиру к корню. Лучше не иметь успеха, чем вовсе не пытаться его добиться». Затем, окружив себя свитой верных людей, он отправляется на Русь, притворяется изгнанником, уверяя, что он не может переносить свирепости короля Болеслава, умоляет Володаря³, князя владимирского, о поддержке и помощи. Радуетесь князь Руси прибытию такого мужа, радуются и его люди такому сообществу. И хотя часто Петра спрашивали о причинах изгнания, однако он никому не раскрывает сути дела, говоря, что не полезно обнародовать замысел раньше времени.

Стих:

Птица на нежных крыльях с трудом,
с опаской взлетает⁴.

В удобное время Петр приказывает своим готовить коней, брать оружие и следовать за ним, [сам] неожиданно входит в дом Володаря, его, обедавшего, отсаскивает от стола, повергает на землю, побежденного заключает в оковы и связанного доставляет королю Болеславу как знаменательный дар⁵. Так он, рискуя собственной жизнью, приобретает почет для родины и обеспечивает королевству покой. А затем, сын этого Володаря⁶, тяжело переживая отцовские раны, непрерывно думает о постигшем отца несчастье, мечтает отомстить за смерть отца. Понимая, что открыто отомстить врагу, намного превышающему его силы, он не сможет, он смешивает горе с хитростью и все сокровища своего отца, обнаруженные им в казне, решает употребить на отмщение за него⁷. Предпочитает честь богатству, на мщение за родителя готов истратить много, для себя бережлив. Какого-то знатного (*insignem*) из Паннонии⁸, как по крови, так и по достоинству, он склоняет на свою сторону дарами, совращает золотом, дабы он какой-либо хитростью обманул и ввел в заблуждение Болеслава. Этот венгр, предпочитая страсть к золоту достоинству, бежит под покровительство Болеслава, притворяясь, что король паннонцев изгнал его. Выдумывает ложные причины своего изгнания, утверждая, что основная причина состоит в том, что он ревностно старается противостоять козням своего народа или, по крайней мере, как-то им противодействовать, и, дескать, он [сам], является горячим поклонником поляков, или иначе лехитов. И якобы до такой степени усилилось коварство его соперников, что был ему вынесен смертный приговор. А также [говорит], что уж лучше ему свести на нет свои заслуги, нежели подставить под удар свою неповинную голову, и при этом он обещает [Болеславу] отдать Паннонию под прежнее владычество.

Глава 29. Об измене города Вислицы¹

В эти времена² в королевстве лехитов был преславный город, окруженный высокими стенами, по названию Вислица. Некогда во времена язычества правителем этого города был Прекрасный Вислав, который и сам вел свое происхождение от рода короля Попеля. Некий комит, как говорят, происходивший из этого же ро-

Костел и аббатство бенедиктинцев в Тынце. Основаны в середине XI в. Казимиром Восстановителем

да, храбрый и сильный, по имени Вальтер Сильный, что по-польски звучит как Вальчеж Удалой, имевший крепость Тынец возле Кракова, где теперь находится аббатство св. Бенедикта, основанное Казимиром Монахом, королем поляков, или иначе лехитов, в каком-то мятежном столкновении взял в плен этого [Вислава] и плененного заключил в глубокой тынецкой башне. Он решил содержать его там под особой стражей. Этот [Вальтер] женился на знатной девушке по имени Гельгунда, дочери некоего короля франков, уже просватанной, и тайно увез в Польшу, не без большой опасности для себя. Вальтер и сын какого-то короля алеманов [когда-то] для приобретения хороших манер воспитывались при дворе короля франков, отца Гельгунды. И вот Вальтер, человек проникательный и энергичный, заметив, что дочь короля Гельгунда прониклась чувством любви к сыну короля алеманов, однажды ночью взобрался на стены крепости, склонил деньгами сторожа на свою сторону, дабы он не осмелился его выдать. Он так сладко запел, что дочь короля пробудилась ото сна, встала с постели и вместе со своими сверстницами, забыв о покое, внимала приятному напеву, пока певец сладко пел. С наступлением утра Гельгунда требует призвать стражника и тщательно его расспрашивает, кто был тот, кто пел прошлой ночью. Тот же уверяет,

что не имеет никакого понятия, кто это был, и не осмеливается выдать Вальтера. Но когда в течение двух следующих ночей молодой Вальтер, соблюдая меры предосторожности, продолжает петь, Гельгунда, не будучи в состоянии далее скрывать свои чувства, угрозами и нападениями заставляет стражника выдать певца. Поскольку стражник не захотел его выдать, она приказывает подвергнуть его смертной казни. Тогда тот называет имя Вальтера, и Гельгунда, вспыхнув к нему горячей любовью, склоняется на его домогания и отвергает сына короля Алемании. Последний, видя, что он постыдно отвергнут Гельгундой и что Вальтер теперь предмет ее любви, вспыхнул к нему безумной ненавистью. Он возвращается к отцу, занимает все переправы через реку Рейн, приказывает тщательно следить, чтобы никто с девушкой не переправился, пока не уплатит за перевоз марку золота. По прошествии некоторого времени Вальтер и Гельгунда находят возможность побега, используют ее и, дождавшись желанного дня, бегут. После того как они достигают берега реки Рейна, перевозчики требуют с них за переезд марку золота, однако, получив ее, отказываются перевезти их, пока не прибудет сын короля. Вальтер, почувствовав опасность в промедлении, садится на Буцефала, приказывает Гельгунде сесть позади себя и переплывает реку быстрее стрелы. После того как он несколько удалился от Рейна, он услышал за своей спиной крик и узнал голос преследующего его алемана: «О вероломный, ты тайно убежал с дочерью короля и переправился через Рейн, не уплативши мыта. Останови шаг, останови, чтобы я мог пойти с тобой на поединок, и кто будет победителем, тот как победитель будет владеть и конем, и оружием, и Гельгундой». На его крики Вальтер бесстрашно отвечает: «Ложно то, что ты говоришь. Ведь я выплатил морякам марку золота и дочь короля я беру не силой, а добровольно она пожелала следовать за мной». При этих словах они храбро сражаются пиками, а когда те сломались, они сражаются мечами и мужественно испытывают силы друг друга. И поскольку алеману было хорошо видно Гельгунду, он, воодушевленный ее видом, заставляет Вальтера отступить, пока тот, отступая, не увидел Гельгунду. Как только увидел, обуял его стыд, что он отступает, и под влиянием любви к Гельгунде он с новыми силами храбро наступает на алемана и его убивает. Захватив коня и оружие алемана, он

продолжает свой путь и радостный возвращается домой, увенчанный двойным почетом.

Благополучно совершив путь, пришел он к тынецкой крепости и, для того чтобы излечиться, позволил себе некоторую передышку. Как только узнал от своих, что Прекрасный Вислав, вислицкий князь, в его отсутствие причинил его людям несправедливость, приняв это известие близко к сердцу и желая ему за это отомстить, направился против Вислава. И наконец, сражается с ним, побеждает и связанного, как уже было сказано, передает под стражу в тюремное подземелье тынецкой крепости.

По прошествии некоторого времени [Вальтер], по обычаю рыцарей, отправился в далекие края ради совершения воинских подвигов. Прошло два года, как он уехал, и Гельгунда, взволнованная его продолжительным отсутствием, опустив лицо, обращается к какой-то девушке, своей поверенной, говоря, что она и не вдова и не замужняя, имея в виду тех, кто сочетался браком с мужами, людьми энергичными и жадными до военных столкновений. Эта девушка, тяжело переживая столь долгую плачевную участь своей госпожи, не стыдясь измены, рассказывает, что Вислав, князь Вислицы, красив и привлекателен и находится в темнице. Она, несчастная, советует своей госпоже, чтобы та приказала привести его из тюрьмы под покровом ночи и, пригрев в желанных объятиях, снова осторожно отпустила в тюрьму. Госпожа благосклонно принимает совет своей служанки и, хотя и обеспокоена возможными последствиями, не боится подвергнуть риску и жизнь и доброе имя. Она приказывает привести из темницы Вислава и при виде его красоты радостная проникается к нему любовью и не только не приказывает ему остаться в темнице, но соединяется с ним любовными объятиями. Отвергнув ложе собственного супруга, она предпочитает бежать [с Виславом] в город Вислицу.

А Вислав, возвращаясь домой, надеется, что имеет двойной триумф, который, однако, в таком рискованном деле и ему и ей грозит смертельной опасностью. В самом деле, по прошествии короткого времени Вальтер, возвращаясь домой, с тревогой спрашивает у жителей города, почему Гельгунда, хотя бы у входа в город, не бежит к нему навстречу, радуясь его возвращению. От них он узнает, каким образом Вислав, найдя поддержку у стражей крепости, освобождается из темницы, а так-

же, [что он], уехав, взял с собой и Гельгунду. Воспылав бешеной ненавистью, он [Вальтер] спешит к Вислице и, не боясь доверить себя и свою судьбу всякого рода случайностям, нападает неожиданно на город Вислицу в то время, как сам Вислав за городом проводил время в охоте.

Гельгунда, увидев его в городе, поспешно бежит к нему навстречу и, низко склонившись к земле, слезно жалуется на Вислава, обвиняя его в том, что он насильно похитил ее. Она советует Вальтеру отправиться в потаенную часть его жилища и заверяет, что Вислав по ее знаку немедленно выйдет, что даст возможность его задержать. Вальтер верит лживым заверениям обманщицы, идет в укрепленное помещение, в котором Вислав с помощью легкомысленной ветреницы берет его в плен. Ликуют и Вислав и Гельгунда, радуясь благополучному исходу дела, не думая, что, как это часто бывает, их может постигнуть печаль смерти.

Он [Вислав] решил не содержать его под тюремной охраной, но сгубить более тяжелой карой, чем пребывание в тюрьме. А именно он приказал его, связанного, еще привязать железными цепями к стене столовой с вытянутыми руками, ногами и шеей. И в этой же столовой Вислав приказал приготовить себе ложе, где летней порой в полдень предавался любовным утехам с Гельгундой.

У Вислава была родная сестра, которую из-за непривлекательной наружности никто не хотел брать в жены. На ее бдительность Вислав надеялся больше, чем на остальных своих сторожей. А она, воспылав страстью к Вальтеру, забыв о девичьем стыде, расспрашивает Вальтера, не пожелает ли он взять ее в жены, если она облегчит ему его участь и освободит от оков. Последний обещает, что, пока он жив, он всегда будет связан с ней брачными узами и против ее брата Вислава, как она этого и желает, никогда меч не поднимет. Он убеждает ее, чтобы она вытащила меч из спальни брата и принесла ему, дабы мог он разорвать оковы. Она тотчас принесла меч и, как приказал Вальтер, открыв ключом крайнюю часть железной цепи, положила меч между спиной Вальтера и стеной, чтобы он, дождавшись удобного момента, мог незаметно отойти.

Вальтер, когда завтра наступил полуденный час и Вислав с Гельгундой обнимались на ложе, вопреки обыкновению, обратился к ним с такими словами:

«Как это вам показалось бы, если бы я, освобожденный от оков, держал в руках перед вашим ложе свой меч, вынутый из ножен, и увидели бы вы меня угрожающим отомстить вам за содеянное?»

При его словах замерло сердце Гельгунды, и она, дрожа, так говорит [Виславу]:

«О господин мой, не нашла я в спальне меча и в сладких твоих объятиях забыла тебе это сказать».

Ей Вислав:

«Даже если бы он мог воспользоваться десятью мечами, без усилий мастеров он не сможет разорвать железные цепи».

В то время как они так говорили, Вальтер, свободный от оков, появился перед ними, осыпая упреками и размахивая мечом. И тотчас, подняв высоко меч, пронзил им того и другого. Меч, опустившись, разрубил их пополам. Так они закончили свою непутевую жизнь еще более нечестивым концом.

Могилу Гельгунды, высеченную на скале в крепости Вислице, и до настоящего времени показывают всем желающим ее посмотреть³.

Управление этим сильно укрепленным городом [Вислицей] король Болеслав поручил некоему изгнаннику из Паннонии, которого он принял не как беглеца, но как воспитанника родины и с которым он обращался чрезвычайно ласково. Этот последний, дождавшись отсутствия короля Болеслава, который отправился в центральные части страны и ради устройства королевских дел находился там какое-то время, приказывает сыну Володаря, короля Руси, поспешно прибыть и сообщает ему о продолжительном отсутствии Болеслава. Итак, враги спешат к Вислице, и стало известно, что они приблизились. Этот изменник приказывает, чтобы все люди, способные воевать, любого сословия, того и другого пола сбежались для защиты города и для того, чтобы в нем спасти и себя и свое имущество. А также с той целью, чтобы виновные не были изобличены в оскорблении его величества и чтобы вассальное добро и движимое имущество не было конфисковано в королевскую казну. А когда весь народ сбежался в город и себя спасти и его защитить, вероломный изменник открыл ворота врагам, дав, таким образом, возможность варварам перебить христианский народ.

В году 1135 от Р.Х. 8 февраля Вислицу разрушают. Сын Володаря, хмельной от пролившейся крови этого

народа, безбожно бесчинствует. Его жестокая свирепость больше возбуждалась человеческой кровью, нежели пресыщалась разбоем. И он возвращается домой без какого-либо ущерба для себя. Паннонца же этого, сына вероломства, [сын Володаря] лишает обоих глаз, отрезает язык и детородные члены, дабы от змеиного и нечестивого рода не родился бы еще более вероломный.

Услышав это, Болеслав, жесточайший мститель за несправедливость, направляется к границам Руси⁴, входит в нее и приказывает разыскать сына Володаря. А тот, имея нечистую совесть, быстро, как лесная коза, бежит и углубляется в лесные чащобы и наподобие диких зверей скрывается среди ущелий и рощ. Воины Болеслава свирепее львов обрушиваются на русский народ, не щадят ни бургов, ни городов, ни крепостей. Они считают, что ни принадлежность к полу, ни возраст, ни благородство высокой крови не может принести спасения, и всех, кого удастся обнаружить, сытый меч бесчеловечно поглощает. Так Болеслав, отомстив во сто крат сыну Володаря, возвращается домой с почетом.

Глава 30. Об изгнании сына Коломана (Colomanidis)¹, короля Галиции

После такого жестокого мщения Болеслава русским, как уже было сказано, князя другой Руси² и других соседних областей, собрав совет и опираясь на помощь соседей, поскольку иначе они, по-видимому, не могли противостоять могуществу Болеслава, галицкого короля (С)³, зятя князя Болеслава, выгоняют из королевства. Этот бежит в королевство своего тестя Болеслава и некоторое время находится у него вместе с женой.

Князя же русских, смертельно опасаясь вторжения Болеслава, натиск которого они сравнивали с ударом молнии, применяют к нему, доверчивому, хитрость. Будучи не в состоянии победить его оружием, [они] замыслили победить по крайней мере его же доверчивостью. Прежде всего они собирают подчиненных им князей, затем множество вооруженных варваров, первых из первых всего Галицкого королевства и самых знатных (prosegit) этого королевства посылают на ли-

цезрение Болеслава, уверяя, что все королевство и они сами с детьми намереваются припасть к стопам Болеслава, который по-братски приютил у себя их короля. Жители Паннонии, соседние с Галицким королевством, зная об уловках русских, лукаво притворяясь, скорбят и умоляют [Болеслава], чтобы он помог и восстановил в королевстве изгнанного короля⁴. Ему они посылают на помощь и свои равноценные вооруженные отряды, обращая свои горячие просьбы к их Величествам, т. е. к Болеславу и к изгнаннику. Под влиянием этих обманчивых просьб король Болеслав, безбожно обманутый, с небольшим войском вступает в галицкую провинцию. К нему подходят ряды паннонцев вперемешку с бесчисленным количеством русских, смиренно приветствуют короля-изгнанника и Болеслава. Однако все спешат перейти в последние ряды. Болеслав, молча наблюдая за этим, спешит поделиться с воеводой Вшебором.

«Ты догадываешься, что я подозреваю?» — сказал он Вшебору.

Тот ответил: «А что ты подозреваешь?»

А он: «Ты видишь, что почти все, замешанные в этом деле, стремятся в конец?»

«Что из этого?»

«Нам промедление опасно⁵. Постыдно мужам не быть мужами».

А тот: «Не следует мужам быть слишком поспешными».

Трудно достигает цели человек, действующий слишком поспешно»⁶.

В то время как они переговариваются, видно как приближаются издали бесчисленные ряды русских и варваров. Итак, сходятся ряды и копыя грозят копыям⁷. Двойной враг теснит войско Болеслава, один — с тыла, другой наступает спереди.

Кричит Болеслав: «Смело, мужи, следует сражаться, а не лениво убежать с поля боя».

Стих:

Храбро сражающийся враг заставляет храбро сражаться⁸.

Какой-то муж из окружения Болеслава, благородный родом, но бесчестный душой, первым убежал с поля битвы. Его позорное бегство не только не отняло победу у победоносного Болеслава, но и отвело облако от самой победы, или, как правильнее сказать, солнцем осветило солнце. В самом деле, хотя до сегодняшнего дня часто

можно было слышать о неподдающейся оценке доблести Болеслава, однако только теперь, когда она явственно обнаружилась, в нее поверили и паннонцы и русские. Конь его пал, утомленный и ратным трудом и получив ранения, а Болеслав пеший сражается и рушит врагов. Некий туземец (*originarius*)⁹, сойдя со своего коня, предлагает ему сесть на него.

И наконец, воины Болеслава, непобежденные, но утомленные победой, одни уходят с поля битвы, других, усталых от сражения, враги берут в плен и уводят к себе к сожалению для Болеслава. Столько народа лехитов попало в плен, что хотя лехиты для выкупа своих пленных и положили все сокровища в виде золота, серебра и драгоценных камней и даже те ценности, которые еще во время Болеслава Великого были собраны и сохранялись в Польском королевстве, однако их не хватило для этого выкупа. И даже многие люди знатной крови были проданы в горестную неволю языческому люду, и там они жалким образом закончили свою несчастную жизнь. Но напрасно часть паннонцев хвасталась бесславной победой и, не будучи победительницей, пользовалась именем победы. Скорее пусть она стыдится вспоминать о ярме своего обмана.

Итак, Болеслав хотя и был озабочен пленением его воинов, однако невредимым возвращается домой, а беглого рыцаря повелевает наградить тремя дарами, а именно преподнести ему прялку, взвешенную пряжу, заячью шкуру, которыми обозначил: в прялке — женщину, в пряже — хитреца, в зайце — труса. Этот благородный муж, получив дары с чувством стыда и понимая, что они означают, повесился на ремне, прикрепленным к звоннице собственной часовни, испустив жалкий свой дух. Такая гибель может быть истолкована [следующим образом]: прялка — виселица, взвешенная пряжа — петля, заяц — отлетающий дух его. А того, удивительного благородства туземца он выкупил из рабства, выкупленного делает богатым, богатого — знатным, следуя таким словам пророка: «Из брения возвышает нищего, посаждая с вельможами, и престол славы дает им в наследие»¹⁰.

У этого отважнейшего Болеслава было достаточно и мужества и трудолюбия, если бы он не так легко ослаблял бразды доверчивости. Спустя короткое время, наш Болеслав заложил аббатство монастыря св. Бенедикта в честь Святой Троицы и Блаженной Девы Марии

в крепости Лысой Горы, а также при посредстве одного знатного мужа по имени Сецех в Сецехове¹¹ прибавил некоторое количество добра к Сецеховскому монастырю.

Когда он почувствовал приближение кончины, утомленный более тяжестью сражений, нежели годами и зная, что он выполнил долг, предназначенный судьбою, приказывает написать завещание¹², по которому делит свое королевство между четырьмя сыновьями. Владиславу, первенцу, он предписывает правление в [землях] Кракова, Серадза, Ленчицы, Силезии, на Поморье; Болеславу Кудрявому отдает Мазовию, Куявию и хелминскую каштелянию; Мешко — Гнезно, Познань и Калиш с окрестностями; Генриху первому — Сандомир и Люблин, равным образом отдает провинции и княжества в соответствии с границами, некогда окружавшими упомянутые провинции. Спросили его и о пятом сыне, малолетнем, по имени Казимир, почему он не выделяет ему никакой доли. А тот им: «Уже давно выделил и назначил». Когда же они удивились, что это за пятая часть, он сказал:

«Не видите вы, что для четырех тетрархов сооружена квадрига тетрархии. Таким образом, этому малолетнему предназначается наследование четвертого колеса¹³ в квадриге. Перестаньте жаловаться, о благородные, на нарушающее законные права [наследника] завещание. В самом деле, справедливо, чтобы дела малолетних были поручены их опекунам, а не самим малолетним».

Приняв спасительное причастие, преставился счастливейший Болеслав в счастливый день, а именно от Р.Х. 1138 в возрасте пятидесяти шести лет, и об этом сохранился стих:

Умер преславный Болеслав, хотя и обманутый в конце жизни¹⁴.

Глава 31. О Владиславе втором

Как по закону первородства, так и по повелению отца своего ему наследовал Владислав¹. Сам по себе был он князем добрейшим, но вследствие злобности своей жены перестал относиться к людям с участием. Чем сильнее он нуждался в ласках жены, тем суровее старался править. Не легко держать жен в повинове-

нии. Кто один раз позволил им победить себя, тот [почувствует], что жена, став победительницей, этим не удовлетворится и будет заботиться и в дальнейшем подчинять непокорных своим приказаниям. Была она² [жена], согласно сообщениям некоторых, кровной родственницей императору Генриху, родственницей пражского короля. Брезгливо высмеивала она одежду, обувь и нравы польских знатных людей. Мужа своего называла полуправителем, дерзко утверждая, что он владеет только четвертой частью королевства. По-женски склоняла своего мужа забыть о дружбе с братьями, относиться к ним враждебно и их, его братьев, радующихся достижению возмужалости, лишить управления своими частями королевства и занять их города, т. е. совершенно оставить их без наследства.

Он, скрывая свои коварные планы против братьев, ищет повода для нападения, требует податей от их подданных. Младшие братья бегут к жене Владислава, униженно умоляют о помощи, больше слезами, нежели словами, покорно просят смирить жестокость их брата. Но легче усмирить ярость льва, чем жестокость одной женщины. Согласно словам какого-то мудреца, жестокая женщина более жестока, чем дикий зверь, а кротость женщины суровее всякой суровости, о чем гласит следующий стих:

Редко женщина добра,
а та, которая добра,
достойна короны она³.

Так молодые братья обрели врага в том, от которого должны были иметь покровительство.

Глава 32. О Петре из Дании

А знаменитый муж Петр Великий¹, женатый на тетке Владислава, убеждает последнего, чтобы он отказался от преследования братьев и относился к ним с братской любовью, особенно принимая во внимание их молодой возраст. Из-за этого комит Петр вызывал неприятные чувства у Владислава, но в то же время Владислав опасался, как бы Петр совместно с братьями не объявил ему войны, и поэтому, притворяясь, отложил свои мстительные дела; а когда упомянутый комит Петр выдавал свою дочь замуж за Яксу, князя Сорабии², торжественно празднуя это событие в городе

Вроцлаве, Владислав, послав своих людей, приказал его схватить, отрезать язык и ослепить. Но по божественной воле у последнего восстановились и речь и зрение.

Чтобы оправдать свои жестокие поступки, он [Владислав] придумал, как говорят, ложное оправдание. Якобы однажды он вместе с упомянутым Петром охотился в лесу, и они, заблудившись, там заночевали. И он в шутку сказал Петру, что его жена, нежась, возлежала со священником курии. И что Петр сказал то же самое Владиславу о его жене, а именно что она оказала внимание какому-то рыцарю. И вот из-за этого он, дескать, был вынужден не только лишить его языка, зрения, но и жизни.

Этот Петр, прибыв в Рим, покался, что присвоил сокровища покойного короля данов, и тогда исповедник господина папы наложил на него покаяние и обязал построить и приличествующим образом снабдить семь монастырей. А тот, вернувшись в предместье Вроцлава, основал и щедро одарил на Песке аббатство регулярных каноников³ в честь Блаженной Девы Марии и второй в честь св. Винцентия вне пределов города. Он также заложил и снабдил всем необходимым аббатство в Червинске, женский монастырь в Стржельне, препозитуру при костеле св. Лаврентия вблизи Калиша, аббатство в Сулейове, приход в Мстове. Говорят также, что он соорудил семьдесят церквей из обтесанного камня и обожженного кирпича. Некоторые из них остались незаконченными из-за его кончины. Сын его Константин по приказу отца, как говорят, завершил их после его смерти. Великодушная щедрость Болеслава поставила его комитом в Скржине⁴.

А теперь вернемся к описанию бесчинств Владислава, а также к описанию деяний Петра, опустив то, что написано им самим⁵.

Владислав, на которого не повлияли ни слезы братьев, ни настойчивые просьбы знатных (просегит) поляков⁶, собирает сильное войско как на Руси, так и на других соседних землях и прежде всего заставляет Генриха покинуть Сандомирскую землю, затем Болеслава — Мазовию и другие земли и, заняв несправедливо все их владения, задумывает совсем лишить их наследства. С ним воевода Вшебор часто успешно сражается в защиту сирот. Полагаясь на его отвагу, молодые князья, сдерживая слезы, все смелее берутся за оружие. Между тем Владислав, не полагаясь на своих,

призывает полчища чужеземных народов и приказывает им убить братьев. Последние, однако, не надеясь более на воинскую храбрость, бегут вместе с братом Мешко к городу Познань, который один оставался им защитой. Вокруг этого города Владислав развернул всю силу своего войска и разработал смелый безопасный план осады, полагаясь на множество войска.

И пока Владислав, используя помощь варварских народов своего войска, наносит вред польским землям, и какое-то время медлит в осаде крепости Познань, Яков I, архиепископ гнезненский⁷, приближается к месту стоянки войска, подъезжает на своей маленькой повозке к палатке Владислава и обращается к нему, угрожая карой божьей, со словами увещания: прекратить преследование братьев и, помирившись с ними, вернуться домой. А также чтобы он прекратил пролитие христианской крови, оскорбление девушек, насилие над женщинами, что нечестиво совершают варвары из его войска среди народа, из которого и сам происходит, чтобы он, проявив сострадание, постарался примириться с братьями. А он, как фараон, заупрямившись, отказывается повиноваться увещаниям святого архиепископа, и тогда архиепископ его как осквернителя и недруга христианской веры предает анафеме. Сделав это, он приказывает вывезти повозку из палатки, и тут неожиданно возчик сломал своей повозкой столб палатки. Последний, падая вместе с частью палатки, чуть было не придавил Владислава, как бы указывая этим ему на будущее несчастье. А Владислав, несколько не разгневавшись за это на архиепископа, терпеливо переносит это случайное падение. Нет сомнения, что вследствие этого потомство [Владислава] после его смерти владело только частью Польского королевства и, как это можно видеть, и теперь владеет.

Наконец, сандомирцы, мазовшане, куявяне и поляки с горячим рвением следуют за своими молодыми господами, устраивая засады войску Владислава, преследуя его, неосмотрительных убивают, других берут и заключают в окопы. Совместно со своими молодыми господами размышляют, как напасть на лагерь и стоянку Владислава. Когда же был дан сигнал с башни крепости тем, кто был внутри, они в одно и то же время не побоялись напасть на стоянку Владислава, одни из лагеря, другие из укрытий. А между тем какой-то ревностный рыцарь из приверженцев молодых князей берет

несколько пленных из лагеря Владислава и приказывает рассказать, что происходит в лагере. И узнают они, что те ничего не подозревают о сопротивлении молодых, но в легкомысленной беспечности проводят время среди пирушек. Итак, в полдень, когда Владислав и его войско начинают пировать, лагерные с познанской башни, расположенной позади костела св. Николая, трижды поднимают и опускают красный щит. Князь русских, родственник Владислава, заметив, что он поднимается и опускается, стал разузнавать у Владислава, что означает поднятый щит. Ему Владислав: «Братья мои указывают, что они готовы сдаться мне на мою милость». А тот убеждает Владислава вернуть братьям прежнее расположение. Но Владислав, преисполненный надменностью ответил: «Неуместно говорить о соглашении, когда решено их изгнание».

Во время этих переговоров сироты из крепости Познань вместе с немногими, но опытными в оружии [воинами] упрямо идут на врагов. А другие выходят из убежища, неожиданно нападают на лагерь Владислава, голодные обрушиваются на пирующих, неистово устремляются на полчища врагов, храбро поражают их мечом, избивают и убивают. Так все это произошло, что две речки Цибина и Гловна, возле которых происходило сражение, переполненные кровью убитых, наполнили реку Варту настолько, что она вышла из берегов.

Владислав же, положившись всецело на многочисленность своего войска, упорно отказываясь от отеческих увещаний архиепископа, презрел острие анафемы и, попав в затруднительное положение возле Познани⁸ в году от Р.Х. 1142, вернулся в Краков безутешным и до глубины души опечаленным. Болеслав Кудрявый, Мешко и Генрих уже не как малолетние [дети], но как светлейшие князья, собрав многочисленные отряды своих верных и храбрых людей, немного передохнув после тягот войны, смело устремляются на него. Владислав, не осмеливаясь ждать их прихода, бежит в Венгрию и затем ко двору императора Конрада, на сестре которого он был женат, умоляя о помощи. Жену же его, страшнейшую ведьму, [девери] Болеслав и Мешко, вынуждая следовать за мужем вместе с двумя сыновьями⁹ — Болеславом и Мешко, изгоняют из Кракова в Алеманию. И таким образом ту погибель, которую она желала деверям, из-за превратности судьбы по заслугам получила она сама.

Стих:

Пусть знает, что наказание возвращается на того,
кто его назначил¹⁰.

Глава 33. О Болеславе IV по прозвищу Кудрявый

Итак, Болеслав по прозвищу Кудрявый¹, первенец от второй жены Болеслава, рожденный после Владислава второго, наследовал ему в королевстве. Он, разумно отвергая всякие поводы к проявлению алчности, помня о своем достоинстве, не только предоставил братьям то, что им надлежало выделити согласно закону о наследовании и о правах, но с великим радушием предоставил им [еще] те владения, которые Мешко и Генриху не предназначались. Он и Казимира, еще юношу, приказывает воспитать как сына не для того, чтобы совершенно не допустить к участию в управлении, но чтобы нежную поросль виноградной лозы не предоставить ветру легкомыслия. В самом деле, обычно свобода дает юноше то, что пламени масло. Итак, Владислав, [не] помня о себе, находясь, однако, в очень укрепленном городе Рацибуж, старается уговорить его Императорское Величество² [помочь ему], полагаясь на родство с ним своей жены и сыновей. А также он уговаривает князей Богемии и Руси, опять-таки используя узы родства³, чтобы они милостиво помогли ему в его несчастье. Император под влиянием таких настойчивых просьб и слез сестры и внуков увещевает Болеслава через послов, чтобы он хотя бы часть отцовского наследства передал брату, не возвышая его до управления королевством. И чем упорнее отказывался Болеслав следовать его внушениям, тем более вызывал он этим гнев императора. Вся сила империи обрушивается на Болеслава⁴. Возникают отряд всех против Болеслава и отряд Болеслава против всех. Следующая дилемма встает перед Болеславом: либо уйти из королевства, либо вступить в вооруженный конфликт. Но преславный муж, уклоняясь от того и другого, не дает возможности врагам искать себе пропитание. Эта непобедимая мощь легионов приходит в упадок от болезней и голода. Так Болеслав без вооруженного столкновения сражается с врагом и без сражения преславно побеждает.

Наконец, Владислав Жестокий на третий год своего изгнания, после смерти жены, похороненной в Альтен-

Крещение пруссов. Изображение на дверях Гнезненского собора. XII в.

бурге, был вызван братьями на переговоры в Плоцк. Там во время этих переговоров он тяжело занемог и скончался⁵. Он первым из польских князей был похоронен в кафедральном соборе перед главным алтарем.

После его смерти император Конрад⁶ просит Болеслава, отнюдь не угрожая оружием, чтобы он сжалился над сиротами Владислава и уделил им равные части земель. Болеслав хотя не мог быть побежденным императором, однако счел должным повиноваться империи и дружелюбно отозвал из изгнания сыновей брата. За жестокость он платит приязнью и дарует им Силезию с добавлением княжества Опольского. Из них первородный назывался Болеслав Высокий, второй — Мешко Лорипед, третий — Конрад первый⁷. И эти трое с течением времени поделили между собой земли таким образом: Болеслав Высокий, поскольку он был перворожденный, получил город Вроцлав с его окрестностями, а Мешко Лорипед — только Ополе с его окрестностями; из-за этого неравного разделения между Мешко и Бо-

леславом в течение многих лет происходили распри. Молодого Конрада император Конрад, его дед, отдал, как говорят, на воспитание вальденскому аббату.

По свершению всего этого Болеслав Кудрявый замыслил бесстрашно опустошить земли пруссов⁸. Известно, что они враги не только людям, но и душам христиан. После того как он покорил некоторых из них в результате неудачных для них сражений, он огласил такой эдикт: тот, кто решил признать себя сторонником христианской веры, пусть радуется полной свободе и никакого да не потерпит материального ущерба. А тот, кто не отвергнет языческого обряда, да понесет наказание — смертную казнь с конфискацией имущества. Но принятая ими [пруссам] религия тем менее сохранялась, чем более их принуждали. Как только Болеслав вернулся домой, они тотчас впадают в бездну отступничества, вновь возвращаясь к почитанию идолов. Они отправляют к Болеславу послов с просьбой удовольствоваться их послушанием и выплатой податей, но чтобы их не вынуждали покинуть отцовские обряды и позволили их придерживаться. Болеслав же так рассудил: достаточно ему, если князю будут платить то, что достойно князя, хотя бы Богу было отказано в том, что достойно Бога⁹. И не будет кары за отступничество, если сохраняется исправная выплата регулярных податей. По этой причине с соизволения божьего они не только один за другим отказываются, но занимают соседние с королевством земли, грабят их и награбленное растаскивают, как волки. И так получилось, что Болеслав, которого рвение к Богу не подвигнуло на борьбу за расширение христианской веры, по крайней мере побудило к этому тяжкое зрелище жестокого избиения. Тогда Болеслав, собрав огромное множество опытных поляков, сурово нападает на готов, стремясь не только обратить их в бегство, но совершенно уничтожить. Области их не были укреплены, но они были неприступны по своему природному местоположению. У самого входа [в их земли] есть лесные дебри, отовсюду окруженные болотом, где под зелеными ветвями скрывается бездна илистой смолы. Какие-то геты, то ли пруссы, люди близкие к Болеславу, а на самом деле презренные предатели, соблазненные дарами пруссов, утверждают, что они могут провести отряды благородных лехитов этой дорогой, якобы безопасной и спокойной; но тут же, вступив на узкую тропу, первые ряды

войска падают. Ведь из засады внезапно появляются враги, мечут копья и поляков, стиснутых как бы в давилльне, без сражения топчут, поскольку лехиты словно вепри [сами] нарываються на острие копий, а некоторые, обремененных оружием, поглощают глубины бездны. Их несчастную гибель в течение долгого времени различными способами оплакивала Польша. И с этого времени оставили Болеслава военные триумфы, и он вскоре в зрелом возрасте скончался в 1173 г. от Р.Х., оставив сыну Лешке¹⁰ княжества Мазовецкое и Куявское на том условии, что, если он умрет без потомства, тогда его брат [Болеслава] Казимир, не имеющий никаких земель, будет наследовать и в Мазовии и в Куявии.

Глава 34. Об императоре Конраде

В году 1147 от Р. Х. император Конрад вступил в Польшу и вместе с многочисленными князьями направился в Иерусалим, намереваясь вновь отвоевать гроб господен. Болеслав Кудрявый принял его с почетом и устроил ему пышное угощение¹.

Глава 35. О Мешко, сыне Болеслава Кривоустого

После кончины Болеслава Кудрявого его место занял Мешко¹, третий его брат, который был ближайшим к брату Болеславу как по рождению, так и по наследованию в королевстве. Все прилегающие провинции были к нему почтительны, отовсюду с отдаленных провинций прибывали князья для оказания ему послушания, слава всяких достоинств улыбалась ему, во всех будущих его успехах вся красота судьбы была к нему ласкова. У него не было недостатка в военных триумфах, и сверх всяких желаний счастливых [людей] еще более счастливым был он в своем многочисленном потомстве того и другого пола. Мужское его потомство все уважали, женское — всем было приятно. По-видимому, у него было все, что можно считать человеческим счастьем, хотя никто не является настолько счастливым, чтобы к счастью не примешивалась какая-то горечь.

Этот Мешко из-за суровости нравов был прозван

Старым. Он в году 1145, еще будучи в молодом возрасте, основал и обеспечил из своих средств аббатство цистерцианского ордена² в Лёнде. В Калише основал и оборудовал костел в честь св. Павла из тесаного камня, в котором основал препозитуру³ и несколько пребенд. Приказал он также верхнюю часть гнезненского костела покрыть свинцом.

У него было пять сыновей. Двух из них, а именно Одона и Стефана, он имел от дочери короля венгров⁴, остальных троих — от родственницы⁵ императора Фридриха, римского короля. Благодаря родственным связям сыновей и дочерей он в лице князей различных провинций имел своих друзей. Князь чехов Болеслав [и] вождь (dux) Саксонии — его зятья⁶, князь Руси — тесть одного из сыновей⁷, а князь Ругии — другого⁸. Стефан же, Болеслав⁹ и Мешко умерли неженатыми. Чего же больше? Ведь часто наивысшее благо порождает высшее несчастье, чем выше вершина славы, тем легче скользит она в пропасть. Ибо Мешко, возвышенный такими почестями, о горе! побежденный излишней беспечностью, неожиданно впадает в полное бездействие, не замечая, что на вершине никакое спокойствие в своей безопасности не возвещает подчас приближения бури, грозящей гибелью. [В самом деле] сын Соломона, присвоив себе гордость Робоама, осмелился сказать знатым людям королевства (*optimatibus regni*), насколько меньший его мизинец толще чресл отца его, и прибавил, что если отец мой наказывал вас бичами, то я буду наказывать вас скорпионами¹⁰. По этой причине распалось царство Израиля, и навсегда оно было у него отнято.

Вследствие этого Гедко¹¹, краковский епископ, стараясь частыми напоминаниями убедить его [Мешко], чтобы он прекратил относиться жестоко к жителям королевства, чтобы он любовно, как сын мать, а не как пасынок (*primogenitus*), окружил вниманием свою страну. Пасынком, врагом станет тот, кто не горюет о материнском несчастье. Кроме того, он [епископ] убеждает его утихомирить своих хищных чиновников (*officiales*), которые по его приказанию, пренебрегая всеми нормами правосудия, бесчинствуют над народом королевства. Кажется, будто только истребив все стадо, они насытятся его кровью. А князь из-за этого разгорается еще большей ненавистью по отношению к епископу, утверждая, что он урезонивает его не в порыве

благочестия, но только из ненависти. Даже легчайшее прикосновение к нарыву вызывает боль и зуд. И он принимает решение мстить не только священнику, но и некоторым знатным (*proceribus*) Краковской земли старшим по рождению (*nati maioribus*). Епископу он тайно замышляет изгнание, других обрекает на смерть или на увечье. Но решение князя не осталось втайне от священника. Он ревностно противостоит его махинациям и поучает других, как им их избежать. Знатные (*proceres*) люди Краковской земли вместе с Гедкой, своим епископом, тайно обсуждают положение дел. «Позорно, — сказал он, — людям знатного происхождения прислуживать и безропотно переносить столько бедствий».

Среди них некий знатный (*insignis*) муж дал им такой совет: «Я полагаю, от вас не укрылась добрая слава доблестей сандомирского князя Казимира¹² и хотя все о ней знают, но почему-то никто ее не признает. В его тени следует нам искать дуновения покоя, чтобы с помощью целительного масла набухшая боль нашей печали понемногу утихла».

Под влиянием его увещаний как священник, так и знатные в единодушном порыве с опаской идут к Казимиру, просят его смиренно, чтобы он, если уж не думает о возвеличивании королевского достоинства и не стремится царствовать, то, по крайней мере, не отказался снизойти к их смиренным просьбам. А он им: «Есть у вас древняя и укоренившаяся привычка, и не могло уйти из вашей памяти то обстоятельство, каким образом первые из князей, а именно Якса и Святослав¹³, а также почти все знатные (*proceres*) тянули меня к этой власти, хотя я и сопротивлялся, для того, чтобы, изгнав храброго князя, брата моего Болеслава, тем безопаснее правил бы я королевством. А я предпочел объятия брата всякой власти. И так как тогда в стремлении к чистой невинности я обмыл ноги свои, теперь каким образом я оскверню их кровью брата. О, как прокляты эти шаги к власти, из-за которых чрезмерное безрассудство само по себе ведет к убийству, затем к убийству брата, и в братоубийстве к убийству отца! В самом деле, каким образом, как я могу решиться на гибель того, кто относится ко мне больше, чем с отцовской приязнью, кого я почитаю больше, чем сын почитает отца, и никогда не переставал почитать? Ибо несправедливо и, как показывают

примеры, гибельно благоденствовать при отношениях, не основанных на справедливости».

А те ему говорят: «О светлейший князь! Поистине нужно будет пощадить добросердечность, ведь тогда не возникнет необходимость защищать честность и только будет слышен ропот партии против него. Здесь иной расчет улучшает договор. Ведь их всех вынуждает крайняя необходимость, и, если ты не поспешишь им на помощь со своей снисходительностью, им должно погибнуть, так как нет у них никакой возможности переселения».

Под влиянием настойчивых просьб епископа Гедки и знатных (проsegim) лиц, а также под влиянием советов своих друзей он [Казимир] с немногими отправляется в Краков¹⁴ для того, чтобы не казалось, будто бы он занял его насильно, а не по добровольному согласию как знатных, так и простых людей. Выбегают навстречу неисчислимые ряды войска, толпой собирается народ, все радуются и ликуют и провозглашают его спасителем. Все жители Кракова стремятся его обнять. Всякий возраст, всякое сословие почитает его; дают священную клятву в любой момент умереть за него. Все сторонники Мешко покидают его и твердо переходят на сторону Казимира. Среди них познаньский князь Одон, его [Мешко] первенец, оказавшийся ему же ожесточенным врагом, стремившимся с корнем вырвать собственную ветвь, и это для того, чтобы отстранить от королевства сыновей мачехи, которым отец обещал после себя наследование в королевстве.

Итак, князь Мешко был отстранен скорее из-за преследования и вероломства своих, нежели оружием брата. Он в году 1179 от Р. Х., покинутый всеми, бежит в городок Рацибуж, оставляя родину и королевство вместе с женою и тремя сыновьями. На него обрушивается ряд неприятностей. В самом деле, зять его Болеслав, чешский князь, подобным же образом отстраняется от королевства. Другие его зятя, князь Саксонии и князь Баварии, отовсюду подвергаются нападению врагов. И таким образом, те, от кого он мог ожидать помощи, сами терпят тяжкие невзгоды и ему никак помочь не могут. Все наместники морских провинций и префекты не только отказывают ему в повиновении, но даже враждебно хватаются за оружие. Все рады подчиниться власти Казимира. Пока все города всех провинций и все муниципии открывались перед

ним без военных действий, один Мешко, первенец Владислава Изгнанника, удалив [своего] родного брата Болеслава, как оказалось, восстал против него вместе с силезской провинцией. Его Казимир старается привлечь на свою сторону не угрозами и оружием, но проявлением дружеских чувств. Он, возвратив Болеславу Вроцлав с его окрестностями, вышеупомянутому Мешко из-за его рвения щедро выделяет некоторые города. Также их брата Конрада, которого мать до этого времени содержала в Альтенбурге в Саксонии, назначил в глоговскую марку. Как было сказано выше, этим трем братьям, сыновьям Изгнанника Владислава, после смерти его Болеслав Кудрявый по согласованию со своими братьями, а именно с Мешко, Генрихом и Казимиром, отдал силезскую провинцию на правах наследства. Между ними, то есть между Мешко и Болеславом [Владиславичами], при разделе этой провинции возникло разногласие. При этом Мешко принудил своего брата Болеслава покинуть город Вроцлав. Но Казимир, светлейший князь, как было сказано выше, призвал их к согласию и Мешко, первородному [сыну] своего брата Изгнанника [Владислава], отдал княжество Опольское, Болеславу — Вроцлавское, Конраду — Глоговское, Мешко, опольскому князю, когда [тот] крестил сына, которого назвал его именем Казимир¹⁵, он [Казимир] к упомянутому княжеству с радостью присоединил также княжества Бытомское и Освенцимское со всеми прилегающими окрестностями. Опекунство над Лешком, юным сыном своего брата Болеслава Кудрявого, он доверил некоему знатному (nobili) по имени Жирон¹⁶, мужу, одаренному всякого рода добродетелями, присоединив управление и земли Мазовии и Куявии. Племяннику этого упомянутого Жирона по имени Самбор¹⁷ он дал префектуру в Верхнем Поморье, главным городом которого является Гданьск. Некогого Богуслава¹⁸ из рода Грыфитов сделал князем Поморья Нижнего. Гнезненскую же провинцию, которая является метрополией лехитов и началом [других] провинций, с некоторыми русскими землями, а именно Перемышльской, Владимирской, Берестейской и Дорогиченской, с замками, крепостями, муниципиями и их окрестностями взял на себя в управление¹⁹.

Таким образом, Казимир делается единовластным правителем всей Польши (Lechie). И власть четырех братьев, а именно Владислава Изгнанника, Болеслава

Кудрявого, Мешко Старого и Генриха Первого, благодаря счастливым обстоятельствам переходит в руки одного Казимира, как это предсказывал задолго до этого его отец Болеслав Кривоустый, находясь на смертном одре. Этот Казимир тотчас стал рвать пути неволи. Он перестает взимать подати и поборы, уменьшает налоги, ослабляет бремя, обещая уничтожить повинности (*angarias et perangarias*).

Глава 36. О некоторых обычаях Польского королевства

Было в Польском королевстве некое право, одобренное авторитетом древнего установления, чтобы любой знатный (*quisquis potentum*), отправившись торжественно в путь, насильственно разграбив амбары и житницы бедняков, отбирал бы у них продовольствие для того, чтобы кормить своих лошадей. Было еще и другое право, не менее безрассудное, издавна укоренившееся, а именно всякий раз, как посланцы князей выполняли посольство, у наследников (*heredum*) тех, которые находились в их поместьях, они забирали коней. На них в короткое время преодолевали быстрым галопом неисчислимые тысячи стадий. Этот обычай, названный «подводой»¹, для многих был в высшей степени опасен и пагубен, так как кони некоторых были совершенно истощены, [другие] просто погибали, а иные, приглянувшиеся, были уведены безвозвратно. Был и другой ужасный греховный обычай, а именно имущество умерших епископов переходило в руки князей.

И, чтобы такое не случалось в будущем, Казимир, олицетворение справедливости, приказывает гнезненскому архиепископу, чтобы он, созвав синод своих суффраганов², позаботился воспрепятствовать этому под угрозой отлучения.

Глава 37. Здесь устанавливаются польские права

Итак, Здислав¹, архиепископ святого гнезненского костела, созвав синод епископов, принадлежавших к той же провинции своего диоцеза, одетых в понтификальные одежды, в присутствии князя Казимира, добивается того, что они единогласно принимают решение:

каждый, кто осмелится хитростью или насилем взять или отнять у бедняка продовольствие или прикажет взять или отнять, будет предан анафеме. Равным образом, если кто-либо под прикрытием чьего-либо поручения (*legacionis assione*) возьмет что-либо из живности у бедняка или его наследника или прикажет его использовать на работе, даже если это будет сам князь, пусть он будет предан анафеме. За исключением того случая, когда поступит сообщение, что враг угрожает какой-либо провинции. По-видимому, не является несправедливым заботиться о благе родины, даже если при этом кто-либо терпит ущерб. Опять таки, кто будет претендовать на имущество покойного епископа или его похитит или кто прикажет, чтобы это имущество было захвачено, будь это князь или какая другая важная персона, или какое-либо официальное лицо, без всякого лицепрятия любой, кто осмелится на такое, подлежит анафеме. Подобное суждение, я полагаю, относится к рыцарям, обладающим правом патроната, которые после смерти духовного лица осмеливаются грабить имущество, оставленное этим лицом. Равным образом, кто примет епископство, таким образом ограбленное, без полного возвращения унесенного или без твердого обещания все возратить и кто примет участие в таком святотатстве, также пусть будет подвергнут отлучению. Все одобряют эти решения и уверяют, что эти святейшие установления всем по душе. Они были затем навечно утверждены папою Александром III².

Глава 38. Как Мешко умоляет Казимира, чтобы он соблаговолил вернуть его на родину

Итак, князь Мешко, измученный изгнанием, слезно просит Казимира, чтобы он соблаговолил вернуть его по крайней мере на родину, если уж нельзя возратить ему верховную власть (*principatui*). Уверяет, что менее тяжело сносить узы домашнего порабощения, нежели погибать в бедствиях изгнания, и насколько безопаснее и почетнее видеть послушание и помощь со стороны внуков, чем быть окруженным интригами изменников. Кроме того, дрожа, перед его глазами являет старческую немощь, указывает на горестные вопли своей невестки, на плачевные сетования внуков, на их непрерывные рыдания. Им почетнее умереть от меча, чем погиб-

нуть в муках голода. Просит его вспомнить, с какой нежностью он относился к нему в его молодые годы, с каким старанием и доброжелательностью прививал ему знания в юности.

Услышав это, Казимир, не имея сил сдержать слезы, говорит знатным:

«Я признаюсь, — сказал он, — и всегда хотел бы признавать, что я обязан моему брату и моей невестке за многие благодеяния, оказанные мне, и всегда должен помнить об этом, и никогда они не изгладятся из моей памяти. И вполне справедливым является его требование, и очевидно, что речь идет только о восстановлении того, что причитается ему по наследству» (*patrimonii restitutionem debitam*).

Тотчас поднимаются среди знатных (*proceres*) ропот и немалое смятение. И говорят они:

«Вот и случилось то, чего мы опасались. В самом деле, редко ворон клюет глаз у ворона. Редко брат с корнем уничтожает брата. Здесь, очевидно, и возникает угроза нам. Возвращение Мешко — это наша гибель. Когда наступит подходящее время, он жестоко отомстит нам. Что же далее, о мужи? — следует той же самой мотыгой отсечь поросль этого же кустарника. В самом деле, напрасно уничтожается чертополох, если корень остается в глубине».

Казимир же, понимая, что все губительные последствия этого возмущения падут на него, созвав знатных (*proceribus*), уверяет их:

«Эти слова вовсе не означают моего намерения вернуть брата, но я просто хотел знать ваше мнение. И мне в высшей степени приятно видеть вашу стойкую приязнь в отношении меня».

А Мешко, видя, что брат не помышляет о его возвращении, направляется к Фридриху с просьбой о помощи. Когда же он увидел, что и здесь у него ничего не выйдет, то обратился к некоему Богуславу, когда-то казначею на Поморье, которого Казимир уже поставил князем в Нижнем Поморье. Соединяет свою дочь брачным союзом с его сыном¹ и с его помощью добивается не только покорности, но и приязни и дружбы приморского народа.

Итак, Мешко в году 1181 от Р. Х., скрытно получив помощь, ночью тихо входит в Гнезно, предрассветной порой неожиданно занимает все владения, доставшиеся по наследству от отца, поскольку его брат Казимир

предоставляет ему втайне эту возможность. Но так как часто с получением малого возникает надежда на большее, полагает он вновь приобрести у брата княжество, и долго они спорят между собой и воюют друг с другом. Но так как Мешко был слабее силами, [он] больше прибегает к изобретательности и уловкам.

Глава 39. Каким образом Казимир побеждает русских

Случилось так, что город Руси Берестье¹, отказавшись от повиновения Казимиру, перестал выплачивать обычные подати² и стал готовить оружие для сопротивления Казимиру. Последний, собрав отряд храбрых воинов, в году от Р. Х. 1182 пошел против него и его князя и внезапно мужественно его [город] атаковал и захватил. После того как он так неожиданно его захватил и поставил в нем своего человека начальником, он двинулся лагерем в направлении к Галичу³, намереваясь восстановить в Галицком королевстве сына своей сестры, некогда изгнанного вместе с отцом⁴. Всеволод, белзский князь, вместе с князем владимирским и галицкой знатью (*primatibus*), а также с многочисленными отрядами избранных тибанцев и парфян⁵ хотя и не осмелился объявить и начать войну, однако храбро на него нападает, полагаясь более на великое множество своих [воинов], нежели на их боеспособность. Первые ряды Казимир стремительно рушит, наподобие молнии сечет мечами, врагов косит наземь, подобно сену на поле. И тут произошло событие, вызывающее и недоверие и удивление, так как столь сильный натиск многочисленных тысяч храбрых врагов не сокрушил ни его, ни его воинов, и удары мечей не поразили их, и не пронзили их густые тучи стрел, так что даже они сами гневно обрушиваются на врагов и поражают их мечами подобно молнии. И наконец, неутомленные победами, они слышат доносящиеся к ним вопли врагов, которых как бы давят и сжимают утесы. И таким образом вся сила врагов совершенно сникла.

Стих:

Победит в столкновении камень;
При ударе горшок разобьется.
Невредима скала остается,
Но горшочек она разбивает.

Если в бой он с утесом вступает,
Скорлупа от горшка погибает ⁶.

Враги же, завидя знак орла-победителя [на знаменах], тем хуже сражаются, чем яснее обнаруживается победоносный триумф Казимира. Множество вражеских воинов было повергнуто ниц, а некоторые князья ускользнули [только] благодаря быстроте своих ног. Остальных или уничтожил сытый меч или их, бегущих, похитила всепоглощающая волна, или победитель взял в оковы. Итак, Казимир, прославленный победитель русских, восстановил у галичан князем ⁷ первенца своей сестры, некогда изгнанного из королевства, о чем было сказано выше. Он после отъезда Казимира, своего дяди, был своими же отравлен ядовитым питьем ⁸. Ему в Галицком королевстве наследовал Владимир, брат его по матери, сестре Казимира.

Говорят и так написано в некоторых хрониках, что вышеупомянутая сестра Казимира, дочь Болеслава Кривоустого, вначале была замужем за сыном короля паннонцев ⁹. От него она родила этого восстановленного правителя прежде, чем муж ее был изгнан из королевства. После смерти сына короля Паннонии, ее мужа, Болеслав Кудрявый отдал ее в жены некоему князю русских. Правя в Галиче, от нее он имел много сыновей. А когда ее первенец, внук короля паннонцев, пожелал, чтобы братья и отчим вернули Галицкое королевство, на которое он, будучи первенцем, претендовал как на отцовское наследство, мать его, руководствуясь приказом мужа, как полагают, отрицала, что это ее сын, утверждая, что он был [ей] подброшен, чтобы угодить ее первому мужу. Вследствие этого в наследовании Галицким королевством ему было отказано. Упомянутый же Казимир, его дядя, не доверяя сестре, позаботился вернуть королевство племяннику. Вот из-за этого и разгорелась, как говорят, вышеупомянутая война.

Глава 40. Как Казимир, обратив в бегство Владимира, установил Романа князем галицким

Итак, Казимир с большой силой вступив на русские земли, принудил Владимира покинуть Галицкое королевство. После удаления Владимира он назначил галицким князем Романа ¹, сына своей сестры рожден-

ного от ее второго мужа, а сам, усмирив Русь², счастливо вернулся домой. Владимир просит короля венгров³ помочь ему вернуться на трон. А последний, отнюдь не из сочувствия к нему, а скорее помогая Галицкому королевству, вытесняет Романа, занимает Галицкое королевство и там устанавливает собственного сына⁴. Изгнанника же [Владимира], чтобы он не причинил вреда его сыну, помещает связанным в тюрьму. Последний, измученный тяготами тюрьмы, обещает тюремным стражам дары и таким образом ускользает из плена. Затем он находится в русских землях⁵, довольствуясь только отцовским наследством. Под влиянием дерзкой отваги нападает с какими-то разбойниками на границы Польского королевства в день Вознесения Св. Девы⁶, совершив нечестивое побоище и похитив жен знатных людей, увозит их в отдаленные владения варваров. Вышеуказанный виновник преступления за все эти действия был лишен Казимиром отцовского имущества и отправлен в изгнание.

Глава 41. Как Владимир добывается прощения и милости Казимира

Хотя он [Владимир] должен был бояться сурового негодования Казимира, величие которого он осмелился оскорбить своим безрассудством, однако поскольку он в отчаянии искал покровительства благочестивого Казимира, то достиг в этом успеха. Он не только добился прощения за свой безрассудный поступок, но даже получает у святого княжеского оракула¹ еще большую милость. Ведь тот самый прославленный Николай², назначенный его светлостью первым сановником при дворе (что всем из восточных районов казалось невероятным), совместно с могущественными силами паннонцев храбро одерживает победу над сыном короля венгров и изгоняет его, изгнанника же Владимира восстанавливает в Галицком королевстве. Так одна и та же рука нанесла и рану и принесла помощь³. И вот поэтому все восточные королевства обуял такой страх, что все они трепетали перед волею Казимира сильнее, нежели дрожащий листочек.

Во время [правления] этого Казимира мутинским епископом Эгидием⁴ были перенесены в Краков остан-

ки св. Флориана, и они были приняты епископом Гедкой с почтением и набожностью. Этот епископ на следующий год закончил свой последний день. Ему в епископстве краковском наследовал на основании канонического избрания Пелка⁵. Также Лешек, князь Мазовии и Куявии, сын покойного Болеслава Кудрявого, на следующий год переселился ко Господу. Ему наследовал в управлении страной князь Казимир краковский.

Глава 42. Каким образом жители Кракова, пренебрегши Казимиром, вновь принимают своим господином Старого Мешко

Итак, после того как Владимир, о чем мы уже говорили выше, был счастливо восстановлен в Галицком королевстве, знатные люди (proceres) Краковии сильно вознегодовали на Казимира за то, разумеется, что такое беззаконие и преступление, которое Владимир осмелился совершить по отношению к ним, не получило своего отомщения и, более того, было вознаграждено еще большим поощрением¹. Его следовало скорее пригвоздить к позорному столбу, чем восстанавливать в королевстве, уверяли они, добавляя, что к тому же из-за расторжения союза с королем паннонцев, рушится безопасность королевства лехитов. Поэтому они предполагают хитростью добиться того, чего не могут достичь силой. Итак, пока Казимир продолжительное время приводит в порядок дела в русских владениях, мастера убийств замышляют отравить Казимира. Они посылают за князем Мешко и убеждают его поторопиться в Краков. Когда же тот внезапно появляется, Краковское государство со всеми крепостями и муниципиями открыто переходит на его сторону, и только один почтенный краковский епископ Пелка всеми силами сопротивляется, но ничего не может добиться.

Как только слух об этих беззакониях изменников дошел до ушей Казимира, он со своими племянниками-князьями Романом, Владимиром и Всеволодом белзским бесстрашно нападает на Краков². Брат его Мешко, не решаясь ждать его прихода, поспешно возвращается домой, оставив сына своего Болеслава с многочисленным войском в лагере. Казимир же, осадив Краков, вскоре его занимает и возвращает себе все укрепления и муниципии³, после того как его племянник Болеслав

Панорама Кракова с запада. Гравюра на дереве. 1581 г.

вместе со своим войском добровольно сдается ему в плен. Казимир, произведя изменения в своем королевстве, освобождает из плена своего племянника со всеми пленниками и, наградив дарами, великодушно отправляет их к своему брату Мешко. Это обстоятельство настолько тронуло душу Мешко, что он, совершенно забыв о всех обидах, сердечно возрадовался объятиям брата. А способствовал этому согласию и договоренности муж выдающегося трудолюбия гнезненский архиепископ Петр, которого видел краковский епископ Винцентий Кадлубек, и он-то и описал это, и мы знаем, сколь истинно его свидетельство ⁴.

Вышеуказанный палатин (*princeps palatii*) Николай совместно с Пелкой, краковским епископом, желали, чтобы договор с королем паннонцев был восстановлен и чтобы короли венгерский и польский сошлись в указанное место, и чтобы тот и другой торжественно обещали согласно установлениям святых, а именно святейшего покровителя поляков св. Адальберта и блаженного Стефана ⁵, некогда короля Венгрии, сообщать заботиться о том и другом королевствах, поддерживать дружественные отношения, совместно бороться против их общих врагов, а также и на будущие времена вместе пользоваться достигнутыми успехами ⁶.

Глава 43. Как Казимир подчинил своему господству полешан ¹

Итак, вышеупомянутый Казимир, окруженный верными друзьями, устремляется к границам пруссов. Совершив много нападений на их соседей, он разбил их и, наконец, с трудом, в тяжелых военных столкновениях, вступил в земли полешан ². А до сих пор нико-

му не удавалось ни путем войны, ни путем вражеского нападения справиться с их необузданной свирепостью.

Полешане — это народ гетов или пруссов, племя жесточайшее, отличающееся звериной свирепостью, [которое] населяет обширную пустыню. Дорога к ним недоступна вследствие очень густых лесов и смоляных болот. Жилища их Казимир уничтожил факелами, рассек ударам дровишек и мечей, и, после того как все сгорело, наиболее знатные люди (*primi proceres*) всей провинции полешан с поднятыми десницами и склоненными выями пали к стопам Казимира, умоляя пощадить остатки родины и их жизнь. При виде таких бедствий милосердие светлейшего князя склонило его к состраданию, и он, получив от полешан гарантию об уплате подати и убедившись в их покорности, с величайшим триумфом счастливо возвратился в родные края. Здесь не под влиянием собственной усталости, но из-за усталости своих людей разрешил кратковременный отдых.

Глава 44. О смерти Казимира

И был этот победитель Казимир ревностным почитателем торжественных праздников в честь святых. Поэтому он провел весь день блаженного Флориана, присутствуя на богослужении, в молитвах и благодарениях Господу. Приносил торжественные обеты, а на завтрашний день приказал приготовить пышный пир для князей, знатных людей (*primi proceres*) государства и епископов. Они во время пира, громко радуясь, много разговаривали между собой, и прежде всего по поводу счастливых триумфов над врагами. Во-вторых, о том, что Казимир остался невредимым среди таких опасностей. В-третьих, что наступил покой и свой, личный и для родины. В-четвертых, о наступлении более радостной жизни. Но наибольшее удовольствие доставляла веселость светлейшего Казимира, которая бодрила души и сердца всех присутствующих. И, когда всеобщий глас ликования поднимался все выше, внезапно это благоденствие столь великой славы и радости было нарушено неожиданной бедой. И печаль не завершает радость, а вторгается, о горе, в самую середину. Так кифара лехитов воплотилась в безутешную скорбь. И в тот момент, когда Казимир предлагал духовным

лицам некоторые вопросы о спасении души, [он], много отпив из бокала, тотчас упал и скончался, неизвестно, то ли от болезни, то ли от отравления.

Так не стало Казимира, этой единственной звезды родины. И такая мрачная грусть охватила народы, такая безмерная печаль охватила всех, к кому только могла дойти весть об этом несчастье. После кончины счастливейшего Казимира в году 1194 от Р. Х. возникли хаос и смута среди людей из-за такого неожиданного исхода. Некоторые как бы ослобенели, другие потеряли присутствие духа, а многие были словно поражены молнией. Так, можно было видеть многих магнатов (*magnatum*), совершенно лишенных жизни. А лица знатных матрон и девушек были обильно залиты слезами и так расцарапаны, что кровь текла ручьями. Некоторые бились головой о колонны, многие хотели умереть с ним вместе. Впрочем, были и такие, которые, в этот момент притворно вздыхая, подумывали, нельзя ли найти знатных людей (*primates*) для исполнения своих собственных планов или даже занять опустевшее место князя, но никакого успеха их помыслы не имели.

Глава 45. О Лешке Белом, сыне Казимира

После того как был совершен торжественный погребальный обряд, досточтимый епископ краковский¹ прежде всего имел беседу с сановниками (*primatibus*) о наследовании в королевстве, а затем и всех созывает на беседу и, после того как все успокоились, так им говорит: «Благочестива печаль, о знатные (*proceres*), но не благочестива жестокость печали; благочестиво сожалеть об умершем князе, но нельзя забывать, что на место умершего должен быть назначен другой. Поэтому обращаю ваше внимание, как часто рой пчел хиреет или совсем погибает, если на место погибшего вожака [пчелы] не умеют или не стремятся выбрать другого. Так и некоторые пресмыкающиеся, имеющие вожаком звездчатую ящерицу, едва только она умрет, сейчас же берут ту на ее место, которая первая по смерти вожака проливает слезы. Хотя и казалось, что Казимир умер, однако в [памяти] своих потомков просто умереть он не мог. В них он, по-видимому, живет и в будущем будет жить в славе. И о виноградной лозе не говорят, что она погибла, если живы ее побеги. Су-

ществуют две виноградные поросли, два светоча, два сына Казимира: Лешек и Конрад, хотя они и несовершеннолетние сироты². Достоинно, чтобы старший унаследовал отцовское достоинство».

На что некий знатный (*insignis*) муж отвечивал.

«Разумеется, — сказал, — почтенный отец, разумность вашего совета должна всеми быть оценена, особенно потому, что обстоятельства не допускают отсрочки. Опасен этот час и несет он в себе опасность. Поэтому при выборе князя не должна быть допущена небрежность, но [и], наоборот, не нужно спешить, обсуждая личность князя, и необходимо проявить бдительность. Не приличествует незрелому возрасту повелевать седой головой. И уж совсем нелепо, чтобы над мудрыми мужами господствовала детская неразумность. Ведь есть такое мудрое выражение «Горе тебе, земля, когда царь твой отрок³, и в особенности следует правителю во всем и ко всему проявлять достаточно ума, рвения, предусмотрительности, трудолюбия».

Говорил он это для того, чтобы Мешко Старый, князь Великой Польши, или племянник его Мешко, князь Ополя, о которых уже было сказано выше, был назначен князем⁴. На эти слова так отвечивал справедливый муж, епископ Пелка:

«Все это изложено тобою, мужем премудрым, превосходно. Но в настоящий момент, по-видимому, не об этом идет речь. Все это было бы справедливо, если бы речь шла о выборе князя, а не о праве наследования. Ведь одно — выбор на основании права и совершенно другое — право наследования. В первом заключена чрезвычайно большая свобода, а во втором необходимо точнейшее соблюдение права. При выборе исключаются все, находившиеся вне законного возраста, а при определении права наследования участвуют все дети, хотя бы родившиеся после смерти отца. Они даже могут нарушить завещание, подкрепленное торжественностью права, но то, чего ты коснулся по поводу управления государством, не может входить в обязанность маленьких детей. В самом деле, если республика по свидетельству права считается как бы ребенком, то в том и другом случаях закон имеет одну и ту же силу. Потому что, где один и тот же разум, там одна и та же сила права. Следовательно, или ты отнимешь у детей всякое покровительство, или даже государству не откажешь в опекунах. В самом деле,

князя управляют государством не сами по себе, но при посредстве административных властей (*per administratores potestates*). И поэтому в высшей степени возможно и несправедливо препятствовать и мешать тому, что требует разум [и] польза, тому, что приказывает честность [и] благочестие, чем повелевает право и вынуждает необходимость. Итак, нет ничего такого, из-за чего могли быть отвергнуты согласие и благожелательность знатных лиц, пожелания граждан, признательность народа».

Затем единодушный голос всех возносится к небу и раздается веселый возглас: «Пусть живет, пусть живет князь и король навеки».

И благодаря такой торжественной праздничности всеми овладела светлая радость, как будто и не было никакого огорчения от прошлой печали. Такое благостное чувство, такая любовь, такая благожелательность овладели всеми по отношению к этим детям, что не могли их разъединить и оторвать друг от друга ни чья-либо благосклонность, ни ненависть, ни притеснения, ни меч, ни жалобы, ни какая другая случайная необходимость. После этого первый комит Николай, воевода (*princeps milicie*), всех горячо благодарит, напоминает о необходимости сохранения неустанной верности и постоянства и их, чтобы они не могли изменить своих намерений, обязывает клятвою верности. Ибо знал сей мудрый муж, сколь мимолетен путь человеческой мысли и что душевная приязнь покоится на скользком льду.

Глава 46. Как Мешко Старый скорбит, сожалея о возвышении племянника

Услышав об этом, Мешко Старый, князь Великой Польши, исполнившись негодования, полный скорби, распростершись на ложе, говорит: «Не о том я скорблю, что презрен ими [краковянами], и не о том, что нарушены права первородства, но об оскорблении столь высокого достоинства шутовской насмешкой, что и затаить-то нельзя, не навлекая на себя смех; по-детски надо с детьми.

играть «чет, нечет», ехать на длинной хворостине¹.

Также и еще есть не меньшее основание печалиться, так как вместе с братом моим Казимиром пала корона

этого королевства, а они не старались ее поднять, но погрузили в какое-то жалкое озеро, а государство предоставили врагам. Они избирают князем ребенка для того, чтобы самим управлять своими князьями. А когда будет с корнем уничтожена королевская поросль, они, наконец, будут более свободно владеть властью, и вместо одной головы у них самих вырастет столько королей, сколько голов. Поэтому-то я, о знатные (proceres), и печалюсь о вас, страшит меня ваше несчастье; здесь имеет место несчастье общее для всех вас. Выходит, что вы должны повиноваться тем, кому приличествовало повиноваться вам».

Такими словами, с такой суровостью в своей речи он часто склоняет и побуждает согласиться с его намерениями князей Болеслава Высокого силезского и брата его Мешко Лорипеда опольского, сыновей своего брата Изгнанника Владислава. Просит у всех помощи, как у знатных (procerum) людей своего королевства, так и у иноземных. Рассчитывая на их помощь, он пишет магнатам (magnatibus) краковской провинции, напоминает и приказывает им не подчиняться Лешке и требовать от него отказа от княжения, не опираться на тростниковую палочку, но признать в нем [Мешко] князя и своим послушанием заслужить его милость и не помышлять об ужасах сражения.

Глава 47. О битве, происшедшей между Мешко Старым и жителями Кракова

В году от Р. Х. 1195 знатные краковяне, охваченные единодушным порывом, отвечают Мешко, что они не могут добровольно признать то, к чему их принуждают под угрозой: «Так будь готов! Если не хочешь отступить, нас найдешь готовыми к сопротивлению».

Стих:

Вес есть в словах и следуют судьбы за словом¹.

Затем Мешко Старый, собрав отряд храбрых воинов, приближается к Кракову. Ему навстречу идут краковяне с Романом, князем владимирским, с немалым отрядом вооруженных [людей], как своих, так и русских². Князь Роман помнил немалые благодеяния, оказанные ему его дедом Казимиром³, у которого он в детстве воспитывался. Казимиром же он был назначен князем во Владимире⁴. Знал также, что после гибели

ли Лешка и Конрада и его голове угрожает секира, с одной стороны, от Мешко Старого, если он победит, с другой стороны, от киевского князя, дочь которого он отослал от себя, дав ей развод⁵.

Есть в Краковии место, получившее название от реки Мозгава, расположенное недалеко от Енджеевского монастыря. В этом месте среди сосновых лесов и кустарников ежевики то и другое войско, сойдясь, построили боевые ряды. Ни сыновнее чувство не выказало там почтения отцовству, ни отцовство не отнеслось снисходительно к сынам, ни брат к брату, ни родственник к родственнику. Не было выказано почтения к святому духовному родству, но все без разбору погибают в кровопролитии. В то время сын Мешко Болеслав, пронзенный копьем, испускает дух. Так рушится слава великих людей. Какой-то рядовой воин [по имени] Григорий⁶ смертельно ранит Мешко Старого, и, когда он пытается так его убить, тот, сбросив шлем, восклицает, что он князь. Узнав его, воин смиренно просит прощения, оберегает [князя] от нападения других, помогает выбраться из сражения.

А князь Роман, получив тяжелые ранения, потеряв многих своих [воинов], вынужден покинуть сражение. Еще в начале столкновения большая часть своих русских обратилась в бегство. Это обстоятельство отняло у краковян триумф победы. Многие из них не усердствовали в сражении, но преследовали убегающих русских, одни — в надежде на добычу, другие — в благородном возмущении.

После того как войско перестало принимать участие в битве, на помощь Мешко Старому снова прибыл Мешко Лорипед, упомянутый опольский князь, совместно со своим племянником Ярославом⁷, сыном силезского князя Болеслава. И так как на поле битвы совсем никого нельзя было найти, ибо та и другая стороны отошли друг от друга, они радуются и веселятся, как будто бы поле победы осталось за ними, и поднимают вверх знаки победы. Комит (comes) Говорек⁸, увидев их, хотя и с небольшим отрядом храбрых мужей, нападает, наподобие молнии рушит, мужественно сражается. Но, теснимый огромным числом врагов, отступает, попадает в плен, его пленного уводят, долго держат, и только благодаря помощи друзей с большим трудом освобождается он из неволи.

А часто упоминавшийся архиепископ Пелка, то

в страхе, то в надежде горячо молится, в укромном месте выжидает исхода войны. Он, увидя кого-то идущего с поля битвы, восклицает: «Благополучны ли ваши дела?»

Тот ответил: «Пусть сегодняшнее благополучие никогда не покинет наших врагов. Пал и Роман и многие знатные (grіmоgит grіmі), некоторые попали в плен, другие бежали, весь народ нашего войска устал и, знай [это] наверняка, Мешко Старый с трофеями триумфально отправился в Краков».

Едва он закончил [речь], как появился еще один человек, а за ним другой, сообщая еще одну лживую версию. Поэтому епископ говорит: «По-видимому, мы поверим или каждому или никому, так как сообщения их не согласны друг с другом. Итак, остается, чтобы кто-либо из нас разузнал это обстоятельство более тщательно».

Ему кто-то ⁹: «Я готов».

Епископ отвечал: «Запомни три слова: будь неутомимым, старательным, осторожным. Ангел Божий с тобой».

Итак, тот, изменив свой монашеский вид, пеший, придя к месту сражения, тщательно расследует суть дела, расспрашивая и тех, кто остался полуживым, и тех, кто занимался грабежом. Когда он все тщательно разузнал, он как мог быстрее возвратился и все по порядку рассказал епископу, а именно что Мешко Старый вернулся домой, стелая под двойным бременем: под тяжестью печали по поводу смерти сына и под тяжестью скорби о ранах, полученных им самим: Сообщает, что Роман также ранен, но не смертельно. Ближайшей ночью епископ следует за Романом и, настигши его, всеми силами стремится возвратить с той целью, чтобы Мешко Старый, распаленный гневом и восстановивший свои силы, не занял Кракова или сам, или при помощи своего сына Владислава.

Ему Роман: «Дражайший отец! Двойная хворость, как видишь, мешает мне: одна — это раны, полученные мною, другая состоит в том, что нет у меня воинства. Часть полегла на поле боя, часть убежала».

Епископ в ответ: «Что же ты советуешь?»

Ему [Роман]: «Мудрость твоя очевидна, ведь мудрость змеи состоит в том, чтобы охранять голову. Итак, прикажи сторожить столицу, пока не перестанут кровоточить наши раны».

По возвращении Романа домой знатные люди (*primi procerum*) Кракова, как только на завтра забрезжил рассвет, с небольшим, но весьма опытным отрядом повсюду разыскивают врагов. Не найдя их, выведывают у епископа, должны ли они преследовать Мешко Старого или Мешко Лорипеда. Но епископ приказывает не делать ни того, ни другого. А приказывает он и советует поспешить к столице королевства, обеспечить там охрану, чтобы ее никто не занял, как не имеющую правителя. Ведь рыбу легче поймать в мутной воде. Они поспешо отправляются в Краков и торжественнее, чем ранее, празднуют восстановление князя.

Итак, мать детей, рассудительнейшая из женщин как в советах, так и в предвидении грядущего, берет на себя законную опеку над детьми, пока не подрастет старший сын¹⁰. Согласно ее воли и в соответствии с заслугами каждого распределяются высокие должности, каштелянии и государственные посты. И такое было у всех уважение как к ней, так и к детям, что сановники (*proceres*), как бы забыв о своем высоком положении, предпочитали выказать послушание женщине, нежели покинуть детей. Епископ Пелка и воевода (*comes palatinus*) Николай берут на себя заботу о государстве. Управление государством поручается людям достойным и наиболее верным. И страна на некоторое время затихла, и наступило недолгое спокойствие мира.

Глава 48. Лешек Белый назначает Романа в Галицию¹

А в это время князь Лешек возрастал годами и премудростью², был очень усерден, и поскольку он был юношей, то и укреплял свою юношескую силу, занимаясь военными делами, и хотя не был еще ни новобранцем, ни рыцарем, однако выказывал замечательные [способности] в военном деле. Из которых, по крайней мере, одно вело его к высшей славе, а именно всех князей Руси он, хотя и юноша, озарял как бы лучами солнца. В это время Владимир, родной брат Романа³ и двоюродный Лешка⁴, князь Галиции, скончался⁵, не оставив никакого законного наследника. Поэтому князья Руси, одни дарами, другие хитростью, некоторые и тем и другим, старались захватить пустующее место князя. Среди них князь Роман настолько⁶ был ближе

[родством и соседством], насколько был честолюбивее и умнее [прочих]. Он, понимая, что является неравным [по силам] по отношению к другим князьям, настойчиво молит⁷ Лешка, чтобы тот привязал его к себе вечной службой и назначил [пусть] не князем галицким, но своим прокуратором. В противном случае пусть не сомневается, что всякий иной из князей Руси, [который] захватит этот престол, как несомненный враг будет ему угрожать. Но просьба эта показалась некоторым вздорной, во-первых, потому, что избирать князем [кого-либо из] подданных и иноземца не является безопасным, во-вторых, потому, что дело столь великое, столь полезное окажется намного полезнее, если им руководить самому, нежели поручать другому.

На это некоторые говорили: «На каком это основании может быть назван чужеземцем тот, с которым наш князь Лешек находится во второй степени родства? Как можно, спрашиваю, сомневаться по поводу Романа, который был наивернейшим помощником нашего государства и даже как бы его наставником? Чья постоянная верность является испытанной, а прилежание в послушании широко известно даже за пределами отечества? Кто из-за наших трудных дел имеет кровавые раны на своем теле? Чрезвычайным беззаконием является отказать в родственном благочестии или не отплатить ближнему взаимной услугой».

Таким образом, готовят отряды и мыслят двинуть лагерь против Галиции. Между тем насколько было бы лучше предоставить Лешку возможность пребывать дома, забавляясь, чем в опасных переходах трудиться в поте лица.

А юноша почти рыдая: «О позор, знатные (гроссес)! Что же вы меня считаете женщиной, а не князем? Немногим отличается от женщины тот, кто почитает женское общество. А ведь существует молва, что некоторые, сражавшиеся без короля, терпели поражение и они же одерживали триумф над врагами, если на поле брани, хотя бы и в колыбели, находился король. Поэтому я не как князь, а как символ княжества не покину ваш стан. В противном случае я последую по вашим следам пусть даже в сопровождении одного комита».

Все радуются иметь князем человека со столь великой душой, блистающим цветом молодости. Каждый удивляется, что в столь нежном колосе так быстро созрело зерно. Все удивляются, что орех, еще не покры-

тый скорлупой, в своем созревании уже несет в себе вкус ореха.

Храбрый Лешек вторгается во владения Руси. На встречу ему выходят первые люди Галиции со склоненными выями. Обещают ему свое послушание, свою клиентелу⁸, свое полное подчинение, а также своих [людей], навеки верность и выплату подати. Его выбирают королем и желают [видеть] в нем защитника своего спасения. «Пусть достоинство вашей светлости соблаговолит решить, [будет ли] править нами лично или через установленное лицо. Мы ни о чем другом не просим, только бы слава вашего имени воссияла над нами»⁹.

Так они [говорили] не без умысла, чтобы тем безопаснее [для себя] захватить его беспечного. В самом деле, вскоре исход событий показал их намерения. Прежде всего их города и укрепления оказывают сопротивление Лешку и восстают против него. Стерев их с лица земли и подчинив, он торопится окружить валом Галицию и ее завоевать. Но словно тучи песка появляются враги в бесчисленном множестве. Князь Лешек приказывает им через своих посланных, чтобы они отошли от границ Галиции или пусть будут готовы к открытой битве. А те в ответ заявляют, что немедленно готовы сражаться. Но когда заблестели железные ряды поляков, все воодушевление этого множества [воинов] сникло, во время сражения не оказали они никакого сопротивления и быстро обратились в бегство. Под предлогом заключения мира они испрашивают отсрочку военных действий и ее получают. Хотя галичане и колебались в своих размышлениях, тем не менее они распростерлись у ног князя Лешка смиреннее, чем прежде, и с искренним, а не поддельным воодушевлением просят его быть им князем, так как видят, что силы их князей, на которых они возлагали большие надежды, истощились. Они вынуждены принять князем Романа, которого страшатся, как молнии. Ведь они уже хорошо знали, какую изощренную тиранию и коварную жестокость проявляет он по отношению к своим [подданным]. Отовсюду они терпят притеснения, и нет никакой надежды на возможность восстания. К просьбам присоединяют просьбы, преподносят князю Лешку множество серебра и золота, бесчисленные драгоценности, сосуды и изысканнейшие одежды, всякого рода шелка и другие драгоценные вещи и обещают ежегодно при-

носить подобное в сокровищницу князя. Вновь обещают на любых условиях послушание и выплату податей, лишь бы не попасть под иго Романа, а склониться перед его [Лешка] властью.

Хотя и были возражения, мнение всех лехитов сходится на князе Романе. Несмотря на сопротивление русских сановников (*primis*) и знатных (*pricipis*) лиц, князь Лешек назначает Романа галицким князем. Впоследствии за это благодеяние Роман плохо отплатил полякам, как станет известно ниже¹⁰. Он был и по отношению ко всем чрезвычайно жесток и вероломен и к своим относился с равным вероломством.

Глава 49. О жестокости князя Романа

Когда князь Лешек вернулся домой, Роман, войдя в роль жестокого тирана, захватывает неожиданных этого знатнейших галицких сановников (*satrapas*)¹. Кого убивает, кого живым закапывает в землю, у других срывает кожу, разрывает на куски, многих пригвождает стрелами. А у некоторых вырывает внутренности и уже потом убивает. Применяя все виды мучения, [он] является для своих граждан более чудовищным врагом, чем для неприятелей. А тех, кого он не может сразу схватить, потому что они, влекомые страхом, убежали в другие области, он, используя дары, лесть, разного рода хитрости, призывает обратно, одаряет их почестями и возвышает. А потом предписывает и приказывает казнить их в страшнейших, немислимых мучениях для того, чтобы этим внушить страх соседям и, уничтожив могущественных, править безопасней². Отсюда и возникла эта известная поговорка «Нельзя безопасно попробовать мед пчел, пока не будет совершенно уничтожен их рой»³. И благодаря несчастью других он благоденствовал и в короткое время стал могущественным настолько, что повелевал всесильно почти всеми русскими князьями и провинциями⁴.

Глава 50. Каким образом Мешко Старый в третий раз хитростью овладевает Краковом

По свершении всего этого Мешко Старый, домогаясь Краковского княжества, [раздумывая], как он сможет его захватить, решает добиться его старанием

и хитростью, поскольку твердостью и силами своих воинов он уступает могуществу племянников. И поэтому с почитательностью он испытывает замыслы старших (maiorum), добивается их расположения и склоняет к исполнению своих планов. Но любовь к юношам до такой степени смягчила сердца всех, что казалось, будто решения всех зависят от решения их матери, и поэтому он стал тревожить мать письмами, посылать к ней послов, преподносить дары, говоря, что дело идет не о славе власти, а о спокойствии королевства и более устойчивом положении ее сыновей. Он добавляет, что в настоящее время он желает полного уничтожения возможных раздоров всякого рода, и чтобы и в дальнейшем ни по какому поводу не мог возникнуть новый пожар, и что все это может быть обеспечено только на основании следующего:

«Пусть твой сын Лешек уступит мне княжество, которое я верну своему приемному сыну после того, как он будет опоясан мною рыцарским поясом для того, чтобы краковское владение, а именно княжество над всей Польшей, принадлежало твоему роду путем постоянного наследования. Ведь не может быть неизменным и постоянным то, что провозглашается простым народным гулом, если это не установил и не подтвердил своим авторитетом князь. Итак, сбрось с головы сына глиняную корону, это смешное украшение, возложенное искусством гончаров. Князьям приличествует носить диадему не глиняную, а золотую, которую щедрость нашего благоволения постановила возложить в настоящее время на твоего сына, а в будущем на его детей».

И, так как женское легкомыслие легковерно, мать Лешка, склонная поверить своему деверю, опьяненная его обещаниями, убеждает и советует сыну, чтобы он на определенное время отступился от княжества. Она считает, [что] безопаснее почитать вместо отца дядю, чем постоянно сдерживать врага, и спокойнее получить королевство в дар от дяди и благодаря его авторитету укрепиться в королевстве, нежели всегда зависеть от воли народа.

Они сходятся в установленное место и время и приносят торжественную клятву верности матери Лешка и сыну. Клянется Старый, приносят клятву знатные люди и той и другой сторон о точном выполнении подписанного договора, а если кто осмелится нарушить или

дать какой иной совет, или будет способствовать нарушению, пусть он будет предан анафеме митрополитом и всеми епископами провинции.

Итак, Мешко Старый хитростью получает княжеское достоинство и в году от Р. Х. 1196 входит в Краков. И, когда он, наконец, овладел Краковом, оказалось, что он уже не помнил ни о принесении присяги, ни о договоре. И если когда-либо он и вспоминал об этом, побежденный кротостью племянника и его напоминаниями, то, насколько это было в его силах, старался не показывать вида. А если не мог притвориться, то, постоянно откладывая, препятствовал желаниям Лешка. Просит племянник и убеждает дядю посвятить его в рыцари, вспомнить о заключенном договоре и в свою очередь назначить его наследником Кракова. На это Мешко отвечает, что не следует общественное право ослаблять частными договорами. А ведь если оно подрывается, ухудшается положение республики. Кто сомневается, что это так и произойдет, если управление королевством будет доверено неопытному юноше. Насколько приличнее молодости повиноваться, нежели повелевать. Кто обладает [властью], пусть ею владеет, пока не устранился от общественной деятельности.

Но так как Мешко стал строить козни в отношении имущества и достояния других, чтобы присоединить их себе под любым предлогом, то краковская знать (prosepim) в негодовании изгнала его из Кракова и вновь призвала князя Лешка¹. Таким образом, изобличенный в нарушении договора и клятвы [Мешко] понес заслуженное наказание.

Глава 51. Как Мешко в четвертый раз завоевывает Краков

Мешко, не забывая о своих испытанных хитроумных действиях, снова пытается захватить Краков при помощи тех же махинаций, что и прежде, и с теми же уловками направляется к матери юношей Лешка и Конрада. Стараются рассеять подозрение в вероломстве, уверяет, что договор и клятву соблюдал с величайшим почтением, но его опередили соперники и помешали ему. И что ответы эти, о которых они распустили слухи, не его словами были, но были сочинены завистью и хитростью этих же соперников.

«А теперь, любезная невестка, лишь бы только была ваша благожелательность, и у меня не будет недостатка в обещанной верности. В самом деле, я не только Краков отпишу в наследство вашим сынам, но также обещаю возвратить и куявскую провинцию».

Занял Мешко Старый Куявию¹, хотя она не была от него зависима. «Одного я желаю, — сказал он, — чтобы враг всех, общий всем, был обречен на изгнание, чтобы он не делал из князей себе забаву, то, проявляя свою волю, назначая князем, то снимая».

Здесь он намекал на комита Николая, краковского палатина (*palatino*), о котором он знал, что в настоящее время мать [князей] его ненавидит, хотя ранее она его очень любила как мужа отличного и решительного. Она сама и дети ее в некоторых вопросах слушались его прозорливых советов, пока, наконец, благодаря хитрости завистников не получила поводов [для] ненависти по отношению к нему. И поэтому она по-женски склоняет всех знатных людей (*prosegit*) Кракова, согласно желанию Мешко Старого, к тому, чтобы ни в чем неповинный муж был осужден на вечное изгнание.

А затем они снова договариваются на том условии, что Мешко Старый тотчас вернет Куявию и до конца жизни будет князем в Кракове, а князь Лешек, согласно его решению, будет ему наследовать. Комит (*comes*) же Николай, понимая, что ему грозит опасность изгнания, все настойчивее молит о милости князя Лешка и его мать. Но его смиренные просьбы успеха не имели, и он не без тяжелой печали в сопровождении большого числа друзей переходит [на сторону] Мешко Старого. Обрадовавшись их приходу, Мешко Старый занимает Краковское княжество. Добившись владения Краковом, он совершенно забывает и о присяге в верности и о клятве и не заботится ни о назначении Лешка наследником Краковского княжества, как он обещал, ни об отдаче Куявии, и, мало того, он даже насильно занимает Вислицу и три другие крепости Лешка и Конрада, уверяя, что они принадлежат краковскому уделу. Но они благодаря усилиям и советам знатных людей (*maiorum*) Сандомира и Мазовии [позднее] были возвращены и восстановлены вместе с куявской провинцией.

Так Мешко Старый могущественно правил в Кракове, но вскоре место его стало в вечном покое. Умер

он в Калише в году от Р. Х. 1202 и похоронен в церкви св. Павла, им же основанной, в склепе его сына Мешко.

Глава 52. Как Лешек Белый отверг Краковское княжество¹

Краковская же знать и старейшины (*optimates patu maiores*) вместе с епископом Пелкой шлют послов к Лешку Белому, сандомирскому князю, обещая ему верное послушание и Краковское княжество. Но происходит какое-то брожение, которое портит все тесто². А именно был некий муж благородного происхождения, выделяющийся нравами и прозорливый в замечательных советах, великолепно владевший оружием, обладавший очарованием всех доблестей, по имени Говорек, который в то время у князя Лешка исполнял должность воеводы (*palatini dignitate fungebatur*). Его мнением руководствовался Лешек, определяя высокие степени достоинства. Итак, между ним и комитом Николаем, краковским воеводой (*palatinum*), какое-то несчастье породило неисчерпаемые разногласия, возникшие, возможно, из-за интриг нашептывателей. Комит Николай выразил желание войти в согласие с князем Лешком, но только при условии удаления и изгнания комита Говорека. Он говорил: среди разногласий нет места ни верности, ни послушанию и не может государство радоваться в мирном спокойствии, когда происходят распри. Колеблются и сомневаются князь Лешек и его люди, не зная, что выбрать: то ли лишиться Кракова, то ли изгнать мужа полезного, совершенно этого не заслужившего. Но первое пагубно, второе преступно.

В то время как они в сомнении медлят, комит Говорек говорит: «Неприлично в столь очевидных обстоятельствах колебаться в принятии решения. В самом деле, кто может сомневаться, что выгоды многих стоят немногих затрат. Кто не знает, что скорее следует лишиться какой угодно личности, нежели обещать? Кто не знает, что меньшее зло должно предпочесть большему, в особенности потому, что общественная польза должна стоять выше частной? Как может отдать жизнь за друга³ тот, кто страшится изгнания за господина? Я бы не назвал это ссылкой, если кто, хотя

и находясь в изгнании не лишен друзей и не подвергается случайным опасностям. Счастливы тот изгнанник, за кем следует милость, кого не преследует ненависть».

На это князь Лешек: «Я одобряю то, что ты изложил, а именно, каким образом выполнить честолюбивый замысел, если это соответствует моим настроениям. Да не приличествуют князю всякого рода торгашеские дела. Пусть люди благородные, в особенности князья, будут удалены от торговых дел! В самом деле, что принесут они тому, кто ищет цену за невиннейшего, коль скоро подобная продажа должностей имеет жалкий результат и нет никакого почета личной свободе? Пусть краковяне вместо князя Лешка ищут себе другого, подходящего их условиям и нравам».

Краковяне, дознавшись [об этом], посылают к гнезенскому князю Владиславу⁴, сыну Мешко Старого, послов (как будто и не было разговора о выборе князя), уверяя, что они должны выказать сыну ту верность, которую обещали его отцу, и поэтому не может идти речь о выборе того, кого призывает и требует к отцовскому наследству правовое основание. Прежде всего благородный Владислав благодарит их и уверяет, что более приятно ему послушание такой верности, нежели управление королевством. Одна только эта верность и закрывает и открывает, расширяет и суживает, укрепляет и сохраняет власть. Лишь одна она не только управляет, но и учит самих королей управлять и самим подчиняться. «В самом деле, если мы приступаем к какому-нибудь делу, достаточно трудному, то оно нуждается в ценных советах друзей. Если угодно, раскройте ваш замысел брату нашему князю сандомирскому Лешку для того, чтобы ваше намерение по поводу нас не осталось без результата. Ведь только он сам может быть и препятствием и он же может помочь, поскольку брат его князь Конрад во всем прислушивается к его советам. [К тому же] и Владиславовичи⁵, Мешко и Болеслав, мнение которых [хотя и] не имеет большой силы, однако и избежать ненависти [их] является делом трудным, без сомнения следуют его воле».

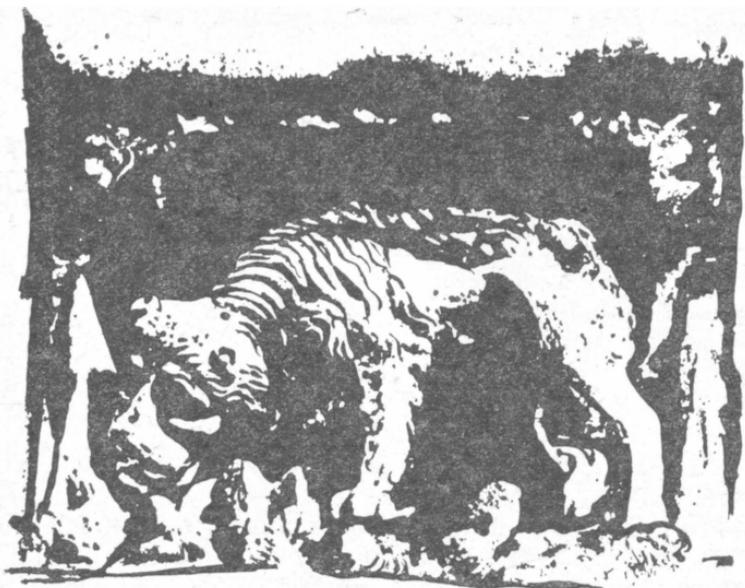
Затем он направляет послов к Лешку, через которых по порядку излагает суть дела и отсылает письмо следующего содержания: «Брату, возлюбленному души моей, князю Лешку, князь Владислав шлет привет в той или иной жизни. Состояние разума не позволяет, чтобы состояние здравого рассудка было не согласно

с самим собой и чтобы оно ссорилось с самим собой. Одинаковый образ мыслей едва ли допускает разногласие душ. Более того, оно создает постоянство в любви, а это обстоятельство порождает в нас одинаковые желания. И должно вызвать во всем доброе согласие. Когда мы узнали наверняка, что вы отвергли Краковское княжество, чаяния всех знатных (prosegitum) по поводу этого обратились на нас. Мы тем смелее приступаем к их предложению, чем менее мы сомневаемся в вашей приязни. И не для того, чтобы владеть им постоянно, но чтобы у вас с нашей помощью появилась очевидная возможность [овладеть] им. Итак, в этом деле идет речь не только о нашем продвижении, но и об увеличении вашего почета».

А князь Лешек, поняв из содержания этого письма, какую пользу и поддержку оно несет для него самого и для его людей, уступает пожеланиям брата, действует наперекор советам епископов, сановников (primatum) и других разумных лиц. Скорбели они, что при таком поступке наследование этого высокого сана сыновьями князя Казимира прекратится, поскольку они видели, что сам Лешек поступает вопреки своей выгоде и пользе. Поэтому и брат его князь Конрад с трудом и, казалось, как бы вынужденный согласился с их волей. Итак, на глазах у всей Польши, с согласия всех сановников (satraporum), от простого воина до наивысшего [рыцаря], князь Владислав, сын Мешко Старого, назначается краковским князем. Для всех он был таким доступным, таким располагающим к себе, таким благосклонным и приятным, что не верилось, будто бы он может презирать недостатки других, и не казалось, что он чрезмерно гордится своими доблестями. Со всеми был обходителен, щедро одаряя дарами. Но как он ни сопротивлялся, неожиданно был вынужден отступить от Краковского княжества, как это станет ясно ниже ⁶.

Глава 53. Как князь Лешек становится постоянным правителем Кракова

По смерти Николая, комита краковской каштелянии, который по своей воле одних князей отстранял, других назначал, знатные люди (procioges) Краковской земли совместно с епископом Пелкой отказываются от

Лев над воротами дома на улице Гродской в Кракове. Древнейший из сохранившихся каменных гербов конца XIV в.

верности князю Владиславу и не хотят больше иметь его вождем. Вскоре они посылают в Сандомир за Лешкой, умоляя его не отказать им и принять Краковское княжество. Когда он прибыл в Краков, он с почетом был избран князем Кракова всеми знатными людьми (*pobilium*), а Владислава из Краковской земли изгнали навечно.

Глава 54. О разделении земель между Лешкой и Конрадом

Лешек, как первенец, делается князем и господином Кракова, Сандомира, Серадза, Ленчицы и Поморья, Конрад¹ же, как младший, полностью наследует и владеет Мазовией и Куявией, и отпрыски его будут владеть ими по божественному соизволению вечно. Впоследствии Лешек Белый взял в жены знатную девушку из Руси по имени Гремислава² от которой имел князя Болеслава Стыдливый³ и блаженную Саломею⁴.

Глава 55. Как Лешек и Конрад победили Романа, князя Руси¹

В это время Роман, часто упоминавшийся, могущественнейший князь русских, отказывается платить дань князю Лешке², смело противостоит его власти и, собрав большое войско, с сильным отрядом неожиданно вторгается в пределы Польши. Когда это узнал Лешек, он, тотчас собрав небольшой отряд вооруженных, спешит к нему навстречу в Завихост, обрушивается на него, захватывает и побеждает. Русские, которые сначала пришли самонадеянно, были многие ранены, очень многие вместе с князем Романом убиты, остальные, увидев [это], стали искать спасения в бегстве, причем многие жалким образом окончили свою жизнь в реке Висле. Так, Роман, забыв о бесчисленных благодеяниях, оказанных ему Казимиром и его сыном Лешком, осмелился напасть на своих братьев, [но], получив удар мечом, испустил дух на поле боя³. И было это в году от Р. Х. 1205.

Глава 56. Как поморяне принимают Лешка своим господином и с почетом его приветствуют

Затем князь Лешек Белый вступает в Поморье¹ и там всеми знатными людьми (*proceribus*) Поморья признается законным правителем их и князем, и они оказывают ему пышный прием. Прозорливо закончив все дела надлежащим образом, назначил своим заместителем капитана по имени Святополк², мужа могущественного и деятельного, но, [как оказалось], господину своему неверного, а сам счастливо возвращается в свое королевство.

Глава 57. Какими уделами владеют отдельные князья

Для того чтобы каждый читающий историю Польши мог яснее понять и полнее представить себе деяния, подвиги и успехи польских князей, остается рассмотреть, какие князья какими уделами в это время управляли. Итак, в то время как Лешек и Конрад, сыновья

Казимира [Справедливого], как уже было сказано, правили в Краковии и Мазовии, Генрих Бородатый¹ — в Силезии, Владислав, сын Казимира, — в Ополе², Владислав Великий по прозвищу Лясконогий, сын Мешко Старого, — в Гнезно, Владислав Плвач³, сын Одона, сына Мешко Старого, — в Познани. И хотя остались без внимания князя Силезии и Ополя, однако кое-что и о них я не премину сообщить, намереваясь, правда, писать о других. Успокоилось на несколько лет Польское королевство, пользуясь желанным миром.

Глава 58. Как Владислав Одонич изгоняется из родного края

Итак, Владислав, сын Одона, находясь под опекой своего дяди Владислава Великого, прозванного Лясконогим, гнезненского князя, вознамерился овладеть своими княжествами — Познаньским и Калишским и без ведома дяди вступил в город Калиш, а дядя его Владислав, собрав войско, выгоняет его из крепости Калиш и преследует вплоть до Венгрии. И было это в году от Р. Х. 1217. Он [Владислав Одонич], спустя несколько лет, с помощью Святополка, капитана Поморья, возвращается в крепость Устье¹ в году от Р. Х. 1223 в самый день Дионисия² и его собратьев.

Глава 59. О сражении, происшедшем перед крепостью Устье

В году 1227 Владислав Великий, собрав полностью могущественный отряд своего народа, окружил крепость Устье валом. Владислав Одонич в самый день Разделения апостолов¹, неожиданно выйдя из крепости, обрушился на его стан, разбил войско дяди, убил и палатина² и многих знатных (*nobilibus*), а также бесчисленное множество воинства. Так, Владислав Великий, перестав осаждать крепость, в смятении отошел от нее. Владислав Одонич, спустя некоторое время, храбро его преследует и вновь берет под свою власть Познань, Калиш и другие крепости против воли своего дяди.

Глава 60. О смерти Лешка, краковского князя

В это самое время, в том же году Святополк, капитан Верхнего Поморья, о котором было упомянуто выше, припомнил, как Казимир, отец Лешка, некоего деятельного мужа из рода Грыфитов из города Кракова, по имени Богуслав¹, капитана кашубов, назначил князем части Поморья и кашубов, сохранив, однако, его покорность себе и своим преемникам. Поэтому и сам он желал в сих неблагоприятных обстоятельствах умолять Лешка, чтобы он его самого подобным образом соизволил назначить князем Верхнего Поморья. Поскольку Лешек откладывал исполнение его просьбы, Святополк отказался от верности ему и перестал выплачивать в надлежащее время подати. Лешек, все тщательно обдумав и посоветовавшись с Генрихом Бородатым, силезским князем, желая взять крепость Накло, находившуюся во власти князя Владислава Одонича, решил вызвать вышеуказанного капитана Святополка и капитанов остальных своих земель и в определенный день сойтись им в Гансаву возле Жнина, поместье Тремесненского монастыря², для того, чтобы вести с ним переговоры о благе государства. А Святополк, явившись, осмелился начать войну против своего господина князя Лешка. Тогда последний, избегая военных действий, бежал к деревне Марцинково. Изменник же Святополк преступным образом убил бегущего³, и большая резня произошла в том и другом войсках. Вышеупомянутый князь Генрих также получил тяжелое ранение в бане. И вот тело Лешка с места гибели привозят в Краков и там его с почетом в году от Р. Х. 1227 хоронят в кафедральном соборе. Наследовал ему в королевстве единственный его сын Болеслав Стыдливый. Подобным образом, с большой скорбью отвезли в Силезию и Генриха. О его доблестях будет поведано ниже. Вот тогда-то презренный изменник Святополк и захватил княжество в Поморье. Говорят, впрочем, что убийство этого наиболее честивейшего князя Лешка произошло с согласия и по совету польского князя Владислава Одонича. В самом деле, как утверждают, Владислав Одонич был изгнан из родного дома своим дядей и во время своего изгнания взял себе в жены сестру⁴ упомянутого Святополка для того, чтобы, получив помощь Святополка, мог бы вновь отнять у дяди свои земли. После возвращения этих

земель он оказывал помощь и давал советы Святополку.

Глава 61. Конрад, мазовецкий князь, делается опекуном Болеслава Стыдливого

Затем, после смерти знаменитого князя Лешка, Конрад, его брат, князь Мазовии, взял под свою опеку своего племянника Болеслава Стыдливого, еще не достигшего совершеннолетия, вместе с его княжествами Краковским и Сандомирским и с другими землями. Но после того как Болеслав достиг зрелости и, отказавшись от опеки, вместе со своей матерью¹ пожелал отобрать у своего дяди Конрада свои владения, Конрад и мать Болеслава и его самого связал и посадил под стражу в городе Сецехове. Спустя некоторое время, благодаря заступничеству сецеховского аббата он [Болеслав] избежал плена и стал владеть крепостями Завихостом и Сандомиром, которые сами с почтением перешли к нему как естественному их господину. Завладев ими, он вызвал на помощь в борьбе против своего дяди своего двоюродного брата Генриха Бородатого, силезского князя, сына Болеслава Высокого. Генрих, поспешно прийдя на помощь своему брату Болеславу, совместно с ним завязал не мало сражений против своего дяди Конрада, опустошая Краковскую и Сандомирскую земли, прежде чем они смогли изгнать его из этих земель². После изгнания Конрада Генрих Бородатый, упомянутый князь силезский, с согласия Болеслава стал владеть Краковским княжеством³ и частью Сандомирской земли.

Этот Генрих передал Опатовский монастырь, аббатом которого был Герард, епископ русских, избранный вновь для католиков, там проживающих, любушскому епископству, а все имущество русского епископства, некогда относящееся к Опатовскому монастырю, включил в состав имущества упомянутой любушской церкви⁴.

Во время [правления] этого Генриха укрепился нечестивый обычай, а именно ограбление костелов. Так, монастырь в Енджееве, костел в Прандоцине, костел св. Андрея под краковской крепостью, а также скарбимирский и другие костелы были ограблены упомянутыми Генрихом и Конрадом, а затем, после захвата, и осквернены.

Глава 62. Как Конрад повел языческие народы против племянников

Итак, Конрад, домогаясь владений племянника и считая свое изгнание позором, часто водил ятвягов¹, сковитов², пруссов³, литвинов⁴, жмудзинов⁵, нанятых за деньги, на сандомирские земли своего племянника, [желая] их разорить. Они тайно нападают на земли, подвергают их разграблению и опустошению, а также нападают на Кельцы⁶, город епископа, и на многие села, прилегающие к этому городу. Ему яростно сопротивлялись жители Кракова и Сандомира, много раз побеждая и язычников и христиан, находившихся при нем, как содержится в исторических анналах⁷. Во время [правления] этого Конрада по его призыву, о чем мы говорили выше, языческий народ впервые начал опустошать Польское королевство. Ведь упомянутый Конрад по наущению своей жены⁸ собрал большое богатство⁹, из которого щедро наградил язычников, помогавших ему. Но он не остался безнаказанным, что будет описано в своем месте.

Глава 63. О пленении Владислава Одонича

В году от Р. Х. 1228 Владислав Великий, встретившись со своим племянником Владиславом Одоничем, сразился в битве и, оставшись победителем, взял в плен своего племянника, князя Владислава Одонича. А последний, убежав из плена, на следующий год окончательно изгнал¹ из пределов Польши своего дядю Владислава Великого, прозванного Лясконогим.

Глава 64. Как князь Владислав Великий осадил Гнезно

Затем в году от Р. Х. 1231 князь Владислав Великий, прийдя из Рацибужа, окружил крепость Гнезно и, промедлив какое-то время в осаде крепости, не имея сил ее взять, опечаленный, отступил и в этом же году в изгнании закончил свой последний день.

Так Владислав Одонич становится господином всей Польши.

Глава 65. Почему князь Владислав Одонич изгоняется из [своих] земель

Итак, на следующий год, а именно 1232, князь Владислав Одонич, сделавшись правителем всей Великой Польши, желая в свою очередь воздать должное Господу в благодарность за свое возвышение, а также за то, что он имел от законной жены двух сыновей¹, Пшемислава первого и Болеслава Благодестивого, и вследствие своей преданности и благодарности познаньскому костелу, в котором покоились отец его Одон, Болеслав Великий и другие его прародители, предоставил ему княжеские привилеи², освободив все владения костела, которыми до тех пор владели епископ и капитул познаньский, и те, которые они могли справедливым образом приобрести в будущем. Освободил также жителей их от всех податей и повинностей, а именно, от «строжи» (strosza)³, от «посошной» (poradlne)⁴, от «провода» (przewod), от «подводы» (podwoda)⁵, от «дани зерном» (sep), от «постоя» (stan)⁶, от военной службы, от всякой юрисдикции воевод, каштелянов и от всех судей и их помощников. Таким образом, люди, принадлежащие к упомянутому костелу, не обязаны никому из них ни отвечать, ни являться по их зову, но только перед лицом своих господ, епископа, прелатов, каноников должны они держать ответ, за исключением трех случаев, вследствие которых люди этого костела должны быть судимы в присутствии своих господ судьей княжеским или королевским. Однако если они присуждены к денежному штрафу, то его взимает не княжеский судья, но церковный того костела, к которому человек принадлежит. Случаи такие: если человек этого костела привел врагов князя для опустошения его земли, если тайно увел людей, подвластных князю, и если замыслил смерть князя — за это должно последовать отсечение головы и пролитие крови. За эти преступления должен выносить приговор не церковный, но княжеский или королевский судья. Вышеупомянутый князь разрешил в этом привилеи Павлу⁷, познаньскому епископу и его преемникам чеканить монету в городе Кробиа⁸, дав ему деревню под названием Сулкова Кробиа и [право] охотиться в любом месте его епископства.

Из-за предоставления [церкви] таких свобод польская знать хотела в следующем году убить князя Владислава, пригласив себе на княжение Генриха Бо-

родатого, князя силезского и краковского. Сопrotивляясь его приходу, Владислав Одонич сжег крепость Бнин и восстановил крепость Гнезно.

Другая же причина изгнания этого князя [Владислава Одонича] состояла в том, что Генрих Бородатый, помня о полученных им некогда в Гансаве ранах и об интригах упомянутого Владислава, с согласия и даже приглашения [воинов]⁹ вторгся в Польшу, а именно в земли Познаньскую, Калишскую, Пыздренскую, Шредскую и в крепость Бехов, восстановил крепости Бнин и Шрем; укрепил надлежащим образом людьми, понеся расходы. В Шреме он поставил маркграфом Моравии¹⁰ сына своей сестры Аделаиды¹¹, которую после смерти маркграфа Моравии Дипольда король Богемии Одноокий выгнал из родного края вместе с четырьмя сыновьями¹². С того времени она и пребывала у брата.

Но поляки, спустя какое-то время, тайно проникнув в крепость Шрем, убили его [сына Аделаиды]. А затем и другой — Болеслав — был убит язычниками¹³, а третий — Пшемислав — умер и похоронен в Тшебнице. Четвертый — Дипольд, каноник магдебургский, после ухода из жизни покоится там же.

Таким образом, Генрих со своим сыном Генрихом¹⁴, князя Силезии, сделались правителями земель Польши и Кракова.

Глава 66. Как госпитальеры св. Марии из тевтонского дома¹ проникли в Хелминскую землю

Конрад, вышеупомянутый князь Мазовии, который на Хелминской земле выдерживал многочисленные нападения пруссов и полешан, по совету епископа Гюнтера² уступил бородатым обозначенным черным крестом госпитальерам св. Марии Иерусалимской из тевтонского дома Хелминскую землю на 20 лет с той целью, чтобы они с его помощью оказали сопротивление пруссам и полешанам³. В течение этих лет, поскольку пруссы и другие языческие народы приносили огромный вред землям мазовецкого князя Конрада, вышеупомянутый Конрад вызвал к себе на помощь своего племянника, силезского князя Генриха Бородатого. Опираясь на его помощь и на помощь упомянутых крестоносцев, сокрушил он и пруссов и другие языческие народы, смело

на них обрушившись⁴. После славного триумфа этой победы часто упоминавшийся Генрих попросил своего дядю Конрада, чтобы он соблаговолил навсегда приписать крестоносцам Хелминскую землю. В ответ на его просьбы этот же самый Конрад навечно милостивым дарением приписал земли между реками Оссой, Вислой и Дрвенцей вышеуказанным крестоносцам⁵.

Глава 67. О смерти князя Генриха Бородатого

В году 1238 Генрих Бородатый, князь силезский, польский и краковский, закончил свой последний день, оставив наследником своего единственного сына Генриха, которого породил от св. Ядвиги¹. А в следующем году, т. е. в 1239, Владислав Одонич, князь Польши, находясь в изгнании, владея лишь небольшой частью Польши, а именно Устьем, Накло, Шремом с их пригородами, переселился ко Христу и покоится он в познаньской церкви.

В этом же году магдебургский архиепископ² осадил крепость Любуш, уверяя, что эта крепость во времена Болеслава была завоевана императором Генрихом и подарена им магдебургской церкви. Но, когда большая часть его войска погибла, побежденная поляками, он, опечаленный, отступил.

В этом же году, а именно 1238, татары опустошили и сожгли Венгрию³ и, захватив добычу, на следующий год вернулись по домам.

Глава 68. Как Болеслав Стыдливый, краковский князь, женился на Кинге

В году, упомянутом выше, Болеслав Стыдливый, сын покойного Лешка, краковского князя, взял себе в жены благочестивую Кингу¹, дочь Болеслава, короля Венгрии. Она, как говорят, родившись, вопреки поведению грудных детей, тотчас так сказала: «Да здравствует царица небес». Сказав так, она перестала говорить до времени, назначенного природой. Она и муж ее вели праведный образ жизни и, дожив до конца дней своих, счастливо отдали богу душу.

Глава 69. Каким образом крепость Лович со своим дистриктом отошла к гнезненской церкви

Затем, в упомянутом году, князь мазовецкий, Конрад, охваченный дьявольским безумием, приказал схватить магистра Яна Чаплю¹, плоцкого схоластика, и, сильно его избив, велел повесить как вора. И вторично уже мертвого, снятого с виселицы, приказал принести и повесить у костела св. Бенедикта на берегу Вислы против плоцкой церкви. И это потому, что Казимир², сын вышеупомянутого Конрада, взял в жены дочь Генриха, силезского князя, внучку князя Генриха Бородатого и св. Ядвиги, находившуюся с ним в четвертой степени родства³, а вышеуказанный схоластик был учителем и воспитателем Казимира, и этот князь Казимир пробыл возле жены в доме тестя, вопреки воле отца, больше положенного времени⁴. Князь Конрад возложил вину на магистра Яна, так как предположил, что с его согласия и по его совету князь Казимир осмелился так пренебрежительно [по отношению] к отцу поступить, и вследствие этого он, [Конрад], его убил. Часто упоминаемый князь Конрад после свершения этого злодеяния подарил навечно архиепископу гнезненского костела крепость Лович с ее окрестностями.

Глава 70. О соборе, созванном в Риме Григорием IX¹

Наконец, в году 1240 папа Григорий IX приказал всем архиепископам прибыть в Рим. Епископы же и их капитулы, которые не желали или не имели возможности по какой-либо обоснованной причине [выполнить] это требование, должны были известить об этом через послов, дабы он [папа Григорий IX] имел возможность, опираясь на их совет, отстранить от власти императора Фридриха, которого уже в прошлом году отлучил за то, что тот изгнал некоторых епископов с их мест, а некоторых кардиналов взял в плен, ведь он, находясь в отлучении год и даже более, отказался смириться. Но из-за коварства и хитрости этого самого императора дороги, по которым направлялись идущие в Рим, были перекрыты.

Таким образом, вызванные на упомянутый собор вышеназванным папой Григорием IX явиться не смогли².

Глава 71. О первых татарах, которые проникли в Польшу и Венгрию

В году 1241 Батый, татарский хан, со своим войском — народом многочисленным и жестоким, пройдя Русь, вознамерился вторгнуться в Венгрию¹. Но, прежде чем он достиг венгерских границ, он направил часть своего войска против Польши. Они в день Пепла² опустошили и город и Сандомирскую землю, не пощадив ни пола, ни возраста. Затем они через Вислицу пришли в Краков, подвергнув все опустошению³. Недалеко от Ополя их встретили князья [Владислав] опольский и [Болеслав] сандомирский и начали было с ними сражаться, но бежали, не имея возможности сопротивляться ни их многочисленности, ни воле Божьей. И, таким образом, упомянутая часть татарского войска, опустошив Серадз, Ленчицу и Куявию, дошла до Силезии. С ними Генрих, сын Генриха Бородатого, князь силезский, польский и краковский, со многими тысячами вооруженных [воинов] храбро встретился на поле у крепости Легница и, уповая на Божью помощь, уверенно с ними сразился. Но с соизволения Господа, который иногда допускает избиение и своих за их пре-

Осада Легницы татарами. Миниатюра 1353 г.

ступления, знаменитый вышеупомянутый князь Генрих вместе со многими тысячами несчастных людей пал на поле боя⁴. С ним вместе пал подобным образом князь Болеслав, прозванный Щепелка. Когда Батый, татарский князь, вторгся в Венгрию, ему преградили дорогу венгерские короли, братья Бела и Коломан⁵. Последние, потеряв в сражении большую часть своего войска, обратились в бегство. Так, Батый, опустошая Венгрию, жестоко убивая людей от мала до велика, не щадя ни пола, ни возраста, переправился через реку Дунай. Пробыл он в этом королевстве год или более, учинив жестокую резню в народе и нечестивое разорение городов⁶.

Глава 72. Каким образом Болеслав, сын убитого татарами Генриха, был изгнан из Польши

Болеслав¹, первородный Генриха, которого убили татары, наследуя в княжестве своему отцу Генриху совместно со своими братьями Генрихом², Владиславом³, Конрадом⁴ и Мешко⁵, не унаследовал кротость отца, [и], проявляя свои звериные наклонности, начал свирепствовать по отношению к полякам, проявлять чрезмерное высокомерие, стал ставить тевтонцев выше поляков, щедро оделяя их поместьями. Вследствие этого поляки отказались от вассальной присяги и добровольно ушли из его владений. Они примкнули к своим природным господам — Пшемиславу и Болеславу, сыновьям покойного князя Владислава Одонича. После того как это произошло, местные жители поляки заняли крепость Пшемент⁶, находившуюся под властью силезского князя Болеслава, от которого они отступились, и [также] признали своими господами Пшемислава и Болеслава.

Глава 73. Каким образом изменник Святополк, поморский князь, поднял пруссов против христиан

Изменник Святополк, который сам себя бесстыдно и нечестиво назначил князем Поморья, окрещенных пруссов, находившихся под властью «бородачей», своим нечестивым советом отклонил от верности им и, присоединив к себе, поднял на мятеж против них. И они,

неожиданно напав на тевтонцев, не щадят ни возраста, ни пола и многих из них убивают¹. В отместку за это «бородачи» крестоносцы, объединившись с польскими князьями, захватили крепости вышеназванного Святополка — Вышеград² и Сартавицу³. Также крепость Накло⁴, которую этот же Святополк незадолго до того у юношей Пшемыслава и Болеслава обманом занял, взяв из его власти, вернули князю Пшемыславу и его брату. И было это в году от Р. Х. 1243, и в это же время Пшемыслав, вышеназванный польский князь, построил крепость Збоньшин⁵.

Глава 74. Как Конрад, мазовецкий князь, разграбил имущество краковской церкви¹

В этом же году мазовецкий князь Конрад, вступив в краковский диоцез, разграбил церковные деревни, поджег курию епископа и, нанеся церкви большой урон, невредимым вернулся домой. За это Прандота², краковский епископ, выбранный и посвященный в прошлом году в епископский сан, отлучил его от церкви. Его решение утвердил господин Пелка³, гнезненский архиепископ.

В это же время поморский князь Святополк на основании договора отдал бородатым крестоносцам заложником своего сына Мщивоя⁴, но так как он [Святополк] вскоре, забыв об условиях договора и обещанной верности, совместно с пруссами осмелился в Пруссии поднять восстание, вышеназванного сына его препроводили к тевтонцам.

Также в упомянутом году вышеназванный Конрад, мазовецкий князь вторично вторгся с могущественными силами мазовшан в Сандомирскую землю. Часто упоминавшийся его племянник Болеслав, сойдясь с ним в Суходоле, вступил⁵ в сражение и, поразив многих мазовшан, своего дядю Конрада изгнал из [родной] земли.

Глава 75. О пожаре города Хелма

Итак, в следующем году, а именно в 1244, упомянутый князь изменник Святополк, действуя и хитростью и подкупом, приказал поджечь Сартавицу и Хелм и, спустя некоторое время, присоединив к себе большой отряд

пруссов, вступил в Куявскую землю¹. Многих христиан нечестиво подверг избиению, а других взял в плен. Он и Куявскую землю вражески опустошил пожаром, а его войско убило двух братьев из ордена миноритов².

Глава 76. Каким образом князь Пшемислав вновь овладел крепостью Калиш

Спустя некоторое время, в упомянутом году польский князь Пшемислав взял себе в жены Ядвигу¹, дочь силезского князя Генриха, убитого татарами, находившуюся с ним в четвертой или пятой степени родства². После торжественной свадьбы польские рыцари заняли крепость Калиш и принесли ее в дар своему князю Пшемиславу. До указанного времени владел ею силезский князь Болеслав³, отказываясь вернуть ее Пшемиславу и Болеславу⁴.

Глава 77. О взятии крепости Санток

В это же самое время и в этом же году поморяне, которые долгое время в древней крепости Санток¹ служили силезскому князю Генриху и его сыну Болеславу, эту самую крепость по собственному желанию отдали князю Пшемиславу.

Глава 78. Как польские рыцари восстали против познаньской церкви

В указанное время упомянутого года вся польская знать (*proceres*) единодушно восстала против познаньского костела, желая нарушить свободу, которую ему даровал и утвердил своим привилеем Владислав, сын Одона, о чем уже было сказано. Господин Богухвал¹ со своим капитулом до поры до времени уступил их безумию. Но на следующий год, а именно в году 1245, вышеназванные братья, князя Пшемислав и Болеслав, в ответ на усиленные просьбы господина епископа Богухвала и его капитула прозорливо утвердили привилей отца, содержащий свободы и указанные льготы, и приказали публично оповестить о их выполнении под угрозой наказания.

А потом назавтра после дня св. Адальберта² князь Пшемыслав опоясал своего брата Болеслава рыцарским мечом, и было это в гнезненском костеле, где архиепископ Пелка служил торжественную мессу.

Глава 79. Как некоторые польские крепости присоединились к силезскому князю Болеславу

В году 1246 частоупоминаемый Болеслав силезский, прийдя в Польшу, основал крепость Копаницу на реке Одре¹. Выйдя ему навстречу со своими войсками, братья Пшемыслав и Болеслав заключили до военного сражения дружественный договор и в благодарность за благо мира передали ему безвозмездно три крепости: Санток, Мендзыжеч и Збоньшин.

Глава 80. О битве в Заришове

Вышеназванный мазовецкий князь Конрад, скорбя душой, что некогда был разбит племянником в Суходоле, и не смиряясь с мыслью оставить без отмщения такой стыд и позор, решил скорее обидеть Бога запятнанной совестью, чем отказаться от мщения¹. Собрав множество литовцев, вторгается он в землю племянника и грабит ее. Болеслав идет ему навстречу, и под Заришовом они сошлись в большом сражении². Болеслав, о горе, обращен в бегство, литовцы и мазовшане перебили сандомирцев и краковян и многих взяли в плен.

Глава 81. О разделе земли между Пшемыславом и Болеславом

В году 1247 от Р. Х. упомянутые братья Пшемыслав и Болеслав разделили польскую землю таким образом: князю Болеславу — крепость Калиш со всеми окрестностями и всю землю, которая простирается от реки Просны до Пшемента, и саму крепость Пшемент со всеми прилегающими к ней окрестностями. А на север эта местность простирается до реки Варты и до Мосины, и до болота, которое называется Сепно, и далее ограничивается Ланкой и рекой Обра. Остаток же земли Гнезненской и Познаньской с их окрестностями достался во владение князю Пшемыславу.

Оба поклялись, что ни тот, ни другой не нарушат этого раздела. Также, под влиянием настойчивых просьб упомянутых князей, епископ познаньский Богухвал принял решение отлучить того, кто, вопреки клятве, осмелится посягнуть на какую-то часть земли брата. Но ни клятва, ни угрозы отлучения не принесли пользы, так как разделение это было нарушено¹, как это явствует из нижеизложенного.

Глава 82. Об осаде крепости Санток

В этом же году и в это же время Барним¹, князь славян (Sclauogum), или кашубов, осадил крепость Санток, и князь польский Пшемислав поспешил оказать ему сопротивление. На помощь ему поторопился также силезский князь Болеслав, которому принадлежала эта крепость. Увидев, что они пришли, Барним ночью прекратил осаду крепости. Князь же Болеслав, видя усердие и заботу Пшемислава, проявленную при защите земель, по доброй воле отдал ему крепость Санток.

Глава 83. О возвращении лендзкой крепости

По прошествии нескольких дней упомянутого года Болеслав, князь калишский, брат Пшемислава, вернул лендзкую крепость, которую куявский и ленчицкий князь Казимир, сын мазовецкого князя Конрада, ранее отдал лендзким монахам, а затем и сам захватил во владение. После этих событий мазовецкий князь Конрад, отец Земовита и упомянутого Казимира, ушел из этого мира¹, оставив Мазовецкое княжество своему сыну Земовиту². Брат его Казимир после погребения отца неожиданно занял Ленчицу, Спицимеж и Розпшу, пока брат его Земовит был с матерью на похоронах отца.

Глава 84. О синоде во Вроцлаве, собранном папским легатом

В году 1248 леодыйский архидьякон Яков¹, капеллан господина папы и его легат в Польше, Пруссии и Поморье, созвал синод во Вроцлаве. В нем приняли

участие гнезненский архиепископ Пелка, Томаш вроцлавский², Богухвал познаньский, Прандота краковский, Михаил влоцлавский³, Петр плоцкий⁴, Нанкер любушский⁵ и (G. [eidenricus]) хелминский⁶, ([...])⁷ из цистерцианского ордена, который вновь был выбран епископом от аббатства той местности. На этом синоде этот же Яков по совету и с согласия указанных епископов предоставил полякам свободно употреблять в пищу мясо от семидесятницы до пятидесятницы. Ведь поляки привыкли по обычаю первобытной церкви воздерживаться в указанное время от употребления мяса, и так как очень многие нарушали этот обычай и вследствие этого подвергались отлучению, то и возникла опасность для души. Поэтому-то и дана была им индульгенция такого рода.

Глава 85. О подати, выплаченной папе клиром польской провинции

Наконец, в указанном году архиепископ Пелка с епископами и клиром своей провинции через брата Готфрида, исповедника господина папы, в качестве вспомоществования послал римской церкви пятую часть церковных доходов, собранных за три года. Ведь в указанное время папа Иннокентий IV на соборе в Лионе¹ отстранил императора Фридриха от власти, призвав в борьбе с ним светскую власть.

Глава 86. Как деревня Козлово присоединилась к познаньской церкви

В указанном году Богухвал, епископ познаньский, получил деревню Козлово от мазовецкого князя Земовита за 90 марок серебра, которые этот князь должен был выплатить за долги отца. В этом же году и в это же время польский князь Пшемислав заключил в железные оковы и посадил в тюрьму в крепости Гнезно познаньского каштеляна Томаша и Томислава, и его сына Сендзивоя¹, чашника (pinsepm) из рода Наленч. Дело в том, что эти указанные рыцари со своими сообщниками хотели вернуть польскую землю силезскому князю Болеславу, изгнав Пшемислава и его брата.

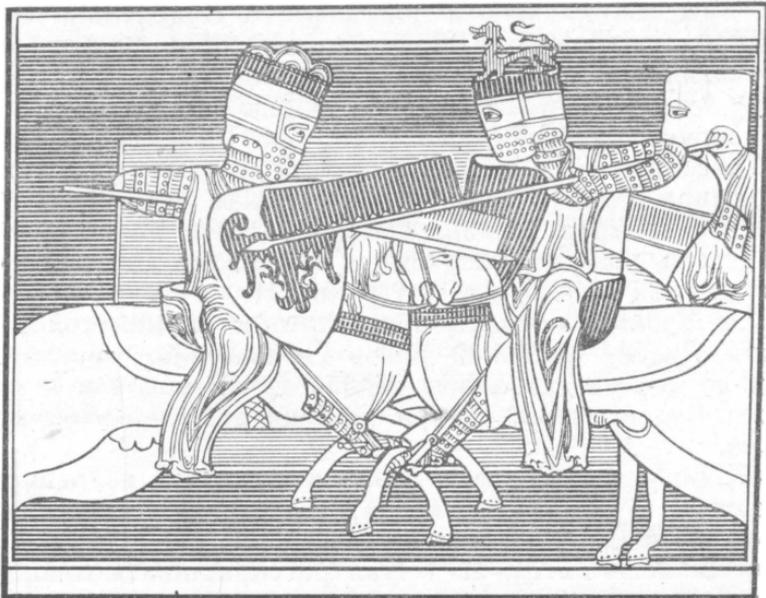
Но их замыслы и коварные намерения, хотя и тайные, стали явными благодаря присутствию князей.

Глава 87. О вторичном разделении польских земель

Затем в году 1249 польский князь Пшемислав восстановил крепость и город Познань возле собора, а брату своему князю Болеславу отдал Гнезно, Бнин, Гжеч, или Геч, Бехов, Остров, Накло, Устье, Чарнков и Шрем. Болеслав же подарил князю Пшемиславу свою часть крепости и калишской земли, прилегающей к ней.

Глава 88. О передаче [тевтонцам] крепости Любуш

В упомянутое время и в том же году уже упоминавшийся Болеслав, силезский князь, желая отомстить своему брату Генриху, вроцлавскому князю, который незадолго до того забрал его в полон из-за его взбалмошных поступков и связанного держал под стражей в легицкой башне, необдуманно подарил магдебургскому

Немецкие рыцари. Иллюстрация из рукописи конца XII в.

архиепископу знаменитую и сильно укрепленную крепость Любуш своего брата Мешко, который там же в костеле св. Петра похороненный покоится под крепостью, [для того] чтобы он [архиепископ] оказал ему помощь против упомянутого князя Генриха. Опираясь на его помощь, он [Болеслав] старался изгнать навечно этого князя Генриха из родного края.

Прежде всего этот Болеслав начал вводить тевтонцев в Польшу, начал раздавать им поместья и крепости с той целью, чтобы они предоставили ему помощь против его родных братьев, с которыми он без устали вел борьбу¹. Житаву, Згожелец и много других городов и крепостей [он] бессовестно оторвал от силезского княжества. Кто же не убедился, что тевтонцы — мужи деловые и мужественные?

Глава 89. Как князь Пшемислав вновь приобрел крепость Руден

Спустя некоторое время в указанном году опольский князь Владислав¹, сын покойного Казимира, опольского князя, некогда занявшего крепость Руден с ее окрестностями, находившуюся под властью Владислава Одонича и его сыновей, во время их изгнания, пытался вышеуказанную крепость отдать куявскому князю Казимиру, сыну Конрада, умершего мазовецкого князя, за 500 марок серебра. Мешко² же, брат опольского князя Владислава, взял в жены сестру³ упомянутого князя Казимира. Ему [Казимиру] он выделил в качестве свадебного подарка указанную сумму денег, которую впоследствии, умирая, попросил в завещании своего брата Владислава выплатить его жене. Но, в то время как послы Казимира медлили со взятием упомянутой крепости Руден, польский князь Пшемислав, обратив в бегство послов указанных выше князей, подойдя к крепости Руден, занял ее при помощи жителей этой крепости.

Я, Богухвал, епископ познаньский, хотя и грешник, услышал (audivit) [и увидел] какого-то святого, говорившего мне: в течение двадцати пяти лет судьба всей Польши исполнится. И я стал спрашивать говорившего, в хорошем ли смысле или в плохом это надо понимать, но он мне не ответил, и видение исчезло. Во веки веков. Аминь⁴.

В это же время в первую ночь после дня блаженного Иоанна Крестителя я, Богухвал, епископ познаньский, хотя и грешник, услышал [и увидел] какого-то святого, говорившего мне: в течение двадцати пяти лет участь всей Польши исполнится. И я у него, говорившего, стал просить разъяснения, в хорошем ли или в плохом смысле это произойдет, но он мне не ответил. Однако сказал, что и предназначение папы должно исполниться.

Глава 90. Каким образом князь Пшемислав построил крепость Бытом

По прошествии краткого периода времени указанного года Конрад, силезский князь, сын князя Генриха, убитого татарами, в страхе перед своим уже упомянутым братом Болеславом, который, отказываясь дать ему часть земель, пытался не только взять его в плен, но даже [и] убить, удалился в Польшу к Пшемиславу, своему зятю, который принял его гостеприимно и с почетом. И наконец, Пшемислав, упомянутый князь, собрав войско свое и своего брата Болеслава, гнезненского князя, построил крепость Бытом возле Глогова над Одрой и передал ее упомянутому князю Конраду. А в то время как укрепляли указанную крепость, князь Пшемислав взял в плен упоминавшегося уже силезского князя Болеслава и заключил в оковы.

Возвратившись в Познань, [он] отдал уже упомянутому князю Конраду в жены свою сестру Саломею. На свадьбе¹ присутствовали Пелка, гнезненский архиепископ, и познаньский епископ Богухвал. Во время торжественной свадьбы познаньский каштелянин Томаш и его сыновья были освобождены из неволи благодаря своим поручителям. Так, с чистой совестью, без обмана и хитрости, они обязались служить навечно и князю Пшемиславу и его брату.

Глава 90 а. О смерти матери Пшемислава

В году от Р. Х. 1249 1 января¹ закончила свой жизненный путь Ядвига, мать князей Пшемислава и Болеслава.

Глава 91. О пленении гнезненского князя Болеслава

В этом же году 19 мая князь Пшемислав взял в плен своего брата Болеслава и занял все его укрепленные пункты, а именно Гнезно, Накло, Устье, Чарнков, Шрем, Геч, Бехов и другие, которые сами по доброй воле перешли на его сторону.

Глава 92. О пленении вроцлавского князя Генриха

В это же время упомянутый силезский князь Конрад из Бытома взял в плен своего родного брата Генриха, князя вроцлавского, из-за того, что тот не выполнил своего клятвенного обещания отобрать часть Силезского княжества от их брата Болеслава. А князь Генрих, отдав за себя заложников своему брату Конраду, освободился и дал Конраду обещание или отобрать от Болеслава часть земли, или выделить ему часть своей земли.

Глава 93. Как жители Кросны присоединились к князю Конраду

Итак, в году 1251 упомянутый Болеслав, силезский князь, взял в плен кросненского каштеляна Инку, сына Мирона¹, которому, как казалось, он отдавал предпочтение перед другими, и передал его под стражу тевтонцам, желая потребовать от него денег, на которые он мог бы получить от тевтонцев помощь. Поляки, увидев это и совершенно в нем разуверившись, присоединились к его брату, князю Конраду, предоставив ему город Кросно и другие укрепленные поселения.

Глава 94. Каким образом опольский князь Владислав взял в жены Евфимию

В это же время польский князь Пшемислав выдал замуж за опольского князя Владислава свою сестру Евфимию, приходившуюся ему родственницей в четвертой и пятой степени родства¹.

Глава 95. О взятии крепости Збоньшин

В упомянутое выше время какие-то разбойники, выйдя из крепости Любуш, пришли на поля около крепости Збоньшин для того, чтобы поживиться. Когда они хотели забрать скот, какой-то пастух говорит: «Что это вы из-за малой добычи пренебрегаете большой? Вот

Польский рыцарь XIII—XIV вв. Изображение с печати

ведь крепость Збоньшин охраняется только тремя мужами, поджидающими остальных, которые должны прийти для охраны крепости». Услышав это, разбойники вроде бы для охраны крепости хитроумно в нее проникают и ее занимают.

Но когда утром до князя Пшемыслава дошел об этом слух, он поспешно отправляется для осады крепости и шлет указ о том, что все знатные люди и все простолюдины (*nobiles et populares*) должны поспешно следовать за ним. Подойдя, храбро осадил разбойников, находившихся в крепости. Последние же, увидев, что им угрожает смерть, взывают к милосердию князя. Он, ласково их встретив, дарует им жизнь и после взятия крепости позволяет свободно уйти домой.

В этом же году случилось так, что какие-то разбойники вышли из Любуша с целью захватить добычу в польских селах и городах, и они тайно, крадучись пришли на поля Збоньшина. И когда они хотели по обычаю разбойников украсть пасущийся скот, кто-то из пастухов им сказал: «Что вы [гоняетесь] за малой добычей, пренебрегая бóльшей? Вот крепость охраняется только тремя людьми, ожидающими своих господ; они должны прийти для сохранения крепости». Услышав это, разбойники сделали вид, что они пришли для охраны крепости, и таким обманным путем ее заняли.

Но когда слух об этом дошел до знаменитого князя Пшемыслава, он со спокойным лицом, скорее воодушевленный, чем уstraшенный, хотя и с немногими рыцарями, которые находились в его курии, осадил указанную крепость, предписав всем баронам (*baronibus*) Польши и всему народу как можно скорее поспешить на отмщение за такую обиду. Услышав это, как знатные (*nobiles*), так и простолюдины (*populares*) во исполнение приказа, без промедления в большом числе стали штурмовать указанную крепость. Когда же разбойники, которые находились в крепости, увидели, что им грозит смерть, [они] стали просить о помиловании. Князь же Пшемыслав в соответствии со своей врожденной кротостью дарует им всем поголовно мир и жизнь. Разбойники расценивают жизнь как добычу и возвращаются домой. Прославленный же князь, радуясь спасению своей знати (*nobilium*), занял крепость и зажил в мире¹.

Глава 96. Каким образом князь Пшемыслав опоясал князя Конрада рыцарским мечом

В году от Р. Х. 1252 в день св. Стефана, преславного первомученика, знаменитый польский князь Пшемыслав своего зятя Конрада, глоговского князя, в то время как познаньский епископ Богухвал совершал мессу в своей познаньской церкви, наградил рыцарским поясом и мечом.

В этом же году поморский князь Барним хитрым обманным путем занял крепость Джень¹, но не прошло и месяца со дня захвата, [как] Пшемыслав, польский князь, благодаря своему могуществу вернул эту крепость.

Глава 97. О смерти познаньского епископа Богухвала

В году от Р. Х. 1253 9 февраля последний закончил свою жизнь во владении своей церкви в Сольце. И днем и ночью доставляло ему утешение чтение книг священного писания. Книг он имел много и ценил их больше, нежели какое-нибудь сокровище. Эти книги после своей смерти он завещал познаньскому костелу. Сей благословенный епископ на втором году своего епископства приказал до основания разрушить хоры познаньского костела, поскольку [образовались] щели, и выстроил заново. Прожил он в своем епископстве десять лет и двадцать шесть недель.

После его смерти познаньский капитул собрался для выбора будущего епископа, и [все] пришли к компромиссному решению, а именно выбрали Петра¹, познаньского декана, мужа справедливого и благочестивого. Но так как кардинал Гуго², легат апостольской столицы, запретил гнезненскому архиепископу утвердить избранных, то познаньский капитул решил отправить послов к упомянутому легату. Послы же добились от упомянутого легата мирного разрешения на утверждение своего избранника гнезненским архиепископом, и, когда пришли к архиепископу Пелке, он назначил им определенный срок для утверждения избранника в Славне. В это время познаньские каноники — архидьякон познаньский Ян и архидьякон гнезненский Теофил — воспротивились избранию вышеупомянутого декана, го-

воря, что по отношению к ним выказано неуважение, поскольку они не были приглашены на процедуру избрания. И по этой причине они требовали скорее отклонить это избрание, чем утвердить. И когда произошла такая отсрочка утверждения, Описо, аббат из Мессаны³, тогдашний легат апостольского престола, принудил и того и другого прийти к нему во Вроцлав. Разумно призывая их к согласию, он, наконец, их примирил. Так вышеупомянутые архидьяконы пришли к соглашению по поводу избрания указанного декана. Его избрание упомянутый аббат утвердил авторитетом апостольского престола, определив, что обряд освящения будет произведен гнезненским архиепископом.

Глава 98. О канонизации преславного мученика св. Станислава

Наконец, в упомянутом году преславный мученик св. Станислав¹ был канонизирован господином папой Иннокентием² в церкви св. Франциска в то время, как папа совершал мессу. И там среди прочих чудес вот какое произошло чудо.

Когда в упомянутую церковь во время совершения мессы принесли какого-то покойного, знатного человека, родственники его плакали и громко рыдали, папа же, распростершись перед алтарем блаженного Франциска, со слезами стал молиться с такими словами: «О блаженный Франциск, если истинным является все то, что мы слышали о св. Станиславе, первом польском мученике (*prothomartire*), прими сегодня [в сонм] нового гостя с новым знамением». При этих [вещих] словах тотчас покойный воскрес, благославляя Господа.

Глава 99. О вторичном разделении Польши

В этом году на праздник Пасхи¹ князь Пшемислав освободил своего брата Болеслава из плена, и после этого они сошлись в крепость Геч, и в присутствии господина гнезненского архиепископа Пелки и других знатных лиц (*nobilibus*) Польши он отдал своему брату Болеславу как его часть метрополию Гнезно, Калиш, Руден, Пыздру, Шрод, Бнин, Бехов, Геч, Победзиску, Клецко.

Глава 100. О построении города Познани

В это самое время упомянутый князь Пшемислав по настойчивой просьбе какого-то горожанина из Губина¹ переселил жителей Шроды, [живущих] вблизи собора, во владения костела за Вартой, где упомянутым князем уже ранее был заложен город, и он позаботился вырыть вокруг него рвы и укрепить палисадами. Упомянутую же Шродку навечно отдал познаньскому костелу в том месте владения, где, как уже сказано выше, заложил город.

Глава 101. Глава о наводнении

В этом же году от праздника пасхи до праздника св. Якова¹ во время жатвы, не переставая, день и ночь лил дождь и такое случилось наводнение, что люди плавали по полям и дорогам. А когда убирали посевы, искали пригорки для того, чтобы на них сложить плоды. Даже рыб находили в полях, бороздах и болотах. И в то время земля вишневская как из-за нападения язычников, так и из-за множества ливней была совсем опустошена. И затем в праздник Всех Святых² после поздней обедни, когда Петр, избранный познаньским епископом, сидел со своим капитулом, было слышно, как шесть раз прогремел гром.

Глава 102. О посвящении познаньского электа

В упомянутом году познаньский элект Петр и брат Вит¹ из ордена проповедников, первый епископ литовцев, были посвящены в епископы почтенным гнезненским архиепископом Пелкой.

Глава 103. Об интердикте, наложенном на землю Пшемислава

В году 1254 аббат из Мессаны Опизо, легат апостольской столицы, огласил отлучение князя Пшемислава и подверг его землю церковному интердикту. И это потому, что, в то время как сам легат находился в Силезской земле, князь Пшемислав послал ограбить город

Олешницу¹ с его окрестностями, принадлежавший вроцлавскому князю Генриху, [и все] из-за 500 марок серебра, которые упомянутый Генрих, силезский князь, обязан был уплатить князю Пшемыславу за пленение какого-то тевтонца. И интердикт этот продолжался от пятницы после второго воскресенья Великого Поста до третьего дня после пятого воскресенья Великого Поста². И тогда князь был освобожден и интердикт снят.

Глава 104. О смерти Петра, плоцкого епископа

В этом же году плоцкий епископ Петр¹ скончался, и препозит того же костела Андрей, по прозвищу Голек², был избран епископом и посвящен в сан в упомянутом году.

Глава 105. О поднятии костей св. Станислава

В упомянутом году 8 мая в краковском костеле была торжественно оглашена канонизация мученика св. Станислава, и благословенные его кости, которые со дня страдания и до поднятия лежали в земле 183 с половиной года, с почетом были подняты, и часть их была распределена по костелам. Другая же часть вместе с преславной головой хранится в указанном костеле.

Присутствовали при провозглашении этой канонизации и перенесения святых костей досточтимые отцы: Опизо, аббат из Мессаны, легат господина папы Иннокентия IV, гнезненский архиепископ Пелка, Прандота — краковский, Томаш — вроцлавский, Волимир¹ — влоцлавский, Андрей — плоцкий, Вит — первый [епископ] литовского ордена проповедников, Герард² — первый [епископ] Руси из ордена цистерцианцев, некогда аббат из Опатова. Преславные князья: Казимир³, князь кувявский и ленчицкий, польский князь Пшемыслав, князь Мазовии Земовит⁴, Болеслав Стыдливый, князь Краковии и Сандомира. Петр же, познаньский епископ, в этом торжестве участия не принимал, так как 24 апреля был парализован и 11 мая закончил свой последний день. На его место заступил Богухвал из Чернелина⁵. Избрание его утвердил гнезненский архиепископ Пелка в Кужелове⁶.

Глава 106. Об опустошении Олавской земли

В этом же году знаменитые князья краковский Болеслав и опольский Владислав со своими, а также с русскими войсками опустошили огнем и мечом Олавскую землю, которую ранее занял король Богемии Пшемислав по прозвищу Оттокар¹.

Глава 107. Об опустошении Силезской земли

В этом же году польские князья Пшемислав и Болеслав и глоговский князь Конрад со своими войсками опустошили землю вроцлавского князя Генриха за Одрой — Олешницу¹, а также земли около Тшебницы и Видавы², не причиняя вреда церковным деревням³.

Глава 108. О пленении мазовецкого князя Земовита

В этом же году Казимир, сын покойного Конрада, князь Куявии, Ленчицы и Серадза, взял в плен и держал под стражей родного брата своего Земовита, мазовецкого князя, и его жену¹.

Глава 109. О посвящении Богухвала, познаньского епископа

В году от Р. Х. 1255 во второе воскресенье Великого Поста в лендзком костеле Богухвал из Чернелина был посвящен в епископы досточтимым отцом господином Пелкою, архиепископом гнезненским. При этом посвящении присутствовали досточтимые отцы епископы Томаш вроцлавский, Волимир влоцлавский, Андрей плоцкий и [епископ] хелминский из ордена проповедников.

Глава 110. Об освобождении пленного князя Земовита

В этом же году вышеназванный куявский князь Казимир, освободив из плена своего брата Земовита, мазовецкого князя, по-братски вступил с ним в соглашение¹.

Глава 111. Об измене крепости Накло

Итак, в этом же году князь Мщивой, сын презренного изменника Святополка, поморского князя, в ночь блаженного архангела Михаила¹ занял из-за измены какого-то балистария крепость Накло, которой владел князь Пшемыслав. Последний же, собрав войско и свое и своего брата Болеслава, вместе с куявским князем Казимиром со всех сторон обнесли валом указанную крепость. Им в помощь прислали краковский князь Болеслав Стыдливый тысячу вооруженных людей и мазовецкий князь Земовит, сын Конрада, восемьсот. Пшемыслав же и Казимир, увидев мощь крепости и понимая, что ее нельзя взять легко, построили другую крепость напротив старой крепости по направлению к западу. В ней они поставили наиболее храбрых и смелых мужей для того, чтобы те охраняли ее и по мере возможности препятствовали входу [в первую крепость] и выходу из старой крепости, и после этого вернулись домой. А жители крепостей часто нападали друг на друга, и в одной из схваток были убиты сторонники князя Пшемыслава, сильнейшие рыцари Пакослав Штжедждыцкий² и Герман, [но] и из поморян многие тут и там лежали поверженные.

Глава 112. О взятии поморской крепости Рачонж

В году от Р. Х. 1256 князь Пшемыслав со своим войском и с войском своего брата Болеслава и с князем Куявии Казимиром сошлись около Накло и, приняв решение, пошли на осаду крепости Рачонж¹, к которой прибыли многие из этой каштелянии, чтобы сохранить жизнь и имущество. Подойдя к крепости, указанные князья со всех сторон развели огонь и начали ее осаждать. Жители крепости не могли оказать им сопротивление из-за высоких столбов пламени, и те, которые могли выйти, желая избежать смерти от пожара, пришли в лагерь врагов и добровольно сдались в плен. Многие, однако, выйти не смогли, и объятае пламенем, мученически сгорели в крепости вместе с имуществом, находившимся в ней.

Глава 113. Об осаде новой крепости Накло

В этом же году, в Великий Пост, Святополк, поморский князь, вышеназванный изменник, с братом и со своими сыновьями, собрав войско, привел резервы к Накло¹. После того как эти войска вошли в крепость, он попытался завоевать новую крепость князя Пшемислава. Приказав людям своего войска принести сухие сосновые деревья и бросить их в ров, [он] намеревался захватить эту крепость поджогом. Но когда его люди принесли дрова, побросали в ров и пошли, [чтобы] принести еще больше, [жители крепости], выйдя из крепости, подобрали эти дрова изо рва и подожгли их. После того как они сгорели, поморяне больше не стали приносить дров и начали осаду крепости под прикрытием щитов с помощью бревен и других приспособлений. Пращники бросали камни и из маленьких машин метали снаряды. И так от шестого часа до часа комплетория². Поморяне, мужи храбрейшие, сильно вознегодовав, что крепость Рачонж и люди, в ней находившиеся, сгорели, напали на упомянутую крепость. Им мужественно сопротивлялись жители крепости, которым милость Божья как людям справедливым и справедливо сражающимся против нападения презреннейшего изменника чудесным образом помогла; и они, перебив двадцать поморян и шестьдесят ранив, заставили их прекратить осаду крепости и удалиться.

Так, упомянутый изменник князь Святополк, потеряв своих, в растерянности вернулся домой.

Глава 114. О коварных интригах упомянутого Святополка

В этом же году в пятое воскресенье после Пасхи¹ поморский князь Святополк, устроив засады и осторожно разместив в потаенных местах возле новой крепости Накло свое войско, приказал своим людям, находившимся в старой [крепости] Накло, выйти из крепости и вызвать на бой тех, которые находились в новой крепости. Они вышли, храбрейшие мужи из новой крепости начали с ними бороться. [Тогда люди Святополка], отступая, вроде бы бегут к своей крепости, заманивая своих противников подальше от новой крепости. Князь Святополк, заметя, что его войско не сможет лег-

ко войти в крепость, выскочив из укрытий, окружает множеством своих воинов людей князя Пшемыслава и сам обрушивается на них, убивает, ранит, берет в плен. Однако, хотя коварным образом и достиг победы, все же крепости завоевать не смог.

Глава 115. О достигнутом соглашении между князьями Пшемыславом и Святополком

В этом же году в канун блаженного апостола Якова знатный князь Пшемыслав пришел со своими баронами к своей деревне Кцыне, намереваясь со Святополком обсудить вопрос о возвращении крепости Накло. Присутствовал также некий брат Поппон¹, крестоносец из Тевтонского ордена, приходившийся родственником по своей матери князю Пшемыславу в четвертом колене.

Здесь заметь, что если мать князя Пшемыслава, как говорят, была сестрой упомянутого Святополка и женой князя Владислава Одонича, то отсюда следует, что Святополк был связан с упомянутым братом Поппоном в третьем колене родства. Отсюда с необходимостью вытекает то, о чем сказано выше: или Владислав Одонич, польский князь, и Святополк имели женами двух родных сестер, так как Мщивой, поморский князь, сын упомянутого Святополка, Пшемыслава и Болеслава, сыновей Владислава, называл своими двоюродными братьями, и он Пшемыславу второму, польскому князю, сыну Пшемыслава уступил Поморское княжество. А могло же быть и так, что упомянутый Святополк взял в жены сестру Владислава, и благодаря этому они считались двоюродными братьями. Что же является достоверным, право, не знаю. Из какого рода был Поппон, нам неизвестно.

Вмешался, однако, он в их дела, чтобы установить между ними согласие, поскольку состоял с ними в родстве. Часто упоминаемый Святополк видел, что захваченную хитростью [старую] крепость Накло удержать он не может, так как [жители] новой крепости постоянно совершали враждебные ему вылазки. Тогда он попросил у князя Пшемыслава за возвращение этой крепости и за понесенные им расходы определенную сумму денег. Так они договорились друг с другом и обещали брату Поппону по доброй воле выполнить все, что он им определит как в отношении передачи крепости, так

и по поводу соблюдения мира. Упомянутый брат Поппон провозгласил, что они должны сохранять между собой нерушимый и крепкий мир после того, как Святополк вернет крепость князю Пшемыславу. В свою очередь упомянутый князь Пшемыслав обязуется уплатить пятьсот марок серебра в установленные сроки. И наконец, сойдясь безоружные между старой и новой крепостью, они облобызали друг друга. Рано утром в день св. Якова князь Пшемыслав, ведомый князем Святополком, вступил со своими в старую крепость Накло. Князь Святополк выказал ему почтение и передал крепость Накло. Князь же Пшемыслав взамен упомянутых пятисот марок серебра [дал] ему девять заложников, [до тех пор], пока не уплатит деньги, и, так укрепив мир, они вернулись по домам.

Глава 116. О пленении вроцлавского епископа Томаша

Затем в указанном году в октаве св. Михаила¹, когда господин Томаш, вроцлавский епископ, — в то время пример для всего польского клира, намереваясь произвести освящение вновь построенного костела в поместье аббата св. Марии на Песке в Гурке, ночью отдыхал, Болеслав Свирепый², силезский князь, сын Генриха, убитого татарами, одержимый дьявольским безумием и из-за наветов тевтонцев, которыми он руководствовался, не как князь, но как вор и разбойник приказывает, взломав дверь, схватить его³, покоящегося на ложе, лишить всякого имущества и сбросить с него его одеяния. Выдвигает вздорные мотивы, а главное, вымогает у него деньги, чтобы раздать их тевтонцам. Тевтонцы же, понимая, что [епископ Томаш] не имеет опыта в верховой езде и грузен, заставили, однако, его ехать на коне рысцей в одной рубашке и исподнем, лишенного другой одежды. Какой-то разбойник, сжалившись над ним, позволил из-за сильного ветра надеть какую-то грубую полосатую [одежду] и старые башмаки.

С ним были схвачены препозит Богухвал⁴ и вроцлавский каноник Геккард⁵, и все вместе они были препровождены к крепости Влень⁶ упомянутого князя Болеслава и отданы под стражу. Упомянутый же князь и препозита и каноника заключил в оковы и, чтобы ско-

рее добиться от них денег, он выставил епископа на посмешище, приказав водить [его] от крепости к крепости. А затем бросил его в легницкую башню. Епископ же, видя, что без денег освободиться он не сможет, соглашается уплатить ему за себя и за них две тысячи марок серебра, но пурпуровую ткань, которую ему даровал каноник Геккард для продажи или [по крайней мере] для облегчения его мучений, отдать отказался.

Господин же гнезненский архиепископ, услышав о столь нечестивых деяниях, в возмущении, созвав совет с согласия братьев епископов своей провинции, огласил приговор отлучения вышеуказанного князя. Он предписывает своим суффраганам, чтобы они во время всех празднеств, в воскресные и праздничные дни как в соборах, так и в костелах распорядились при зажженных свечах и звоне колоколов во всеуслышание провозгласить отлучение. И упомянутый архиепископ постановил, чтобы духовенство перед причастием, пав на колени, пело псалом «Да не оставишь в пренебрежении, Господи, хвалу мою» вместе с «Отче наш» и стихом «Да воскреснет Бог» и с молитвой, которая следует: «Прошу, Господи, выслушай церковь свою, ослабленную не только нападениями язычников, но также и дурными поступками христиан, и прояви Божескую милость, чтобы тот, кто отказывается повиноваться божественной власти, был вскорости отвергнут как недруг десницею твоего величия, Господом нашим и т. д.». И когда читали псалом, вопреки обыкновению, ударяли в колокол с одной стороны.

Упомянутый же князь Болеслав в своем упрямстве не пожелал отпустить епископа и его [каноников], пока не будут уплачены ему деньги, о которых он думал больше, чем о своем спасении и почете. Епископ же, испытывая отвращение к своему плену и сострадая тяжелому положению своих [каноников], уплачивает упомянутому князю часть денег, а в счет остальных дает заложников и освобождается из плена в день Пасхи Господа.

Итак, Болеслав, желая скрыть свое бесстыдство, обвинил своих родных братьев Генриха вроцлавского и Конрада глоговского⁷, а также и некоторых из их знати (proceres) в позорном пленении епископа. Но его уверениям, поскольку они исходили от человека вероломного, каким он и был в действительности, верить не стоило.

Глава 117. О взятии в плен упомянутого князя Болеслава

Итак, в году от Р. Х. 1257 часто упоминавшийся князь легницкий Болеслав Свирепый, желая хитростью взять в плен своего брата глоговского князя Конрада, попросил его прибыть на пир в крепость Легницу. Князь же Конрад, зная точно, благодаря сообщению какого-то человека, что здесь кроется измена, и стремясь в этом убедиться, отправился в путь к брату, взяв с собой в достаточном количестве свиту вооруженных мужей, у которых тайно было припрятано оружие. И когда он приблизился к легницкой крепости, он оставил некоторых из своих в укромных местах, повелев ожидать там его приказаний. Сам же с остальными, хотя и с немногими, вошел в легницкую крепость. Как казалось, Болеслав принял его радушно, а на самом деле скрывал обман и коварство. Заметя, что тевтонцы взошли на стены башни, а другие скрывались в потаенных местах, князь Конрад тотчас, ринувшись, взял в плен брата Болеслава и с ним вместе очень быстро, прежде чем тевтонцы, вышедшие из убежищ, напали на него, поспешил из крепости к своим. Препроводив Болеслава в Глогов, он отдал его под усиленную охрану.

Глава 118. О смерти Пшемислава, польского князя

Четвертого июня этого же года знатнейший муж Пшемислав, Божьей милостью князь Польши, сын покойного Владислава Младшего, который был сыном Одона, переселился из этого бренного мира к Христу. Я описал его жизнь, кратко ее обозрев, для того, чтобы не вызвать скуки у читателя; я [хотел], чтобы и читающие или слушающие могли в какой-то мере подражать его деяниям и нравам¹. Был этот князь (dux) молодым по возрасту, имея едва 36 лет, но зрелый нравами, образом жизни и умением себя вести, снискал себе во многом удивительную милость Божию. Среди духовных и светских лиц был наистыдливейшим человеком. Никто никогда не слышал из его уст постыдных или непристойных слов. Гневаться совершенно не мог, и, если когда-либо кто-нибудь вызывал у него раздражение, никто в нем этого заметить не мог, гневается ли он, поскольку лицо его всегда было приветливым. Всегда был

он готов выслушать и великого и малого, и богатого и бедного, с добрым расположением прислушивался к говорящему и, насколько это было в его возможностях, удовлетворял нужды людей.

Среди польских князей моего времени был он самым кротким, смиренным, собранным, всегда стремился к миру, был люток в проявлениях искреннего благочестия к Богу и к людям. Ни с кем не хотел иметь разногласий, если только кто-либо нападал на его землю. Тогда он защищался, как мог. Свою землю во время своей жизни он окружал со всех сторон мирным путем, сделав соседних князей своими друзьями не мечом, но мудростью, которую ему даровал Иисус Христос и которой он всегда внимал. Он не желал вторгаться в границы другого правителя, но скорее желал жить в мире со всеми людьми.

Был чрезвычайно набожен. Никогда не пропускал, если мог, божественной службы. Находил усладу в прекрасном песнопении. По возможности исполнял часы [молитв], посвященные преславной Госпоже [Богородице], и почитал ее чрезвычайно. И было в нем вот что удивительно: когда он ночью ложился в постель и все были уверены, что он спит всю ночь, он, немного отдохнув, в полночь, а иногда и ранее вставал и, сидя под своим балдахинном, держа свечу, читал Псалтырь, некоторые псалмы и молитвы, которые знал и имел при себе. И так он делал часто и охотно.

Надменность презирал, пьянства и вовсе избегал. Опьяневшим его никто не видел. Ел умеренно, меда в течение многих лет не пил, только пиво или вино, и то так умеренно, что едва распознавал вкус вина. Баней в течение четырех лет перед смертью не пользовался. В каждый Великий Пост, как говорили, носил под другой одеждой власяницу, но тайно. Я, Башко², познаньский кустош, видел, как ее носил после его смерти какой-то капеллан, и была она очень плотная.

Господа Бога уважал беспредельно, воздавал почет и уважение святой церкви. Защищал все духовенство, питал глубокое уважение ко всем духовным лицам и часто принимал их с почетом в своей курии. И, если во время какого-нибудь большого праздника был поблизости от гнезенского или познаньского костела, приглашал к завтраку каноников этих костелов и викариев, и стол его был открыт всем приходящим клирикам и мирянам. В Великий Четверг, где бы он ни был, он

тайно приказывал привести ночью к нему нищих и мыл им ноги, обтирая полотенцем и целуя их, подкреплял нищих питьем, даровал даже куски полотна на одежду. Никогда он ни о ком не отзывался плохо, как бы дурно тот не жил.

Что же мне сказать? Нельзя найти в Польше чело- века среди князей и других лиц, похожего на него. Он, помня о вечном блаженстве — успокоения на небесах, оставил в своем завещании Богу и костелу блаженного Адальберта в Гнезно деревню Чернелицу и другую, а именно Бук вместе с людьми, которых предназначил в должность ризничих (*sanctuariogum*), — костелу бла- женного Петра в Познани. Присоединив к этому косте- лу сам Бук с городом, с монетным двором, с таможней, с постоянными дворами и со всеми людьми и с пахотными землями, и [отдал] со всей юрисдикцией и властью к этому костелу под надзор, просил установить, чтобы всегда на его могиле за душу его ночью и днем горел свет и чтобы с доходов, [полученных] с этих угодьев, совершались мессы каждый день за него самого и за остальных, если это будет возможно, или по крайней мере в каждый понедельник или в иной день, который удобно назначить на неделе.

Во время его похорон поднялся такой плач, которого никогда нельзя было услышать при погребении любого другого польского князя. Плакало духовенство (*clerus*), так как он проявлял к ним расположение. Оплакивали рыцари — ведь к ним он был благосклонен. Плакали духовные лица (*religiosi*) — к ним он был милосерден. Люди всякого возраста и того и другого пола, все, кто был на похоронах или слышал, что он умер, не могли удержаться от рыданий. И да поместит Бог его душу в царстве небесном. Аминь.

Глава 119. О рождении Пшемыслава II

В этом же году в Познани в ранние часы воскрес- ного дня в праздник св. мученика Каликста¹ у славного князя Пшемыслава родился сын². И когда рано утром познанские каноники и викарии пели молитвы, к кон- цу девятой лекции прибыл вестник и возвестил о рож- дении мальчика. И тотчас они начали громким голосом петь «Тебя, Господа, восхваляем», и [это] потому, что это была ранняя молитва и в знак радости по поводу

рождения отрока во славу Бога, так как он соблаговолил ободрить поляков таким даром.

Познаньский епископ Богухвал, которого называли [Богухвалом] из Чернелины, совместно с Башко, познаньским кустошем, совершили таинство святого крещения и дали ему в память о славном отце отцовское имя Пшемыслав.

Глава 120. О синоде в Ленчице

В этом же году в день блаженного Каликста упомянутый господин Пелка, гнезненский архиепископ, Прандота — епископ краковский, Томаш — вроцлавский, Богухвал — познаньский, Волимир — влоцлавский, Андрей — плоцкий, Вильгельм¹ — любушский и многие аббаты, прелаты и каноники церковей собрали синод в Ленчице². На этом синоде упомянутый архиепископ со своими суффраганами с соизволения папы Александра провозгласил крестовый поход против Болеслава, силезского князя, и под влиянием авторитета этого же господина папы приказали провозгласить это отлучение за то, что этот князь более года со дня решения об отлучении за пленение им епископа вроцлавского относился к этому решению надменно и презирал нормы церковного порядка. На этом же синоде было принято много установлений, и они хранятся в кафедральных соборах.

Глава 121. Каким образом калишский князь Болеслав взял себе жену

В году от Р. Х. 1258 польский князь Болеслав¹, брат уже покойного Пшемыслава, привел с царскими почестями из краковской земли и свою землю [себе] в жены Елену², дочь Белы, венгерского короля, рожденную от сестры св. Ядвиги³, которую за год до смерти Пшемыслава, своего брата, [он] просватал у краковского князя Болеслава. От нее он впоследствии имел трех дочерей. Одну⁴ из которых он прозорливо отдал в жены Владиславу⁵, сыну Казимира, куявскому князю, с ней он дал ему Польшу или (и)⁶ 1200 марок серебра, другую⁷ — Генриху, сыну уже упомянутого злейшего Болеслава, князя силезско-легницкого, с которой также

дал как приданое 1200 марок серебра или (и) землю Велуньскую и каштелянию рудскую. А третью⁸ — для служения Господу Богу отдал в монастырь св. Клары⁹ в Гнезно, который он сам основал и вполне обеспечил.

Глава 122. О раздоре между Болеславом и Казимиром, куявским князем

В этом же году польский князь Болеслав начал требовать от Казимира возврата лендзкой крепости с ее округом (districtu), которую этот Казимир [некогда] во времена молодости своей и брата своего занял, и [Болеслав ныне] начал с ним из-за нее войну¹. И когда земли того и другого из-за то и дело возникающих войн совершенно опустели, Болеслав, собрав все свое войско со всей Польши, отважно вступил в Куявскую землю. Подойдя к Иновроцлаву и поставив вокруг него сторожевые посты, храбро осадил его. Ему пришел на помощь Варцислав² ((Vogufali))³, поморский князь, с шестьюстами воинами. Казимир, не имея силы противостоять их могуществу, вернул центральную часть лендзкой каштелянии, а лендзкую крепость, которую ранее выстроил, сжег.

Глава 123. О смерти гнезненского архиепископа Пелки

В этом же году гнезненский архиепископ Фулкон, собственное имя которого было Пелка, закончил в Ленчице свой последний день. Муж, характером превосходный, ученый, честный. При его правлении польская церковь во всех отношениях счастливо процветала.

Глава 124. Об избрании гнезненского архиепископа Януша¹

В этом же году гнезненский препозит Януш по общему согласию избирающих был выбран архиепископом упомянутой церкви. После своего избрания он отправил в римскую курию послов, гнезненских каноников, в следующем составе: познаньского декана Генриха, ленчицкого архидьякона Эгидия и Пшибыслава с просьбой о

подтверждении его сана и получения паллия². Они, прийдя в римскую курию, узнали о постановлении Александра³, которое гласило, что каждый избранный в архиепископы должен лично явиться к господину папе. Когда указанные послы сообщили об этом своему избранному господину, он тотчас отправился в путь и в ближайшую пятницу перед Великим Постом достиг римской курии в году от Р. Х. 1259, и предстал перед господином папой. Последний, увидев его и распросив через кардиналов, утвердил его избрание и в первое воскресенье Великого Поста⁴ приказал посвятить его в архиепископы. Вышеупомянутый познаньский декан Генрих и каноник Пшибыслав, вернувшись домой, погибли в районе Ломбардии.

Глава 125. Как Святополк, поморский князь, победил сторожевые посты Варцислава

В этом же году Варцислав, князь кашубов, с каменским епископом¹ выступил против поморского князя Святополка [вместе] с польским войском, которое польский князь Болеслав прислал [ему] на помощь. Прийдя к Слупску², который иначе называется Столп, оставив епископа и его войско, а также некоторых своих рыцарей на многочисленных сторожевых постах для того, чтобы они, обороняясь, защищали и стерегли достояние и его и поляков, а также оставленную там клиентелу, один с большим войском храбро опустошил землю Святополка. А Святополк, не имея возможности отважно противостоять его силе, обрушился на сторожевые посты, победив епископа с его войском, обратил его в бегство, убил многих рыцарей и оруженосцев, а некоторых взял в плен [и], захватив много трофеев и пленных, ушел невредимым.

Глава 126. Как князь Казимир опустошил землю Калиш

В этом же году, а именно 1259, князь куявский, ленчицкий и серадзский Казимир, собрав в своем войске до двух тысяч сражающихся мужей, в самый день мученика Кириака¹, тайно вторгся в Калишскую землю. Вражески напав на Калиш, разграбил [его] без сожа-

ления. Но, когда слух об этом дошел до польского князя Болеслава, который направлялся в Познань, [Болеслав] поспешно повернул к Калишу, но ни в пути, ни в крепости не мог так быстро собрать войска, кроме тридцати тысяч рыцарей, которые и пришли. К ним он присоединил своих придворных и, всецело положившись на Бога, на которого всегда твердо надеялся, стал преследовать войско Казимира между Клонией² и Опатовым, деревней архиепископа, и храбро напал на него [Казимира] в каком-то бору, который называется Солеч. Болеславу и его пароду, хотя и немногочисленному, бог чудесным образом внушил такую доблесть, что он обратил в бегство вышеупомянутого князя Казимира с его многочисленными людьми; многие были убиты, некоторые захвачены в плен. Болеслав также отобрал у них захваченную ими добычу — триста верховых коней и взял в плен тяжело или смертельно раненого куявского палатина³.

Говорят также, что, когда Болеслав стал преследовать Казимира и его войско, такой страх обуял их сердца, что они подумали, будто бы все деревья и есть люди из войска Болеслава и, напуганные этим, избрали средством защиты бегство. Удивительным образом побежденные в этом бегстве, они приписывали дар победы Господу Богу и справедливости Болеслава. И нет сомнения, что свыше была ниспослана помощь всемогущего Господа, который не покидает тех, кто возлагает на него надежды, ведь он [Болеслав] победно с немногими одолел такое множество.

Глава 127. О коварном пленении сановников

В этом же году вышеназванный князь Казимир на каком-то собрании (*colloquio*), созванном им обманным образом, взял в плен Геркабольда¹, гнезненского палатина, его брата Симона², каштеляна этого же места, Николая³, палатина калишского, и многих других знатных лиц.

Глава 128. О строительстве крепости Пакощ

В этом же году упомянутый князь Казимир с помощью князя Святополка, изменника, построил крепость

в Пакоще¹ во владении князя Болеслава в ущерб последнему.

Глава 129. Об опустошении Ленчицкой земли

В этом же году в октаве св. Михаила [князя] Болеслав [князь] польский, Болеслав Стыдливый краковский и сандомирский, Земовит мазовецкий¹ и сын короля Руси Даниила² Роман³, который пришел на помощь указанному князю Земовиту против князя Казимира, его родного брата, сойдясь на Ленчицкой земле, всю ее опустошили грабежом и пожарами. Они построили на этой земле крепость и предоставили ее упомянутому князю Мазовии Земовиту. Князь Казимир, видя, что ему угрожает такая беда и что сопротивляться стольким князьям он не имеет сил, попросил, чтобы ему было дано перемирие до праздника св. Андрея⁴, и во время этого же праздника объявили переговоры (colloquium). Во время этих переговоров он заявил, что удовлетворит [требования] тех, чьи меты, земли и крепости, несправедливо заняты, удерживал.

Глава 130. Каким образом татары вторично опустошили Сандомирскую землю

В упомянутом выше году перед праздником св. Андрея [во искупление] грехов христиан в Сандомирскую землю вторглись татары с пруссами, русскими¹, куманами² и другими народами и безобразно ее разорили грабежами, поджогами и убийствами. И зная, что большое множество людей со своим имуществом прибыло в сандомирскую крепость, окружили ее, непрерывно штурмуя. Русские же князья — Василько³, брат русского короля Даниила, а также упомянутые сыновья — Лев⁴ и Роман⁵, видя, что осада затягивается, задумали окружить жителей крепости обманном путем. Обеспечив безопасность, [они] сошлись с жителями крепости, убеждая их просить у татар заверений безопасности, и сдать им крепость и имущество, нашедшееся в ней, чтобы татары даровали им жизнь. Жители крепости, предпочитая [свою] жизнь [спасению] самой крепости и имущества и надеясь сохранить жизнь так, как было сказано выше, обманутые советом указанных князей, будто

бы они смогут уйти свободными, не беспокоясь о жизни и о своих женах, получили от татар и указанных князей твердое обещание [и] открыли ворота. Они оставили в крепости все имущество и безоружные вышли из нее. Увидев их, татары набросились на них, как волки на овец, проливая огромное количество крови невинных людей, так что разлившись потоки крови, стекая в Вислу, вызвали ее наводнение. И когда они устали в своей ярости, они остальных мужей, как стадо свиней, столкнув в реку Вислу, потопили. Молодых же женщин, красивых девушек и юношей увели с собой пленными. И погибло тогда много тысяч человек как в продолжительном плену, так и пораженные мечом. Татары же, забрав из крепости и города Сандомира имущество [людей], спалили их; и совершили они, о горе, находясь в Краковской и Сандомирской землях в течение многих дней, деяния злые и безобразные⁶.

Глава 131. О бракосочетании дочери Пшемислава

В году от Р. Х. 1260 упомянутый польский князь Болеслав выдал замуж Констанцию¹, дочь своего покойного брата, польского князя Пшемислава, за Конрада², сына маркграфа из Бранденбурга, иначе из Згожельца, и торжественно отпраздновал с ними пышную свадьбу в крепости Санток. Ей в качестве приданого он предоставил сантоцкую каштелянию, но не саму крепость. Из-за этого эта каштеляния была отторгнута от Польского королевства вплоть до сегодняшнего дня.

Глава 132. Каким образом прусский король Мендольф отошел от христианской веры¹

В этом же году окрещенные пруссы со своим королем Мендольфом² из-за многочисленных тягот, причиненных им крестоносцами, оставив христианскую веру, которую приняли ранее, ушли с некоторыми братьями Ордена крестоносцев к литовцам, смело к ним присоединившись.

Глава 133. Глава об опустошении Плоцкой земли

В этом же году упомянутый Мендольф, собрав множество, до тридцати тысяч, сражающихся: своих пруссов, литовцев и других языческих народов, вторгся в Мазовецкую землю¹. Там прежде всего он разорил город Плоцк, а затем города и деревни всей Плоцкой земли жестоко опустошил мечом и пожаром, разбоями и грабежом. Напав также на Пруссию, разрушил города, уничтожил почти всю землю Пруссии, и его окрещенные пруссы учинили жестокую резню христианского народа.

Глава 134. Об опустошении земли язычников

В году от Р. Х. 1261 в третью неделю после Богоявления¹ множество христиан — тевтонцев, поляков и других правоверных народов², собравшись воедино, вторглись в земли литовцев и других языческих народов, намереваясь их завоевать и истребить. И когда христиане разошлись по земле язычников, последние, тоже собравшись воедино, неожиданно напали на остальное войско, которое стояло около поклажи христиан, многих из них погубили мечом и, уверовавшись в своем могуществе, там остались поджидать возвращения христиан.

А христиане, услышав об уничтожении своих, поспешно вернулись к поклаже и нашли там многочисленное войско язычников. Храбро с ними сойдясь, [они] отважно начали сражение. И хотя они и убили многих язычников, однако последние с соизволения Господа и во искупление грехов христиан, добившись победы, принудили христиан к бегству.

Глава 135. О новой секте бичевников

В этом же году образовалась какая-то секта крестьян. Друг за другом ходят они обнаженные, опоясанные только до пупка полотенцем, и каждый бьет себя хлыстом по спине. Впереди идут двое с хоругвами и двумя свечами и поют какую-то песню. И так дважды на день, в час первый и девятый. Архиепископ же гнез-

ненский Януш со своими суффраганами, запретив впредь под страхом отлучения такие действия в своей провинции, потребовал от польских князей, чтобы они обязались удерживать сектантов такого рода от упомянутых заблуждений, угрожая тюрьмой и лишением имущества. Что они и сделали. А именно крестьяне, услышав об эдиктах архиепископа и князей, оставили прежние заблуждения.

Глава 135 а. О смерти плоцкого епископа

В этом же году плоцкий епископ по имени Голек после недели Пасхи переселился ко Господу. Ему последовал Петр¹.

Глава 136. О занятии крепостей Ленчицы и Серадза

В этом же году также братья Лешек и Земомысл¹, сыновья куявского князя Казимира, обвинив свою мачеху² в том, что она якобы хотела их отравить, покинув отца, заняли Ленчицу и Серадз со всеми их окрестностями, а их жители, отвергнув их отца, смело к ним примкнули.

Глава 137. Каким образом Болеслав Благочестивый вернул лендзкую каштелянию

Затем в указанном году польский князь Болеслав Благочестивый, [сын] Владислава, перед праздником св. Бартоломея¹ собрал храброе войско, намереваясь напасть на земли куявского князя Казимира, предать их огню и разграблению за то, что упомянутый Казимир, вопреки обещаниям, не позаботился [до сих пор] вернуть Болеславу половину лендзкой каштелянии. А Казимир, видя, что он не равен в могуществе с Болеславом, при посредстве Волимира², влоцлавского епископа, вернул Болеславу оставшуюся половину лендзкой каштелянии вместе с замком, который выстроил ранее в этой каштелянии.

Глава 138. Об убийстве Земовита, мазовецкого князя

В году от Р. Х. 1262 22 июня русские совместно с литовцами, придя, крадучись, на Черскую землю в Мазовии, опустошили ее всю огнем и мечом. Когда же они неожиданно вошли в какую-то деревню Яздово¹ и обнаружили там мазовецких князей Земовита с его сыном Конрадом, они, схватив их, поступили с ними бессовестно. Шварн², сын сестры русского короля Даниила, сам обезглавил пленного, упомянутого князя Земовита, а сына его Конрада³ взял с собой в плен. В этом же году 5 августа мазовшане в каком-то поместье Длугоседло⁴ сошлись в битве с пруссами. Но пруссы, оставшись победителями, радостные вернулись по домам.

Глава 139. О строительстве плочкой крепости

По прошествии небольшого времени упомянутого года незадолго до праздника св. Михаила вышеупомянутый польский князь Болеслав по просьбе вдовы мазовецкого князя Земовита, собрав войско, двинулся в Мазовецкую землю и там заново отстроил плочкую крепость, ранее сожженную язычниками. И ее, вновь восстановленную и хорошо укрепленную, предоставил вдове, упомянутой госпоже, и ее сыновьям Болеславу¹ и Конраду. И если бы он не отстроил эту крепость, остальная часть Мазовецкой земли была бы целиком разрушена язычниками.

Глава 140. Об опустошении Ловической земли

В году 1263 13 января пруссы и другие языческие народы сильно опустошили мечом, пожарами и другими способами ловическую каштелянию и много других деревень в ее окрестностях¹.

Глава 141. О закладке церковного прихода в городе Познань

В этом же году от имени познаньского капитула был заложен парафиальный костел в городе Познань с таким, однако, условием, чтобы в воскресные дни [при-

хожане] не могли участвовать ни в процессии вокруг костела, ни к школе. Но все лица духовного звания как города, так и пригорода должны были участвовать в процессии к собору, а дети — к школам, организованным при нем.

Глава 142. Об основании госпиталя в Познани

В этом же году от Р. Х. 1264 [около] города Познани в честь Духа Святого Богухвалом, епископом церкви упомянутого города, был основан госпиталь для больных. Начальник (prepositus) этого госпиталя по предложению этого же епископа имел место в хоре и право голоса в капитуле упомянутого познаньского костела.

Глава 143. О смерти упомянутого епископа Богухвала

В этом же году в ночь со вторника на среду [во время] трехдневного поста после дня св. Люции¹ познаньский епископ Богухвал в деревне Чернелине, [принадлежащей] его костелу, переселился ко Господу. Я не пожелал описывать его доблести и нравы, поскольку, если он таковые [и] имел, он совершенно не хотел их использовать.

Глава 144. О смерти матери Пшемислава Елизаветы

В году от Р. Х. 1265 знатная госпожа Елизавета, жена ныне покойного польского князя Пшемислава, дочь Генриха, силезского князя, убитого татарами, в ближайшую пятницу после октавы Богоявления в своей деревне Модже¹ переселилась ко Господу. И в этом же году господин Томаш, вроцлавский епископ, исполнив долг человеческой природы, счастливо почил в бозе.

Глава 145. О выборе познаньского епископа Петржика

В году от Р. Х. 1265 в [день] Обращения св. Павла¹ познаньский капитул собрался в своем капитуле и, воззвав к милости Духа Святого, начали вести пе-

реговоры о выборе епископа. Проведя обсуждение (*tractatu*), выбрали епископом и пастором препозита Петржика², сына рыцаря Дрогослова из Скожева, и после избрания, как обычно, означенный избранник с некоторыми братьями из капитула для своего утверждения отправился к господину архиепископу Янушу, гнезненскому митрополиту. И когда он прибыл в Жнин³, где [уже] находился другой епископ, [Петржик] дознался от некоторых, что его избрание подлежит отмене ввиду его малой грамотности и незнания законов, хотя на самом деле он мог проводить в церкви Господней божественную службу. И совершил все это господин архиепископ в согласии с волей господина князя Болеслава, который тогда правил [этой] землей, и жены упомянутого князя госпожи Елены, дочери венгерского короля, для того, чтобы поставить в познаньский епископат гнезненского декана Фалента⁴, о состоянии и происхождении которого вся Польша ничего не знала, поскольку, как это выяснилось позднее, он был их доверенным лицом.

Господин декан Ян⁵, сын рыцаря Весткона, опытный в правоведении, названный магистром, увидев [это], против [воли] господина архиепископа обратился с просьбой, чтобы папа утвердил выбор его церкви. Но когда этот избранный Петржик должен был явиться на разбор жалобы (*sue appellacioni*), на которой настаивал господин декан Ян, было созвано совещание (*consilio*) людей нечестных и, главное, имеющих близкое отношение к указанному Фаленту, чтобы господин архиепископ мог легче его утвердить. Капитул, видя, что [Петржик] отказывается от своего права и из-за этого перед церковью возникают трудности, созвав совещание, стал думать об избрании другого лица, дабы воспрепятствовать вступлению [в сан] упомянутого Фалента. Избрали архидьякона господина Яна⁶, человека образованного, добропорядочного и набожного. А когда представили его этому же архиепископу в Гнезно, тот не пожелал его утвердить, выдвигая, вопреки капитулу, тот довод, что он имеет другого избранника. И все это было сплошным обманом, лишь бы добиться назначения Фалента.

Господин декан Ян, понимая, что архиепископ действует по отношению к познаньской церкви недоброжелательно, в тот же день, вопреки [мнению] упомянутого господина архиепископа, обратился с апелляцией к гос-

подину папе. Произведя апелляцию (*facta appellacione*) в Гнезно во время трехдневного поста, т. е. в субботу на первой неделе поста⁷, он послал в римскую курию упомянутого господина электа архидьякона Яна с господином схоластиком Петром и с каноником Мирославом. И когда они отправились в курию, означенный архиепископ посадил часто упоминавшегося Фалента на познаньский епископат. Когда же он хотел посвятить его в епископы в Пыздре, капитул направил некоего викария по имени Бенедикт, по прозвищу Колка, с требованием не посвящать его [Фалента] в епископы. Упомянутый же господин архиепископ, ни во что не ставя апелляцию, обращенную к папе, приказал притащить указанного священнослужителя викария и обращаться с ним жестоко. И таким образом, презрев апелляцию и допустив произвол, посвятил того [Фалента] в епископы. Полагаю, что посвящен он был неправильно.

[Итак], декан Ян, не желая смириться с обидой, нанесенной его церкви, последовал за вышеупомянутым электом, архидьяконом Яном в курию и, придя туда, лично доложил господину папе Клементу IV⁸ о церковных делах. Господин папа, видя, что из-за установления епископом упомянутого Фалента нанесена обида познаньской церкви и сделал это архиепископ, вопреки праву и соизволению господина папы Александра IV⁹ — ведь архиепископ не имел права надзора в отношении какой-либо церкви, если только в случае какого-либо нерадения — дал им письмо к господину Томашу, вроцлавскому епископу, с вызовом [в суд] назначенного Фалента. Когда же они вернулись из курии с указанным письмом, декан Ян, господин Петр схоластик и каноник Мирослав вызвали его самого [Фалента] в курию¹⁰. Но так как господин Мирослав, который должен был доложить господину папе о вызове, сделанном вроцлавским епископом, был убит какими-то польскими рыцарями, то дело церкви, таким образом, осталось в пребрежении.

Господин же декан Ян, схоластик Петр и другие братья каноники, созвав совещание, отправили меня, Годислава по прозвищу Башко¹¹, кустоша этой церкви, в курию с посланием от вроцлавского епископа. И когда я пришел в курию, после меня явился также и указанный Фалент. И мы предстали перед господином папой, и указанный Фалент предъявил свидетельство о своем

назначении. А господин папа, увидев и прочитав его послание, нашел, что он нечестно овладел познаньским епископством. Он сам, как справедливый судья, учел настойчивое пожелание архидьякона электа Яна, а также и мое, и в силу своих прав отстранил указанного Фалента от познаньского епископства. Господин архидьякон Ян, элект, видя, что дело о его утверждении получило отсрочку и из этого происходит немалая опасность для церкви, указал господину папе, какое право говорит [в защиту] его выбора. Но господин папа, поскольку имел право установления, вручил познаньское епископство своему капеллану Николаю¹², который в то время был отправлен в Польшу для канонизации блаженной Ядвиги, и в Витербо посвятил его в епископы.

Глава 146. О захвате обманным образом крепости Санток

Спустя некоторое время того же года какие-то разбойники саксы, тайно проникнув в крепость Санток, заняли ее и передали во владение маркграфу бранденбургскому. Но польский князь Болеслав, желая захватить упомянутую крепость, собрав войско, сошелся с маркграфами¹ и имел с ними дружественную беседу. Они единогласно постановили, что Болеслав сожжет Джень, а сами они — Санток. Так и сделали.

Глава 147. О смерти короля русских Даниила

В году от Р. Х. 1266 Даниил, русский король, отец Льва и Романа, исполнив долг природе, переселился из этого мира ко Господу¹. И в этом же году изменник Святополк, поморский князь, который бесчестно и предательски присвоил себе княжеское имя, тоже ушел из этого брэнного мира.

Глава 148. Об опустошении Плоцкой земли

В этом же году пруссы совместно с другими языческими народами вторглись в Плоцкую землю и опустошили оставшуюся [неразоренной часть] этой земли¹.

Глава 149. Об опустошении Русской земли

В этом же году войско краковского князя Болеслава Стыдливого, проникнув в землю русских, сильно опустошило княжество Шварна¹. Упомянутый князь Шварн в самый день святых Гервазия и Протасия², сойдясь с этим войском, мужественно с ним сразился. Но поляки стали победителями [и], перебив много русских и взяв у них немалое количество добычи, вернулись с почетом домой. И успокоилась земля на некоторое время в благодати желанного мира.

В этом же году Прандота, краковский епископ, переселился из этого мира ко Господу. Ему наследовал Павел из Пшеманкова³.

Глава 150. О восстановлении крепости Санток

По истечении [нескольких] дней указанного года польский князь Болеслав Благочестивый, собрав войско, восстановил меньшую крепость Санток. Там ведь были две крепости: меньшая, в которой обычно находился князь, и бóльшая, в которой пребывали рыцари совместно с простым людом и ремесленниками. Но когда князь Болеслав, отстроив крепость, вернулся домой, маркграфы окружили валом упомянутую крепость. Князь Болеслав, опасаясь, что из-за нанесенного ущерба его люди, находившиеся в крепости, [потерпят оскорбление], в соответствии с уговором, заключенном с маркграфами, приказал указанную крепость сжечь.

Глава 151. О посвящении краковского епископа Павла

В году от Р. Х. 1267 досточтимый отец Павел из Пшеманкова, краковский епископ, был посвящен в епископы архиепископом гнезненским и другими епископами.

Глава 152. Об убийстве познаньского каноника, поморянина Петра¹

В году от Р. Х. 1268, когда познаньский каноник, поморянин Петр в присутствии познаньского епископа

Николая стал требовать десятины (*decimam praedialem*) от [некоего] Доброгоста из Нагродниц и был назначен срок для слушания окончательного решения, Сулислав, сын Доброгоста, нечестиво убил упомянутого каноника в костеле Чернелина в то время, как тот шел в процессии на кладбище. За это упомянутый Доброгост и его потомство были осуждены навечно платить десятину по крестьянскому обычаю.

Глава 152 а

В этом же году князь Болеслав выстроил крепость Дуппин¹ в деревне [близ] города какого-то Федрика². Этот же князь построил другую крепость Неслуш³ в деревне Гнемовира, сына Гжебыслава⁴. Он же построил крепость на рудской земле Просну и дал ей название Болеславич⁵.

Глава 153. О постройке крепости в Суленче

В году от Р. Х. 1269 Оттон¹, сын Оттона, маркграфа из Бранденбурга или из Згожельца, после смерти своего отца Оттона построил между Любушем и Мендзыжечем крепость Суленч², и польский князь Болеслав смирился с этим.

Глава 154. О смерти благочестивейшей девы Саломей¹

В году от Р. Х. 1268 в канун дня блаженного Мартина² благородная дева Саломея, [одна из] монахинь ордена св. Клары, сестра упомянутого краковского князя Болеслава Стыдливого, в монастыре, в Скале, каковое место называлось Скалой св. Марии (*Lapis Sanctae Marie*), сохранив преславное имя девственницы, счастливо отошла ко Господу. В любви к этой деве, во исполнение обета мать³ ее вместе со своим сыном, упомянутым князем Болеславом, основали монастырь св. Клары в Завихосте, а затем из-за нападений литовцев перенесли его в Скалу, а затем снова он был перенесен в Краков к св. Андрею.

О ней рассказывают такие чудеса: хотя лежала она уже пять дней на хорах у сестер [монахинь] в Скале непогребенная, однако сестры не почувствовали никакого дурного запаха от ее целомудренного тела. Напротив, казалось, что они становились все бодрее от приятнейшего запаха, исходившего от ее тела. После того как ее преславное тело 13 ноября было предано церковному погребению, останки ее 1 июля вынули и с благоговением перенесли в Краков для вторичного погребения, и, хотя гроб был открыт, от ее святого тела [также] не исходило никакого дурного запаха.

Я слышал от одной набожной девы Марты, монахини этого монастыря, что из ее тела струилось масло удивительной приятности и яркости. Многие больные, беря пальцами его капли и намазываясь им, тотчас выздоравливали, освобождаясь от своего недуга.

Глава 155. Об измене крепости Быдгощ

В этом же году некий Теодорик, окрещенный прусс¹, отдал польскому князю Болеславу Благочестивому крепость Быдгощ² [куявского князя] Земомысла.

А затем, осознав, что совершил такую измену, он попросил своего слугу обезглавить его. И тот, взяв меч, тотчас его обезглавил.

Впоследствии, вспомнив, как он дурно поступил и совершил такую измену, попросил своего слугу, чтобы он его как изменника обезглавил, дабы не жить ему более. Тот, взяв меч, тотчас его обезглавил. Так дурно закончил свою жизнь [Теодорик]³.

Глава 156. Почему кюявяне отказались повиноваться своему князю

В упомянутом году знатные люди (primates) Кюявской земли, видя, что их князь Земомысл, презирая их самих, стал между тем следовать советам Бородатых Братьев, во всем выказывая [им] свою благосклонность, присоединились к польскому князю Болеславу. Земомысл же, понимая, что он так позорно покинут, дал в дар польскому князю Болеславу славную крепость Крушвицу с той целью, чтобы благодаря его благо-

склонной помощи прийти в согласие с куявским рыцарством и вновь обрести их повиновение себе.

Глава 157. [Глава] рассказывает об опустошении города Мендзыжеч¹

В этом же году перед праздником св. Михаила польский князь Болеслав Благочестивый укрепил свой город Мендзыжеч бойницами. Но прежде чем он [город] был окружен рвами, Оттон, сын упомянутого маркграфа Оттона, явившись неожиданно, стал его осаждать. А не сумев им овладеть, спалил его. Славно обогатившись добычей [награбленной] в этом городе, [он] радостный возвратился домой.

Глава 158. О завоевании крепости Суленч

В указанном году в канун блаженной Лючии уже упомянутый польский князь Болеслав Благочестивый могущественно вторгся в любушскую каштелянию, полностью опустошил ее огнем и грабежами. А назавтра, придя в крепость Суленч, отважно ее захватил. Его воины, храбро напав на крепость и разведя огонь, подожгли ее. В ней они взяли в плен каштеляна по имени Сабель с его людьми. И, обогатившись обильной добычей конями и оружием, воздав благодарения Господу, радостно вернулись домой.

Глава 159. О постройке крепости Санток

В году от Р. Х. 1270 незадолго до [дня] Очищения Благословенной Девы Марии¹, Оттон, сын бранденбургского маркграфа Оттона, восстановил, в отсутствие польского князя Болеслава, который в то время отправился в земли Кракова для совершения некоторых дел, крепость Санток возле церкви св. Андрея.

Некогда крепость Санток, в которой проживало много рыцарей и простого люда, была очень большая. И в этой крепости была даже препозитура св. Андрея, и препозит этого костела осуществлял полную юрисдикцию во всех костелах в пределах Одры, Ивы, Дравы, Варты и Нотеци и над духовенством и над народом.

Об этой препозитуре имел попечение тогдашний познаньский епископ. Упомянутый препозит имел деревню Киево, принадлежащую его препозитуре, которую ныне иногда занимают жители Сантока и иногда пытаются захватить ее жители Мендзыжеча.

После убийства короля Пшемыслава² бранденбургские маркграфы заняли каштелянию поляков и крепость Санток, разрушили препозитуру в Сантоке и постарались передать капитулу в Мыслибоже всю юрисдикцию сантоцкой препозитурь. В результате из-за небрежности епископов большая часть познаньского диоцеза в указанной каштелянии отошла от познаньского костела, хотя некоторые епископы, а именно Андрей Шимонович³ и Домрат⁴, начали домогаться в римской курии ее возврата; однако Ян Лодзя⁵, познаньский епископ, непосредственный их преемник, с пренебрежением отнесся к их попыткам.

В этом же году незадолго до праздника св. Григория⁶ польский князь Болеслав восстановил крепость Джень во вред крепости Санток.

Глава 160. О смерти вроцлавского князя Владислава и епископа зальцбургского

В этом же году на следующий день после [дня] св. Адальберта досточтимый отец архиепископ зальцбургский Владислав, вроцлавский князь, сын покойного силезского князя Генриха¹, убитого татарами, в своем епископстве переселился из этого брэнного мира ко Христу, как говорят, отравленный нечестиво своими же силезцами. И это потому, что он управлял вроцлавским княжеством, половину которого имел после смерти своего брата Генриха третьего. Его [княжество] он при своей кончине оставил как законному наследнику, хотя и малолетнему, Генриху четвертому, сыну своего брата Генриха третьего. Так Генрих четвертый стал владеть частями [княжеств] и своего отца и дяди.

Глава 160 а. Как польский князь Болеслав опустошил каштелянию Санток

В году от Р. Х. 1271 польский князь Болеслав Благочестивый, собрав немалое войско, вторгся в каштеля-

нию Санток, в которой упомянутый маркграф Оттон по тевтонскому праву основал города и селения, и в течение трех дней безжалостно опустошил ее пожарами и грабежами. Он, также обрушившись на хорошо укрепленный город Мыслибож и другие города и крепости, сравнивал их с землей и уничтожил до основания; взяв большую добычу, счастливо вернулся домой.

Глава 161. О разногласии между поморскими князьями Мщивоем и Варциславом

В этом же году поморский князь Варцислав¹ захватил в плен и заключил в оковы своего брата Мщивоя². И только тогда он отпустил его, когда тот отдал ему чрезвычайно укрепленную крепость и город Гданьск. Возмущенный поступками брата, желая ему отомстить, Мщивой передал маркграфу Конраду, сыну покойного бранденбургского маркграфа Яна, упомянутую славную крепость Гданьск с той целью, чтобы он оказал ему в борьбе против его брата Варцислава желанную помощь, намереваясь тем самым полностью изгнать Варцислава с Поморской земли. Варцислав же совместно с примкнувшими к нему поморянами,

домогаясь крепости Гданьск и других крепостей своей земли, с могущественным отрядом напал на Мщивоя и изгнал с Поморской земли³,

завоевал указанную крепость Гданьск и другие мощные крепости⁴.

А когда вошел в крепость Вышеград, почувствовав нездоровье, скончался и был похоронен в Иновроцлаве у меньших Братьев⁵.

Князь Мщивой, понимая, что он лишился своего брата, господина Варцислава, надеялся, что он будет безопасно царствовать на Поморской земле. С этой целью он пожелал войти в свою крепость и город Гданьск. Но этого не допустили тевтонцы, которые там от имени маркграфа Конрада охраняли крепость. Упомянутый князь Мщивой, увидев такую несправедливость и вероломство тевтонцев, которые не позволяли ему править и распоряжаться в его собственном наследственном [уделе], созвав весь свой край, с тщательной предосторожностью укрепил усиленной стражей указанную крепость и город для того, чтобы большое число тевтонцев не могло проникнуть в указанные укрепления

для их охраны и обороны. Но так как он не смог их занять, поморяне дали совет своему князю, господину Мщивою, объединиться с польским князем Болеславом, его двоюродным братом, который тогда мудро правил и имел могущественное воинство.

Прийдя к своему брату Болеславу, он добился от него и совета и помощи против упомянутых тевтонцев, которые удерживали его укрепления, и тем более он [этого] желал, что упомянутый князь Болеслав владел Поморской землей, которую насильно захватили тевтонцы. И еще потому, что [сам] упомянутый князь Мщивой не имел потомства. Князь же Болеслав как человек скромный, сговорчивый и благожелательный к своему брату, хотя [тот] однажды и обидел его, однако, преодолев по своей доброте злокозненные чувства, обещал оказать ему помощь.

Глава 162¹.

Итак, в году от Р. Х. 1272 господин Болеслав, муж ревностный и могущественный в своем знатном рыцарстве, сын покойного Владислава, сына покойного Одона, собрав небольшое войско, [но] не такое большое, которое обычно выводил в другие земли, поскольку знал, что с войском, которое он созвал, он мог безопасно вторгнуться в Поморскую землю, поспешно вошел в эту землю² между [днем] Богоявления и Очищения преславной Девы Марии и окружил ее своими полками и полками поморян, не применив никаких приспособлений, кроме щитов, фашии и некоторых малых орудий, приспособленных к обороне против тевтонцев, которые были в Гданьске, и, разведя огонь, вопреки мнению всех, захватил и их самих и крепость. Он перебил почти всех тевтонцев, которые там находились, кроме некоторых, убежавших в какую-то башню. А те, которые сохранили свою жизнь, все же были взяты в плен и содержались там в плену князем Мщивоем.

И, таким образом, с божьей помощью господин князь Болеслав с триумфом и почетом невредимым вернулся домой, и только немногие рыцари [его] были убиты или ранены. И все дело тут во всемогущем Господе Боге, который считал нужным помогать упомянутому князю, господину Болеславу, и всегда помогал, где бы тот ни сражался за справедливость.

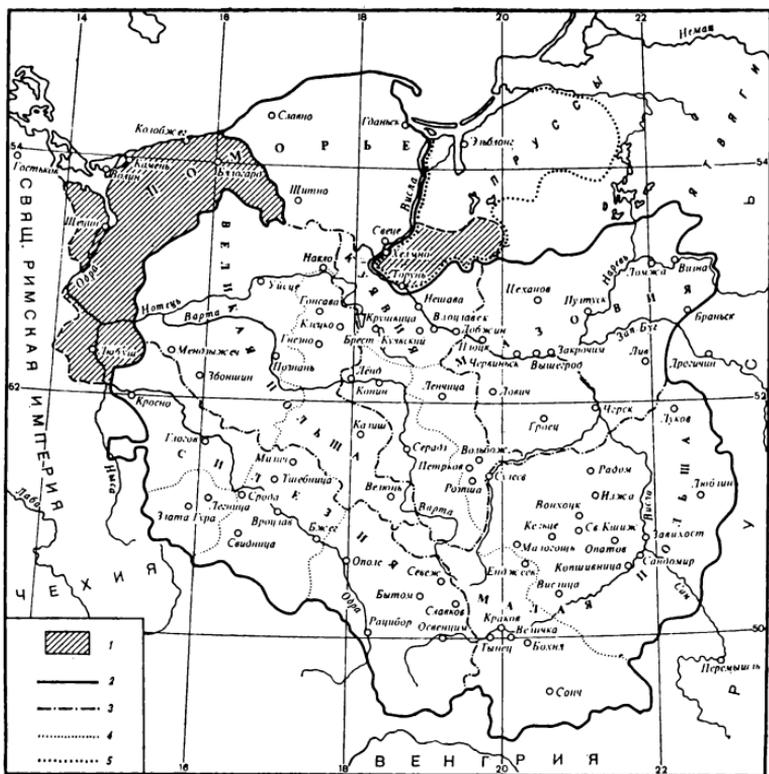
Глава 163.

В этом же году 27 мая преславный отрок Пшемислав, сын князя Пшемислава, в возрасте 16 лет по воле и приказанию своего дяди, князя Болеслава, который тогда правил всей Польшей, собрав польское рыцарство с комитом Пшедпелком¹, палатином (palatino) Польши, и с комитом Янком², калишским каштеляном, которые в то время среди рыцарей были старшими, вторгся с вооруженным отрядом на землю, расположенную за Дженью. Эту землю его отец Пшемислав передал господину маркграфу Конраду, сыну маркграфа Яна из Бранденбурга, как приданое своей дочери. Когда же он хотел ограбить эту землю, он приблизился к какому-то замку, который этот Конрад построил на упомянутой земле в какой-то деревне под названием Стжельце. Его рыцари, отважные и испытанные [в боях], без всяких орудий подошли к этой же крепости, обрушились огнем и в скором времени захватили эту крепость, перебив мечом почти всех, кто там находился, кроме пленных, которых с большим трудом получили рыцари от упомянутого Пшемислава.

И когда они вернулись домой и уже находились в крепости Велень, они узнали, что немного тевтонцев находится в крепости Джень, которую они насильно захватили. И уже вход в эту крепость был занят какими-то кашубами, которые, служа князю Болеславу, подплыли к этой крепости на суденышке и подожгли одни ворота. Когда упомянутый Пшемислав услышал об этом, он приказал рыцарям вернуться, [и] с теми, которые отошли от него, и с теми, кто был с ним, подступил к этой крепости. Когда же эти рыцари и народ стали готовить орудия, тевтонцы очень испугались, как бы с ними не случилось того же, что с другими в Стжельце, и, попросив перемирия, достигли договоренности. Эту крепость без всяких осложнений и без пролития крови они передали указанному Пшемиславу в день Просьб³, и [он], поставив в этой крепости Джень сильную стражу, с почетом и триумфом вернулся домой.

Глава 164.

В году от Р. Х. 1273 этот же Пшемислав вошел в Славянскую землю князя Барнима¹ с целью посмотреть

Польские земли около 1250 г.

1 — польские земли, попавшие под власть немецких феодалов до 1250 г.; 2 — общие границы польских княжеств ок. 1250 г.; 3 — границы княжеств; 4 — границы земель; 5 — границы территории, захваченной Тевтонским орденом.

девушку², дочь некоего князя по имени Генрих из Вышимежа, рожденную от дочери³ князя Барнима. Поэтому-то этот князь [Барним] держал ее у себя, что она имела к нему [родственное] отношение. А когда [Пшемислав] увидел ее, она ему понравилась. И там же в земле упомянутого князя Б[арнима] в городе Шецин [он] взял ее в жены. И произошло это на шестнадцатом году его жизни.

В этом же году в июле месяце преславный Болеслав со своей законной женой госпожей Еленой⁴ и с почтеннейшим господином епископом Николаем⁵, со своими

баронами (baronibus) и с этим же самым Пшемыславом пошли в крепость Джень навстречу госпоже Людгарде, встретили ее там с почетом, проводили до Познани, и там господин епископ с канониками этого костела, согласно сохранившемуся там обычаю, в торжественной процессии сопроводили ее в костел.

КОММЕНТАРИИ

Пролог

¹ Поляки (поляни, полени, полони) — название племен, населявших территории по течению Средней и Нижней Варты с центром в Гнезно. Племенное княжество полян составило основу будущего общепольского государства. Латинизированные формы этнонима появляются в иностранных источниках X—XI вв. «Polani» — в «Житии св. Войтеха» (*Vita s. Adalberti*//МРН. — Kraków, 1864. — Т. I. — Р. 179, 184, 213). Форма «Poleni» засвидетельствована в немецкой хронике Титмара (нач. XII в.) и относится ко всем жителям Польши (*Kronika Thietmara*//МРН. — Т. I. — Р. 261, 268, 271 etc.). В «Повести временных лет» «Поляне» означают одно из польских племен (ПВЛ. — М.—Л., 1950. — Ч. I. — С. 11; см. также: *Lehr-Spławiński T. Najstarsze nazwy plemion polskich w obcych źródłach*//*Język Polski*. — Kraków, 1961. — N 41. — S. 262; *Rospond St. Structura Pierwotnych etnonimów słowiańskich*//*Rocznik slawistyczny*. — Wrocław—Warszawa, 1966. — Т. 26. — Cz. I. — S. 24—25; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху средневековья. — М., 1982. — С. 153 (Далее — Развитие этнического самосознания...)). Относительно родства польского племени полян с киевскими полянами см.: Кобычев В. П. В поисках прародины славян. — М., 1973. — С. 99; Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян//ВЯ. — 1974. — № 6. — С. 48—67.

² Полань (Полянов) — крепость, в 1240 г. вошла в состав Гданьского Поморья (*Śląski K. Podziały terytorialne Pomorza w XII—XIII wieku*//*Pr Kł PTPN*. — Poznań, 1960. — Т. XVIII. — Z. 4. — S. 170).

³ Магистр Винцентий Кадлубек (ок. 1150—1223), епископ краковский с 1207 г. Был приближенным малопольского князя Казимира Справедливого и по его приказу написал обширную хронику, которая служила автору Великопольской хроники образцом при изложении истории Польши до 1202 г.

⁴ Название Полония (*Polenia, Polonia*) могло относиться как ко всей Польше в целом, так и непосредственно к «земле полян», которая с XIII в. стала именоваться *Major Polonia* — Великая Польша, или Великопольша (см. примеч. 1 к прологу, предисловие, с. 29).

⁵ Пшемислав II (1257—1296), великопольский князь с 1279 г., коронован в Гнезно в 1295 г.

⁶ Ассуер — библейское имя персидского царя Ксеркса, или Артоксеркса.

⁷ Первый фрагмент пролога со слов «*In nomine Domini*» (Во имя Господа Бога) до «*Tempore siquidem Assueri*» (со времен Ас-

суера) содержится в рукописи Годийовского, второй фрагмент со слов «In nomine Domini» (Во имя Господа Бога) до «terras designavit» (обозначить земли) — в других кодексах.

⁸ Название лехиты (Lechite) для обозначения всего польского народа ввел впервые Винцентий Кадлубек. Эпоним поляков по имени Лех (Lech) встречается лишь в Великопольской хронике. В исследованиях К. Шляского доказано, что имя Лех было известно в очень раннем польском средневековье. Следовательно, Кадлубек мог, не прибегая к заимствованиям из других языков, привести издавна бытовавшее в народе название поляков (Ślaski K. Wątki historyczne w podaniach o początkach Polski. — Poznań, 1968. — S. 51—60; Jakobsen R. Reimwörter Cech—Lech//Selected writings II. — The Hague — Paris, 1971. — P. 609).

⁹ Паннония — римская провинция между Дунаем и Савой, занимавшая западную часть современной Венгрии, восточную часть Австрии и северную часть Югославии. В I тысячелетии н. э. территорию Паннонии заселяли народы германского и тюркского происхождения. Появление славян в Паннонии датируют VI в. В конце IX в. в Паннонию с берегов Камы пришли кочевые племена венгров, передавшие свое этническое название заселенной земле «Hungaria — Венгрия» (Wielowiejski J., Swoboda W. Pannonia//SSS. — 1970. — T. IV. — Cz. I. — S. 20—27). Мнение о происхождении славян из Паннонии было широко распространено в средневековье. Современные исследователи считают эту точку зрения несостоятельной. Большинство ученых находят прародину славян на территории от Одры до Среднего Днепра (см. об этом: Labuda G. Fragmenty dziejów Słowiańszczyzny Zachodniej. — Poznań, 1960. — T. I. — S. 34, 68; Wyrozumski J. Nowa hipoteza o praojczyźnie i rozprzestrzenieniu się słowian//Studia Historyczne.— 1981. — R. XXIV. — Z. 4. — S. 669—673; Развитие этнического самосознания... — С. 10).

¹⁰ В тексте: «Xandz autem maior est quam Pan veluti princeps et superior Rex». Перевод этой фразы может варьироваться: «Ксендз же больше Пана подобно [тому], как верховный король больше князя; ксендз же больше, чем Пан, и [больше чем] князь, и [больше чем] верховный король». Все толкования позволяют предполагать, что автор хроники стремится обосновать главенствующую роль церкви в государстве (см. предисловие с. 22).

¹¹ От потомков Иафета выводил предков славян и автор «Повести временных лет» (ПВЛ. — Ч. I. — С. 9—11).

¹² Нимрод — мифический основатель Вавилонского государства, имя которого с древнейших времен стало символом тирании и жестокости.

¹³ Легенда о трех братьях: Чехе, Лехе и Русе, которые дали начало польскому, чешскому и русскому народам, впервые появилась в Великопольской хронике. В этом предании нашла свое утверждение народная традиция, повествующая об этническом родстве трех славянских народов (см.: Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне. — Прага, 1935. — Т. I. — С. 3—4).

¹⁴ Автор хроники пытается доказать не только древность происхождения поляков, но и подчеркнуть их первенство в отношении окружающих их в прошлом народов, которое со временем (о чем свидетельствует дальнейшее изложение событий) утрачивалось. Тенденциозность подобного рода звучит и в рассуждении о дани (tributa), которую подчиненные народы несут лехитам и славянам (см. пролог).

¹⁵ В издании латинского текста приводятся разночтения, встречающиеся в рукописях: «Slawus, Slaws, Slavi». О соотношении этнонима «славяне» со словом «слава» см.: Иванов В. В., Топоров В. Н. О древних славянских этнонимах//Славянские древности. — Киев, 1980. — С. 18.

¹⁶ Хронист имеет в виду государство волжско-камских булгар, образовавшееся в X в. в бассейне реки Волги (в хронике Булга — Bulga) и нижней Камы.

¹⁷ Расция (Рашка) — средневековое название Рашского или Сербского княжества, а с 1217 г. — одной из частей Сербского королевства. Образовано хронистом от названия древнего города Раса, стоявшего на месте нынешнего Нового Базара на реке Рашка (см.: Москаленко А. Е. Возникновение и развитие феодальных отношений у южных славян. Хорваты и сербы. — М., 1978. — С. 42).

¹⁸ Книга Царств, III, 10, 1—13.

¹⁹ Далмация — римская провинция, население которой составляли иллирийские племена. В VII в. была заселена сербами и хорватами. В начале XII в. перешла под власть Венгрии.

²⁰ Рани (раны) — западнославянское племя, населявшее остров Ругию.

²¹ Соробы (сорбы) — полабские славяне. В древности этим этнонимом именовали всех славян (см.: Развитие этнического самосознания... — С. 198—201).

²² Подобная этимология встречается у византийского императора Константина VII Багрянородного (913—950) в сочинении «Об управлении империей»: «Сербами же на языке римлян обозначаются рабы» (См. об этом: Москаленко А. Е. Указ. соч. — С. 41—42). Значение этнонима «Сербия» точно не установлено. Есть мнение, что это слово могло иметь значение «сосед, союзник» (ср. славянские «сябр, шабр») (см.: Петкович Ж. Прве појаве српског племена. — Београд, 1956; Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. — Wrocław—Kraków, 1957; Wasilewski T. Serbia//SSS. — 1975. — Т. V. — С. 135—142).

²³ Кашубы — потомки древних поморян, жившие в северных районах Польши. В начале XIV в. земли кашубов были захвачены Тевтонским орденом (см.: Лавровский П. Этнографический очерк кашубов//Филологические записки. — Воронеж, 1873; Dobrowolska A. O nazwie Kaszyby//Onomastica. — 1958. — N 4. — S. 333; Sułowski Z. Kaszubi//SSS. — 1964. — Т. II. — S. 300).

²⁴ Полабские древяне не тождественны германским жителям княжества Гольштейн—голлатам. Путаница, видимо, произошла в результате аналогичной этимологии: «holz—sazzen — жители лесов — древяне (древляне)» (Nalera J. Drzewianie//SSS. — 1961. — Т. I. — S. 394; МРН. NS. — Warszawa, 1970. — Т. VIII. — P. 132. — Przur. 27). Подобные примеры народной этимологии встречаются и в «Повести временных лет»: «...нарекошася ... древляне, зане седоша в лесех...» (ПВЛ. — Ч. I. — С. 11).

²⁵ Комит в средневековой Польше — княжеский чиновник (Bogucki A. Komes w polskich źródłach średniowiecznych. — Toruń, 1972).

²⁶ Имеется в виду Генрих Лев (1129—1295), герцог Саксонский с 1142 г. и баварский с 1156 г. По его инициативе было организовано завоевание северных территорий полабских славян.

²⁷ Исидор Севильский (VI в.) — средневековый испанский церковный деятель и ученый. Большой популярностью пользовалась его

«Этимология» — своего рода энциклопедия, в основе которой лежали античные источники.

²⁸ Мартин из Опавы (ум. 1278) — средневековый хронист. Его хроника стала излюбленным произведением всего позднего средневековья.

²⁹ Каринтия — область в Центральной Европе, в бассейне реки Дравы. К концу VI в. территория Каринтии была заселена славянами. С XII в. Каринтия подверглась усиленной германизации. Впервые при описании Польши упомянута у Галла (Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. — М., 1961. — С. 27 (Далее — Галл); см. также: Вгаумüller Н. Geschichte Kärntens. — Klagenfurt, 1949).

³⁰ Очевидно, автор смешивает название двух разных народов — хорутан и каналитов. В «Повести временных лет» при перечислении южнославянских народов упоминаются «хорутаны» (ПВЛ. — Ч. I. — С. 11, 207; Ч. II. — С. 107, 213), которые созвучны по названию польскому слову *coritha* (корыто), приведенному в этимологии хроники. Значение слова «корыто», по-видимому, привело автора к аналогичному по семантике названию одного из сербских племен *canali* (каналы), расположенного в месте Колавны на юго-востоке от Дубровника. Ср. о «каналитах», населяющих страну «Канали, что на славянском языке значит Горная» у Константина Багрянородного (см.: Москаленко А. Е. Указ. соч. — С. 47).

³¹ Речь идет о польском князе Казимире Восстановителе (1016—1058). Прозвище «монах» он получил из-за того, что в отрочестве был отдан в монастырь, где воспитывался (Галл. — Кн. I. — Гл. 21; см. примеч. 2 к гл. 12).

³² Имеется в виду Бенедикт IX, папа римский в 1032—1045 и 1047—1048 гг.

³³ Германцы — группа племен, принадлежавших к индоевропейской языковой группе, населявших в I в. до н. э. обширную территорию, границы которой определяли Дунай, Рейн, Висла, Балтийское и Северное моря. Из германских племен в хронике наиболее часто упоминаются фризы, вестфалы, вандалы, алеманы, тевтонцы. Хронист приводит этимологию «*germanus* — брат», распространенную в средние века.

³⁴ Автор Великопольской хроники, выводя славян из Паннонии, заселенной, по его представлениям, венграми, не сомневался в этнической принадлежности последних. Венгры для него были славянами.

³⁵ Вкра — река, впадающая в Щецинский залив.

³⁶ Готы — народ германского происхождения, пришедший из Скандинавии и осевший в I в. н. э. в устье реки Вислы. В первой половине II в. готы соседствовали со славянами на землях Великой Польши, Куявии и Западной Мазовии. Во второй половине II в. двинулись к Черному морю. Там ими было организовано могущественное государство, разрушенное в IV в. гуннами. После исчезновения готов имя их было перенесено «на группы славянского и даже балтийского населения» (см.: Иванов В. В., Топоров В. М. Указ. соч. — С. 20; Strzelczyk S. O Gotach na ziemiach polskich//Zapiski historyczne. — Toruń, 1979.—Т. XLIV. — З. 3. — Р. 157—167). В результате сходства в звучании уже историк готов Иордан (VI в.) путал их с гетами — фракийским племенем, в античности обитавшим на Балканах. Винцентий Кадлубек, а за ним и автор Великопольской хроники называют «готами» и «гетами» пруссов (Ванасzkiewicz J. Teoria etymologii lu-

dowej a średniowieczne etymologizowanie//KH. — 1974. — Т. 81. — S. 593—600).

³⁷ Так автор хроники называет полуостров Скандинавия и остров Готланд.

³⁸ Аттила — вождь племени гуннов, от которого якобы, согласно сообщениям венгерских источников XII, XIV вв., ведет начало династия Арпадов (De Boor H. Das Attilabild in Geschichte. Legende und heroische Dichtung. — Bern, 1932; Macarthy C. A. The Origin of the Hun Chronicle and Hungarian Historians. — Oxford, 1953. — P. 141; История Венгрии/Отв. ред. В. П. Шушарин. — М., 1971. — Т. I. — С. 275).

³⁹ Вандалы — восточногерманские племена, которые в I—III вв. населяли территорию от Одры до Дуная.

⁴⁰ Гунны — азиатские кочевники тюркского происхождения, появившиеся во II—III вв. на границе Европы и Азии. В IV в. после завоевания Готского государства основали собственное многоэтническое государство между Волгой и Днестром. В начале V в. занимали территорию от Кавказа до Лабы, куда входила, видимо, и часть территории Польши. Стремилась к подчинению славян (антов). Вождь гуннов Аттила захватил Паннонию и западную часть Римской империи. После смерти Аттилы в 454 г. государство гуннов распалось в результате бунта германских племен (Altheim E. Geschichte der Hunnen. — Berlin, 1969—1975).

⁴¹ В результате сходства в произношении в раннем средневековье отождествлялись этнические названия гуннов и венгров «Hunni — Hungari». Вкранами хронист называет их от реки Вкра, усматривая аналогию в написании: Vcra, Ucra, Uchra. Отсюда Uchri (ср. русск. угры). В действительности название вкраны относилось к одному из западнославянских племен, родственному полабским велетам (MPH. NS. — Т. VIII. — P. 134. — Przyp. 43; Strzelczyk J. Wkrzanie//SSS. — 1977. — Т. VI. — Cz. 2. — S. 510—512).

Глава 1

¹ В пользу исторического существования Крака высказывается К. Шляский (Ślaski K. Wątki historyczne... — S. 24; Иванов В. В., Топоров О. Н. Указ. соч. — С. 38).

² Этимология и топографические данные Кракова встречаются только в Великопольской хронике. Латинское слово «castrum» — в тексте переводится как «крепость».

³ Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.), сын македонского царя Филиппа II, знаменитый полководец и государственный деятель. Чтобы утвердить читателей в мнении о древности правящей династии, хронист намеренно делает легендарных предков поляков современниками героев античности. На страницах памятника встречаются Александр Македонский, Юлий Цезарь, Красс.

⁴ Автор приводит легенду малопольского цикла о Ванде. Добавлением к рассказу Кадлубка о Ванде является сообщение автора Великопольской хроники о гибели Ванды в Висле (Kumaniecki K. Podanie o Wandzie w świetle źródeł starożytnych//Pamiętnik literacki. — 1925—1926. — N 22—23. — S. 47 п.).

Глава 2

¹ Лешек I, Лешек II (см. гл. 3), Лешек III (см. гл. 4) — легендарные польские князья, впервые упомянутые в хронике Кадлубка. В Великопольской хронике литературные жизнеописания

этих князей значительно расширены (Grabski A. Polska w opiniach obcych X—XIII w. — Warszawa, 1964. — S. 30; Gieysztor A. Leszek I, II, III//SSS. — 1967. — Т. III. — S. 48—49).

Глава 4

¹ В действительности Красс — римский полководец (I в. до н. э.), сам воевал с парфянами и был убит.

² Имена легендарных сыновей Лешка III не являются полностью вымышленными. В большинстве случаев они имеют соответствие, хотя и не точные, среди правителей велецких, ободрицких, сербских и прочих земель. Им подвластные территории хронист распределяет сообразно своим представлениям о разделе Поморья и Западной Славении в XIII в. Таким образом, права поляков на славянские земли приобретают историческую основу.

³ Такой текст содержится в рукописи Виляндовской.

Глава 6

¹ Ср. описание внешности русского князя Святослава у византийского историка Льва Диакона: имел на «голой» голове «локон волос, означающий знатность рода» (Leonis diaconi Caloensis historiae libri decem/Ed. C. V. Nasii. — Вонпае, 1828. — Lib. IX, IX; История Льва Диакона Калойского. — Спб., 1820. — Кн. IV. — Гл. 11. — С. 97).

² Существует мнение, что в таком объяснении имени Хотышко (Chosziszko) и кроется разгадка прозвища Помпилиуша, образованного, возможно, от слова *chwost* (хвост) (Potkański K. Jeszcze o Piaście//КН. — 1900. — Т. 14. — S. 3).

Глава 7

¹ Упоминания о Пясте — основателе династии польских князей — впервые встречаются в хронике Галла (Галл. — Кн. I. — Гл. 2). Исследователи еще не пришли к единому мнению, является ли Пяст исторической или легендарной личностью. Пястовской княжеская польская династия была названа лишь в конце XVII в. силезскими учеными (Łowmiański H. Dynastia Piastów. — Początki państwa polskiego — Księga Tysiąclecia. — Poznań, 1962. — Т. I. — S. 112—122; Gieysztor A. Piast//SSS. — Т. IV. — S. 70—71).

Глава 8

¹ Хронист приводит народное толкование. По мнению лингвистов, первая часть имени Земовит (Semouitus) восходит к праславянскому и старославянскому *sem*, *semъja* (семья; лат. *persona*), а вторая — к общеславянскому *vit* (хозяин, владелец; лат. *dominus*) (Zierhoffer K. Siemowit//SSS. — Т. V. — S. 169). Об этимологии имени Земовит см.: Taszycki W. Najdawniejsze polskie imiona osobowe/Rozprawę i studia polonistyczne. — Wrocław, 1958. — Т. I. — S. 59.

² Речь идет о князе Болеславе Храбром.

³ Кашубией в XIII в. называли Западное Поморье. Это подтверждают данные Великопольской хроники, где Кашубия перечисляется среди западнопоморских земель, выделенных легендарным сыновьям Лешка III, а также встречается в титулатуре западнопоморских князей Богуслава, Барнима и Варцислава (Sulowski L. Kaszubi... — S. 391).

⁴ Вероятно, имеется в виду Якса из Копаниц, княжество ко-

того в 1127 г. стало ленным владением Польши. В хронике идентифицирован с Яксой из Мехова. (Sułowski Z. Jaksza//SSS. — Т. II. — Cz. II. — S. 309; Мыслиньский К. Бранденбург, крестоносцы и потеря Польшей Западного Поморья//Польша и Русь. — М., 1974. — С. 116—117; см. примеч. 2 к гл. 32).

⁵ Вроцислав (Варцислав), Пшибыслав и Одон — имена поморских и ободрицких князей, правящих в XIII в. (см. примеч. 2 к гл. 4).

⁶ Древина — территория княжества Гольштейн.

⁷ Пшемыслав — скорее всего хронист имеет в виду Пшибыслава, племянника Яксы из Копаниц, правившего в соседней Бренне-Бранденбурге — столице Стодоранского государства, расположенного на славянской территории между Лабой и Одрой. В 50-х годах XII в. Бранденбург был захвачен маркграфом Альбрехтом Медведом (см.: Мыслиньский К. Указ. соч. — С. 120). Бранденбург — Згожеlec — интересный пример этимологического истолкования географических названий. Бранденбург, образованный от нем. Brand (пожар) и Burg (крепость), автор хроники отождествляет с польским названием Згожеlec, которое по своей этимологии идентично Бранденбургу (MPH. NS. — Т. VIII. — P. 138. — Przur. 81, 83).

⁸ Округ.

⁹ Вышимир (Висмар) — город на реке Травне, а не на берегу моря, как ошибочно считает автор.

¹⁰ Нищенствующий монашеский Орден братьев проповедников, основанный испанским монахом Домиником (де Гусман), был утвержден в 1216 г. папой Гонорием III и быстро распространил орденские дома по всей Европе (см.: Щавелева Н. И. Киевская миссия польских доминиканцев//Древнейшее государство на территории СССР: Ежегодник, 1982. — М., 1984. — С. 139—146).

Глава 9

¹ Лешек IV — польский князь, упомянутый впервые в хронике Галла (Галл. — Кн. I. — Гл. 3). Предполагают, что Лешек IV правил в начале X в. (Gieysztog A. Leszek//SSS. — Т. III. — S. 49).

Глава 10

¹ Мешко I (ок. 922—992) — первый польский князь, о котором есть сообщение в иностранных источниках (Kronika Thietmara/Wyd. M. Jedlicki. — Poznań, 1953. — L. II. — С. 14, 29; L. IV. — С. 11; Видукинд Корвейский. Деяния Саксов/Пер., комм. Г. Э. Санчука. — М., 1975. — С. 118, 120, 191, 192).

² Здесь и далее не совсем точные сведения. Дубровка (ум. 977) была не сестрой, как сообщает автор, а племянницей чешского князя Вацлава (ум. 971/972) и дочерью его младшего брата Болеслава I Жестокого (935—967). Прибыла в Польшу в 965 г.

³ Крещение Польши произошло в 966 г.

⁴ Болеслав Храбрый родился в 966/967 гг.

⁵ Первый епископ Иордан прибыл в Польшу в 968 г. (Labu da G. Rocznik poznański//StZ. — 1958. — Т. 2. — S. 102 п.).

Глава 11

¹ Болеслав I Храбрый (Великий) (966/967—1025), сын Мешко I, князь польский с 992 г., коронован в Гнезно в 1025 г.

² Автор не случайно отсылает читателя к хронике Кадлубка, в

которой сообщения о военных походах Болеслава изложены более подробно (Magistri Vincentii Chronicon Polonorum/Ed. A. Bielowski//МРН. — Т. II. — Р. 277—281, 778—829).

³ О подати «строжа» см. примеч. 3 к гл. 65.

⁴ Солава — хронист, видимо, имеет в виду Заале (Saale), левый приток средней Эльбы.

⁵ Автор ошибается. Болеслав Храбрый умер 17/VI 1025 г.

⁶ Оттон III Рыжий (980—1002), сын Оттона II, король германский в 983—1002 гг., император в 996—1002 гг.

⁷ Св. Адальберт — каноническое имя Войтеха, пражского епископа с 982 г. В конце 996 г. по приглашению Болеслава Храброго Войтех прибыл из Чехии в Польшу. В 997 г. он был отправлен польским князем в качестве миссионера в Пруссию, где погиб в этом же году. Канонизирован в 999 г. День св. Адальберта — 23 апреля (K a g w a s i Ń s k a S. Wojciech — Adalbert//Hagiografia polska. — Poznań, 1973. — Т. 2. — S. 572—589).

⁸ Автор ошибается. Сын Болеслава Мешко женился в 1013 г. на Риксе, дочери палатина лотарингского Эццо и сестры императора Оттона II Матильды.

⁹ В 1000 г. император Оттон III посетил Гнезно. Это событие получило название «гнезненского съезда», на котором была основана первая митрополия. Решающим обстоятельством в ее организации послужил культ св. Адальберта. Образование гнезненского архиепископства явилось первым шагом к обособлению Древнепольского государства от Германской империи (L u d a t H. An Elbe und Oder um das Jahr 1000. — Köln — Wien, 1971; K o s s m a n n O. Deutschland und Polen um das Jahr 1000//ZfOF. — 1972. — N 21; К о р о л ю к В. Д. О последнем периоде правления Болеслава Храброго//Славяне и восточные романсы в эпоху раннего средневековья. — М., 1985. — С. 115).

¹⁰ Хронист допускает неточность. В 1018 г., когда Болеслав Храбрый вошел в Киев, Золотые ворота еще не были сооружены. Галл вспоминает о Золотых воротах, описывая события 1069 г., когда в Киев входил Болеслав Смелый (Г а л л. — Кн. I. — Гл. 23). Упоминание о таком же случае применительно к Болеславу I можно считать результатом положенной в основу пересказа событий путаницы в устной традиции (G u m o w s k i M. Szczerbiec — polski miecz koronacyjny//Małopolskie Studia Historyczne. — 1959. — N 2. — Z. 2—3. — S. 7—18; K ũ r b i s ó w n a B. Inskrypcje w Polsce//SSS. — Т. II. — S. 273 п.).

Глава 12

¹ Мешко II Ламберт (990—1034), младший сын Болеслава I, король польский с 1025 г.

² Казимир I Восстановитель (1016—1058), сын Мешко II, князь польский с 1034 г. В 1037 г. был изгнан из Польши, возвратился в 1039 г.

³ Автор ошибается на один год. Мешко II умер в 1034 г.

⁴ Исследователи подвергают сомнению версию о существовании у Мешко II сына — некоего Болеслава Забытого и предполагают, что в данном случае хронист отождествил Болеслава с Беспримом — сыном Болеслава Храброго и братом Мешко II. (Kętrzyński S. Kazimierz Odnowiciel//RAUhf. — 1899. — N 38. — S. 295 n., 366 n.; Wędzki A. Bolesław Mieszkowic, zwany Zapomnianym//SSS. — Т. I. — S. 146).

⁵ После смерти Болеслава Храброго внутренние конфликты 20—

30-х годов (бунт духовенства, народные антифеодалные восстания) осложнились внешнеполитическими неудачами. Поход в 1018 г. на Киев сделал Русь наряду с империей, Чехией и Венгрией одним из главных врагов Польши. Нападение войск Бржетислава Чешского I в 1038/39 г. на Гнезно и присоединение им к Чехии Силезии с Вроцлавом поставили под угрозу существование Польского государства (см.: Корольюк В. Д. Древнепольское государство.— М., 1952. — С. 165; Grundziński T. Kryzys polskiej monarchii wczesnofeudalnej w świetle ostatnich badań//Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu. — 1966. — Z. 20. — S. 17—35).

⁶ Орден бенедиктинцев был основан «отцом западного монашества» св. Бенедиктом Нурсийским в конце V в. Монашеское братство в ордене объединялось в отряды воинства Христового, каждый воин которого давал обет послушания, целомудрия, молчания и смирения (см.: Карсавин Л. Г. Монашество в средние века. — СПб., 1918. — С. 21—29).

⁷ Несомненно, что упоминание о нашествии монголо-татар связано с событиями XIII—XIV вв., о которых повествуют многочисленные польские анналы. До этого времени никаких походов монголо-татар на Польшу не было. Вероятно, сообщения анналов и дали повод хронисту назвать варварские племена, окружавшие Польшу, татарами.

⁸ Пожалование.

⁹ Германская империя, воспользовавшись тяжелым положением в стране, оказала помощь Казимиру, рассчитывая тем самым втянуть польских князей в ленную зависимость.

¹⁰ Автор ошибается. Женой Казимира I в действительности была сестра или, по мнению некоторых исследователей, дочь киевского князя Ярослава Мудрого. Брак был заключен в 1039 г. (ПСРЛ. — Л., 1926—1928. — Т. I. — Стб. 154—155). Рочник краковского капитула в статье 1087 г. сообщает о смерти жены Казимира, называя ее Добронегой (MPH. — Warszawa, 1961. — Т. II. — P. 796). Имя Мария появилось впервые в письме папы римского Бенедикта IX, затем было отмечено рядом польских анналов и Великопольской хроникой. Исследователи считают, что это второе имя Добронегы получила в Польшу (см.: Линниченко И. Русь и Польша до конца XIV в. — Киев, 1884. — Т. I. — С. 49; Semkowicz W. Krytyczny rozbiór dziejów polskich Jana Długosza. — Kraków, 1887. — S. 115). Этот брак, о котором сообщали и Галл (Галл. — Кн. I. — Гл. 19.) и немецкий хронист (A p p a l i s t a S a x o. Chronicon/Ed. G. Waitz//MGH. SS. — Hannoverae, 1849. — Т. VI. — P. 683), явился важным дипломатическим шагом, значение которого было необычайно велико для Древнепольского государства. Зависимость от империи, чешско-поморянская коалиция — все это вынуждало Казимира искать помощь извне. Исследователи предполагают, что жениху предшествовал польско-русский договор, по которому Ярослав Мудрый обязывался оказывать военную поддержку будущему зятю в овладении всеми уделами Польши (см.: Корольюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь. — М., 1964. — С. 298—308).

¹¹ Рукописи дают разное чтение этого имени (MPH. NS. — Т. VIII. — P. 143. — Przur. 133). Вероятно, Мечислав (Мецлав) (ум. 1047) был при Мешко II комитом в Мазовии. Известно, что Ярослав Мудрый оказал значительную помощь Казимиру, организовав несколько походов на Мазовию. В результате последнего в

1047 г. Мецлав был разгромлен, и Мазовия вновь вошла в состав Пястовского государства (см.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. — М., 1968. — С. 29—40; ПСРЛ. — Т. I. — Стб. 155; см. также: Bieniak J. Państwo Mieclawa. Warszawa, 1965. — S. 67; Urbańczuk S., Beniak J. Mieclaw//SSS. — Т. III. — S. 247; Руссоцкий С. Мазовецкая государственность в период феодальной раздробленности (XIII—XVI вв.)//Польша и Русь. — С. 157).

¹² Даки — северофракийские племена, родственные гетам.

¹³ Древнерусские источники свидетельствуют об обратном. Отряды русских были посланы Ярославом Мудрым на помощь Казимиру (ПВП. — Ч. I. — С. 104).

¹⁴ Стихи заимствованы из хроники Винцентия Кадлубка (Mistrz Wincentego Kronika Polska/Przetł K. Abgarowicz i B. Kurbis; wstęp i komęt. B. Kurbis. — Warszawa, 1974. — S. 100—112; МРН. — Т. II. — P. 288—289).

Глава 13

¹ Болеслав Смелый, или Щедрый (1039—1081), князь польский с 1056 г., коронован в 1076 г.

² О вступлении Болеслава II Смелого в Киев в 1069 г. сообщают как польские, так и русские источники. Целью похода было водворение на киевском столе князя Изяслава Ярославича, изгнанного братьями. Болеслав, поддерживая родственника (киевский князь был женат на Гертруде, сестре Казимира Восстановителя), хотел иметь во главе Древнерусского государства союзного князя (ПСРЛ. — Т. I. — Стб. 173; Янин В. П. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк//Нумизматика и эпиграфика. — 1963. — Т. 4. — С. 142—164; Пашуто В. Т. Внешняя политика... — С. 40—43).

³ Сообщение о двух частях Руси является отражением исторической ситуации XIII в. Автору хроники Русь представляется разделенной, видимо, на две части: на «самую Русь» (это Киев и подвластные ему княжества) и Русь, охватывающую остальные уделы Древнерусского государства.

⁴ Ни один источник, кроме Великопольской хроники, не сообщает о гибели какого-либо русского князя в сражении с Болеславом Смелым.

⁵ Имеется в виду Изяслав Ярославич (1024—1078), сын Ярослава Мудрого, князь турово-пинский, новгородский; великий князь киевский в 1146—1149, 1150 и 1151—1154 гг.

⁶ Соломон (Шаломон) (ум. 1187), сын короля Андрея I (Эндрю), король Венгрии в 1063—1074 гг. Боролся со своим дядей Белой I и его сыновьями за трон, используя помощь императора Генриха IV, на сестре которого был женат. Против Соломона выступал Болеслав Смелый, поддерживающий антигерманскую коалицию Белы I. Польский князь помог сыновьям Белы I Гезе (в 1063 г.) и Владиславу (Ласло) Святому (в 1077 г.) обрести власть в Венгрии (см.: История Венгрии. — Т. I. — С. 124—125).

⁷ Речь идет о Вратиславе II, чешском короле в 1061—1092 гг. Все сообщение заимствовано у Кадлубка, который не знал имени чешского короля, но сравнивал его со львом (МРН. — Т. II. — P. 293). Автор принял сравнение за имя короля.

⁸ Неизвестно, какую именно реку имел в виду хронист.

⁹ Это предложение содержится в рукописях Оттобонянской, Вроцлавской, Сенявской, Виляновской.

¹⁰ Такое чтение предлагают рукописи Королевская, Сендзивоя, Станислава Августа.

Глава 14

¹ Станислав, епископ краковский в 1072—1079 гг., канонизирован в 1253 г. Краковский епископ Станислав был среди зачинщиков заговора краковских вельмож против Болеслава Смелого. После расправы со Станиславом недовольство вспыхнуло с новой силой, и Болеслав вынужден был бежать в Венгрию. Канонизация епископа в середине XIII в. была не только символом объединения Польши, но и идеологическим аргументом в борьбе церкви за независимость от государства.

² Вопрос о виновнике ссоры между Болеславом и краковским епископом Станиславом остается спорным (Drzymała K. Sw. Stanisław biskup Krakowski († 1079) i Bolesław Śmiały Król Polski († 1089) // Studia Historyczne.—1981.—R. XXIV.—Z. 4.—S. 657—667). Относительно места убийства епископа Станислава см.: Kürbis B. Jak czytać najstarsze teksty o św. Stanisławie // Znak. — 1979. — R. XXXI. — S. 322; Witkowska A. Wawel i Skałka // Znak. — 1979. — R. XXXI. — S. 358—365.

³ Незадолго до канонизации Станислава краковским каноником Винцентием из Кельц были составлены два жития св. Станислава: так называемое Меньшее (Vita minor) ок. 1242 г. и Большое (Vita maior) ок. 1260 г. (MPH. — Т. IV. — Р. 238—438).

⁴ Владислав (Ласло) Святой (ум. 1095), сын короля венгерского Бела I, двоюродный брат Болеслава Смелого, король венгерский с 1077 г.

⁵ Болеслав Смелый умер в 1081 г. (MPH. — Т. II. — Р. 796).

⁶ В хронике Галла Анонима также сообщается о возвращении Мешко на родину и, кроме того, добавлен рассказ о женитьбе на русской девушке, пышной свадьбе и скорой смерти юного Болеслава (Галл. — Кн. I. — Гл. 29). Во многих польских рочниках свадьба датируется 1088 г. (MPH. — Т. II. — Р. 773, 796, 874). В хронике Яна Длугоша сообщается, что невестой Мешко была Евдокия, сестра Святополка, великого киевского князя в 1093—1113 гг. (Joannis Dlugossii Historiae libri XII/Ed. A. Przewdziecki.—Cracoviae, 1873. — Т. I. — Р. 397 (Далее — Dlugossii)).

Глава 15

¹ Владислав I Герман (1040—1102), младший сын Казимира I Восстановителя, князь польский с 1079 г.

² Ламберт, епископ краковский в 1082—1101 гг.

³ Болеслав III Кривоустый (1085—1138), князь польский с 1102 г.

⁴ Матерью Болеслава была Юдита, дочь чешского короля Вратислава II.

⁵ Владислав вторично был женат на дочери, а не на сестре императора Генриха III, по имени Юдита — Мария (ум. 1110). Брак был заключен в 1089 г. (Balzer O. Genealogia Piastów. — Kraków, 1895. — S. 104—106).

Глава 16

¹ Збигнев (ок. 1070—1111), старший сын Владислава I Германа (Trawkowski S. Poczet Królów i Książąt polskich. — Warszawa, 1978. — S. 72—78).

² Исследователи полагают, что вначале мачеха отослала Збиг-

нева в один из монастырей в Саксонии, возможно, в Кведлинбург, где княжила ее сестра. Вероятно, сообщение о пребывании его «в пределах Чехии» связано с представлениями хрониста о тесной дружбе и союзнических договорах Збигнева с чехами (Balzer O. Genealogia... — S. 116; MPH. NS. — T. VIII. — P. 145. — Przur. 156; Labuda G. Zbygniew//SSS. — 1982. — T. VII. — Cz. I).

³ По предположению исследователей, Магнус — польский вельможа из рода Повалов. В 1109 г. был палатином мазовецким (Галл. — Кн. II. — Гл. 4, 49).

⁴ Так автор называет Бржетислава II, который в 1092—1100 гг. был чешским князем.

⁵ Сецех — начальник польского рыцарства, могущественный воевода, опекун Болеслава Кривоустого. В источниках имя Сецека неоднократно связывается с именем Юдиты, жены Владислава I Германа. Очевидно, их объединяли общие интересы. Возможно, что Сецех хотел захватить княжескую власть (Lompiński H. Dynastia Piastów. — S. 142 п.; Шавелева Н. И. О княжеских воспитателях в Древней Польше//Древнейшие государства на территории СССР: Ежегодник, 1985. — М., 1986. — С. 125).

⁶ Тимпан — музыкальный инструмент наподобие бубна и тамбурина.

⁷ Ovidius. Metamorphoses, I, 148.

⁸ Каштеляния — основная территориальная единица административного управления в Польше. Центром ее был город-крепость (gród, castrum, castellum). Во главе каштелянии стоял управляющий (castellanus, comes castellanus), называемый каштеляном (после XIII в. — старостой).

⁹ Земельные владения каноников.

¹⁰ Область, на которую распространялась юрисдикция епископа.

Глава 18

¹ Санток — крепость у слияния рек Нотеци и Варты. Издавна была предметом спора между князьями Западного Поморья, Великой Польши и Силезии. Завоевание Сантока открывало дорогу к овладению соседними малозаселенными территориями. Свидетельства хроники (гл. 77, 82, 146) иллюстрируют историю этой борьбы, закончившейся в итоге победой бренденбургских маркграфов (Olejnik K. Obrona polskiej granicy zachodniej (1138—1358). — Poznań, 1970. — S. 134 п.; Мыслинский К. Указ соч. — С. 123 и сл.).

² Столкновение Болеслава Кривоустого с поморянами датируется 1102 г. (MalecZYński K. Bolesław Krzywousty. — Kraków, 1946. — S. 37 п.).

³ Святополк II (ум. 1109), сын Оттона I и дочери венгерского короля Белы, князь моравский, оломоуцкий, князь чешский в 1107—1109 гг. (Balzer O. Genealogia... — S. 120—121; MalecZYński K. Bolesław Krzywousty. — S. 32 п.). Вероятно, хронист путает имена чешских князей. Во время описываемых событий в Чехии еще княжил Борживой (в 1100—1107) который, по данным чешской хроники, тоже поддерживал Збигнева (см.: Козьма Пражский. Чешская хроника/Под ред. Г. Э. Санчука. — М., 1962. — Кн. III. — Гл. 16).

⁴ Автор ошибается. Сбыслава, жена Болеслава Кривоустого, была дочерью великого князя киевского Святополка, а не короля Галлии (ПСРЛ. — Т. I. — Стб. 276). Свадьба Болеслава датиру-

ется 1102—1103 гг. Этот брак был необходим польскому князю, Болеслав III, правивший после смерти отца малопольскими землями и Силезией, должен был для завоевания полной власти преодолеть сопротивление своего брата Збигнева и, кроме того, устранить угрозу со стороны Германии и поморян. Союз с великим киевско-волыньским князем должен был помочь Болеславу занять главенствующее положение в стране и укрепить международное положение государства. Русский князь также преследовал определенную выгоду, отдавая дочь в Польшу. Его давно беспокоили перемышльские князья — мятежные Ростиславичи, враждебные также и Болеславу. К тому же Святополк надеялся получить помощь у западного соседа в борьбе против своего давнего соперника Владимира Мономаха, князя переяславского и туровского, с которым были связаны Ростиславичи (Włodarski B. Ruś w planach politycznych Bolesława Krzywoustego // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu M. Kopernika. — Toruń, 1966. — Z. 20. — S. 41).

⁵ Скарбимир, из рода Авданыцев, воспитатель и палатин Болеслава Кривоустого (см.: Щавелева Н. И. О княжеских воспитателях. — С. 126).

⁶ Песнь Песней, 8, 6.

⁷ Этот поход датируется исследователями 1107 г. (Malec-zyński K. Bolesław Krzywousty. — S. 97).

Глава 19

¹ Козлы — крепость в Силезии на Одре.

² Трудно с достоверностью установить, правителей каких именно народов приглашал Збигнев. Польские хронисты дают разные сведения. В Хронике Галла, где излагается этот эпизод (Галл. — Кн. II. — Гл. 36), Збигнев приглашает только чехов и поморян. В Хронике Винцентия Кадлубка указываются еще и германские князья (МРН. — Т. II. — Р. 318). Автор Великопольской хроники вместо поморян упоминает правителей Моравии.

Глава 20

¹ Ovidius. Epistolae ex Ponto, I, 2, 121.

² Seneca. Thyestes, 311.

³ Белгард (Белград) — город в Поморье. В 1108 г. был осажден Болеславом Кривоустым (Labuda G. Historia Pomorza. — Poznań, 1969. — Т. I. — Cz. I. — S. 302).

⁴ Автор Великопольской хроники значительно расширил западнопоморские территории, завоеванные Болеславом Кривоустым. Винцентий Кадлубек упоминает о подчинении жителей только Колобжега (МРН. — Т. II. — Л. III. — С. II. — Р. 331).

⁵ Сюжет о завоевании Александром Македонским амбров и сикамбров в Индии заимствован Кадлубком, которого повторяет автор Великопольской хроники, у Юстина (МРН. — Т. II. — Л. III. — С. II).

Глава 21

¹ Имеется в виду Генрих V (ум. в 1125), король германский в 1106—1111 гг., император в 1111—1125 гг.

² Коломан (Кальман) I, король венгерский в 1095—1116 гг. С ним Болеслава III связывал дружественный договор 1105 г., направленный против Германии и союзной ей Чехии, где в то время (в 1101—1107 гг.) правил князь Борживой (об этом см.:

Галл. — Кн. II. — Гл. 46; Пашуто В. Т. Внешняя политика... — С. 46).

³ *Horatius. Epistolae*, I, 18, 84—85.

⁴ Событие датируют 1108 г.

Глава 22

¹ Гнемовир (ум. 1108/09), князь принотецких поморян. После крещения в 1108 г. был назначен Болеславом Кривоустым правителем города Чарнкова (*Wachowski K. Słowiańszczyzna zachodnia. — Poznań, 1950. — S. 210 n.*; *Labuda G. Historia Pomorza. — T. I. — Cz. I. — S. 298; МРН. NS. — Т. VIII. — Р. 148. — Przur. 188*).

² Велень — крепость на реке Нотець, на границе с поморянами. Была захвачена Болеславом в 1108 г. (Галл. — Кн. II. — Гл. 48). Автор хроники часто путает эту крепость с другой — Волином (МРН. NS. — Т. VIII. — Р. 148. — Przur. 189).

Глава 23

¹ Мартин, архиепископ гнезненский в 1092—1118 гг.

² Спицимеж — город в Серадзском воеводстве на реке Варте (*Kamińska J. Grody wczesnośredniowieczne w Polsce środkowy. — Łódź, 1953. — S. 210 n.*).

³ *Vergilius. Aeneis*, VIII, 224.

Глава 24

¹ Накло — крепость на реке Нотець, опорный пункт борьбы поморян с Болеславом Кривоустым.

Глава 25

¹ Речь идет об императоре Генрихе V (см. примеч. 1 к гл. 21).

² Бытом — каштелянская крепость на Одре, на границе Великой Польши и Силезии.

³ Глогов — крепость на Одре в 25 км выше Бытома. По хронике Галла, Болеслав ожидал сражения с императором у Глогова с небольшим войском, откуда «...отправлял гонцов за своими, за русскими и паннонцами» (Галл. — Кн. III. — Гл. 4). В Великопольской хронике же поляки обходятся без посторонней помощи.

⁴ Такой текст от слов «*et nisi infra dies*» до слов «*[Glogovienses punciat]*» (в русском переводе соответствует абзац со слов «...и требует от граждан...» до слов «...ради получения отсрочки») содержится в рукописях Оттобоньянской, Королевской, Сендзвоя, Станислава Августа, Вроцлавской и Сенявской. От слов «*et quasi*» до слов «*remedio punciat*» приводится текст, содержащийся в рукописи Виляновской (МРН. NS. — Т. VIII. — Р. 36). В переводе соответствует абзац со слов «*[глоговяне сообщают]*» до слов «ради получения отсрочки».

⁵ Песье Поле — место на берегу Видавы, близ Вроцлава. Как место сражения поляков с германскими войсками отмечено впервые в хронике Винcentия Кадлубка (МРН. — Т. II. — Р. 349; см. также: *Maleczyński K. Wojna polsko—niemiecka. — Wrocław, 1946. — S. 30*).

Глава 26

¹ Речь идет о Святополке II (см. прим. 3 к гл. 18).

² Святополк был убит 2/IX 1109 г.

¹ Будивой (Борживой) (ум. 1123), сын Вратислава II, князь чешский в 1101—1107 гг. В 1107 г. был изгнан Святополком II, но в 1109 г. при поддержке Болеслава Кривоустого вновь занял Прагу и Вышеград.

⁴ Младший брат Борживоя Владислав I (1065—1125) благодаря содействию императора Генриха V в 1110 г. одержал победу над Борживоем. Последний был не убит, как сообщает хронист, а захвачен в плен и вывезен в Германию, откуда возвратился лишь в 1118 г. В 1117/20 гг. был соправителем Владислава II в Чехии (Nový R. Přemyslavský stát 11. a 12. století. — Praha, 1972. — S. 17—18).

⁵ Хронист преувеличивает. На самом деле Болеславу удалось в 1111 г. добиться у Владислава лишь выделения удела для младшего брата Борживоя Собеслава, который с 1107 г. находился в Польше. Княжил Собеслав в 1125—1140 гг. (Gąsiorowski A. Sobiesław I//SSS. — T. V. — S. 323—324).

Глава 27

¹ Имеется в виду Петр из рода Лабендзов, известный воевода Болеслава III, силезский палатин. В одной из рыцарских повестей указывается, что этот род выводил свою ветвь из Дании. Однако эти сведения малодостоверны. Часть этой легенды и представлена автором хроники (Friedberg M. Ród Labędziów//Rocznik Towarzystwa Heraldycznego. — 1926. — R. 7. — S. 7 n.; Plezia M. Srednioweczne podania i legendy o Piotrze Włascie//Przegląd Współczesny. — 1939. — R. 18. — N 4. — S. 104—123; Idem. Palatin Piotr Włostowicz. — Wrocław, 1947).

² Вряд ли это событие имело место в действительности. В 1129—1130 гг. Болеслав Кривоустый был союзником Дании в борьбе против Германской империи. Б. Кюрбис полагает, что сообщение о покорении королевства данов навеяно хронисту рассказом Кадлубка о захвате русского князя Володаря и получении огромных сокровищ в качестве выкупа за него (Kürbis B. Dziejopisarstwo wielkopolskie XIII i XIV wieku. — Warszawa, 1959. — S. 148). В польских рочниках указывается другая дата путешествия Болеслава через море — 1123 г. (MPH. — T. II. — P. 832, 874; Lwów, 1878. — T. III. — P. 152 n.; Wojciechowski Z. Przeszedł przez morze//PZ. — 1945. — N 1. — S. 153—170).

³ Автор ошибается. В действительности Великим звали другого Петра, кувявского палатина.

⁴ В 1117 г. Петр Властович женился на сестре или близкой родственнице Сбыславы Святополковны (см. примеч. 4 к гл. 18; Wasilewski T. Piotr Włostowicz//SSS. — T. IV. — Cz. I. — S. 113).

⁵ Об этом союзе см. примеч. 4 к гл. 18.

⁶ Владислав II Изгнанник (1105—1159), старший сын Болеслава Кривоустого, князь польский в 1138 г.

⁷ Автор ошибается. Вторично Болеслав был женат на дочери графа Бергского Генриха, а не императора Генриха V. Брак был заключен в 1114/15 гг. (Labuda G. Uzupełnienie do genealogii Piastów w szczególności śląskich//Sobótka. — 1966. — T. 17. — Z. 1. — S. 7—9).

⁸ Болеслав IV Кудрявый (1125—1173), князь мазовецкий и кувявский с 1138 г., силезский и краковский с 1146 г.; Мешко III Старый (ок. 1126—1202), великопольский князь с 1138 г., краковский с 1173—1177, 1191, 1198—1202 гг.; Генрих Сандомирский

(1127/31—1166), князь сандомирский в 1138 и 1146 гг.; Казимир Справедливый (1138—1194), князь сандомирский и краковский; мазовецкий и куявский с 1186 г.

⁹ Свадьбу дочери Болеслава с венгерским королем многие польские анналы датируют 1123 или 1136 г. (МРН. — Т. II. — Р. 822; Т. III. — Р. 152). О. Бальцер полагал, что была лишь помолвка с Гезой II сыном Бельи II (Balzer O. Genealogia... — S. 171—180).

¹⁰ Отсюда и далее, говоря о Галиции, автор переносит события на начало XIII в. После долгих споров и борьбы Польши с венграми за господство над Галицкой Русью на Спишском съезде был заключен мирный договор между Лешком Белым и венгерским королем Андреем II. По условиям соглашения последний получил западную часть Галицкого княжества. Результатом договора стал брачный союз между детьми польского и венгерского королей: трехлетней Саломей, дочери Лешка Белого, и восьмилетнего Кальмана, сына Андрея. В 1215 г. Кальман был коронован как король Галича. После его изгнания из Руси Саломея до 1241 г. жила в Венгрии, а в 1245 г. вступила во францисканский орден св. Клары (Пашуто В. Т. Внешняя политика... — С. 348—350).

¹¹ Спишь (Сепеш) в XI в. принадлежала Польше, в начале XII в. попала под влияние венгров и вернулась к Польше лишь в 1412 г. Другие памятники не содержат свидетельств о передаче Болеславом (или другим польским владетелем) спишской каштелянии венграм. Данное утверждение Великопольской хроники можно расценить лишь как попытку автора объяснить происхождение власти королей Венгрии над Сепешем — областью, которую польский хронист считал первоначально принадлежавшей польским владетелям.

Глава 28

¹ Володарь Ростиславич (ум. 1124), князь перемышльский с 1092 г. Был давним врагом Ярослава Святополчица, связанного с домом Пястов кровными узами. Со вступлением на киевский стол Владимира Мономаха положение Ростиславичей улучшилось. Мономах наладил контакты с юго-западными землями Руси и тем самым стал препятствовать контактам Болеслава III и волынского Ярослава, не оставляющего намерения занять киевский стол. Исследователи предполагают, что Владимир Мономах и Володарь Ростиславич содействовали бунту палатина Скарбимира в 1117 г. с тем, чтобы затруднить помощь Ярославу со стороны Польши (Zakrzewski S. Okres do schyłku XII w//Historia polityczna Polski. — Kraków, 1920. — Cz. I. — S. 89; Włodarski B. Ruś w planach politycznych... — S. 48). Русская летопись сообщает о совместном походе Мономаха и Ростиславича на Польшу в 1120 г. (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 286). Болеслав III был обеспокоен ситуацией, создавшейся в Поморье, и готовился к походу на тамошнего правителя Варцислава. Опасаясь оставить Польшу незащищенной перед угрозой нападения перемышльского князя, тем более что в прошлом Ростиславичи были в союзе с поморянами, Болеслав III решил парализовать действия Володаря. Новому палатину Петру Властовичу удалось выкрасть Володаря и перевезти в Польшу (Пашуто В. Т. Внешняя политика... — С. 151).

² Относительно добавления к имени Петра см.: МРН. NS. — Т. VIII. — S. 151. — Przyp. 224.

³ Автор ошибается. Володарь был не владимирским князем, а перемышльским.

⁴ Двустипшие об Икаре, первая строка заимствована из хроники Кадлубка (МРН. — Т. II. — Р. 352).

⁵ В русских летописях (Ипатьевской и Лаврентьевской) этот эпизод отмечен под годом 1122 «и Володаря яша Ляхове лестью Василкова брата» (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 286). О дерзком поступке Петра Властовича есть также сообщение в немецкой хронике швабского Цвифальтенского монастыря, датированное 1135—1140 гг. (MGH. SS. — 1852. — Т. X. — Р. 91), и у немецкого хрониста Герборда в житии Оттона под 1158 г. — (Herbordi Dialogus de Vita S. Ottonis episcopi Babenbergensis/Ed. Wikarjak H.//МРН. NS. — Warszawa, 1974. — Т. VII. — Cz. 3. — Р. 67; Liman K. Dialog Herborda. Ze studiów historyczno—literackich nad biografią Iacińską XII wieku. — Poznań, 1975. — S. 57, 125).

⁶ Владимирко (1104—1153), сын Володаря, князь перемышльский с 1128 г. и галицкий с 1141 г.

⁷ Немецкие источники (см. прим. 5 наст. гл.) и Кадлубек (МРН. — Т. II. — Р. 354) сообщают, что Владимирко отдал громадный выкуп за отца и Володарь был отпущен Болеславом на свободу. Умер Володарь не в Польше, а на Руси в 1124 г., как об этом сообщает русская летопись (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 288—289). Случай отомстить Болеславу представился Владимирко много лет спустя. Галич, где княжил Владимирко, выступил во время войны Польши с блоком Чехии, Венгрии и Австрии (1132—1135) на стороне венгров (см.: Пашуто В. Т. Внешняя политика... — С. 152; Górski K. Stosunki Kazimierza Sprawiedliwego z Rusią//Przewodnik Naukowy i literacki. — Lwów, 1875. — R. 3. — S. 78. — Przur. 2).

⁸ Венгерские источники не содержат данных, которые бы могли помочь идентификации упомянутого «паннонца». Б. Кюрбис склонна видеть в рассказе о «паннонце» отражение фактов помощи Болеслава Кривоустого Борису, сыну Коломана (МРН. NS. — Т. VIII. — Р. 151. — Przur. 228). Следуя в повествовании за сочинением Винцентия, автор Великопольской хроники соединяет события 20-х и 30-х годов, но путает польскую войну 1133—1135 гг. (когда Владимирко выступил на стороне венгров против Болеслава III) и интервенцию 1132 г. в Венгрию, предпринятую в защиту Бориса (см. прим. 4 к гл. 30). Рассказ о Борисе и о войне Болеслава Кривоустого и Белы II 1132 г. содержится в написанных при королях Гезе II (1141—1152) и Иштване III (1162—1172) «Деяниях венгров», сохранившихся в тексте сводной Иллюстрированной хроники XIV в. Об этом памятнике см.: История Венгрии. — Т. I. — С. 274.

Глава 29

¹ Вислица — город на реке Нида в Малой Польше. В XII в. столица небольшого княжества.

² Так начинается легенда о Виславе, Вальтере и Гельгунде, бытовавшая в первой половине XII в. Известные в западноевропейской традиции предания о Вальтере и Гельгунде переплетены в ней с местной легендой о Виславе и вероломной жене (Labuda G. Zródła, sagi i legendy do dziejów Polski. — Warszawa. 1960. — S. 245—298; МРН. NS. — Т. VIII. — Р. 152. — Przur. 230).

³ Автор хроники предлагает читателю видеть в легендарной до-стопримечательности историческую реальность.

⁴ О походе Болеслава на Русь сообщает только хроника Винцентия и заимствующая ее Великопольская (МРН. — Т. II. —

Р. 357—358). Ни в русских, ни в других иностранных летописях это событие не зафиксировано.

Глава 30

¹ Почти все рукописи хроники имеют в этом месте одну букву С. Только в кодексе Домбрувки приведено имя С[olomanidis], что позволяет предполагать здесь сына Коломана.

² Выше уже упоминалось, что для хрониста Русь представлялась разделенной на части (см. примеч. 3 к гл. 13).

³ О Галицком королевстве см. примеч. 10 к гл. 27.

⁴ Исследователи считают, что скорее всего речь идет о Борисе Коломановиче, сыне Коломана II и русской княжны Евфимии, дочери Владимира Мономаха. Он не являлся, как утверждает хронист, зятем Болеслава III, но пользовался его поддержкой. Борис был законным претендентом на венгерский престол, и, когда в 1132—1134 гг. он воевал с Белой II и его союзниками, Болеслав III оказывал ему покровительство. (Розанов С. Евфимия Владимировна и Борис Коломанович//Известия Академии наук. Серия VII. Отделение гуманитарных наук. — Л., 1930. — № 8. — С. 585—599; № 9. — С. 649—671; Флоровский В. Чехи и восточные славяне. — Т. 1. — С. 84—86; Maleczyński K. Bolesław Krzywousty. — S. 159; Włodarski B. Ruś w planach politycznych... — S. 56).

⁵ Ovidius. Metamorphoses, II, 143.

⁶ Двустиише повторено за Кадлубком (МРН. — Т. II. — Р. 360).

⁷ Lukanus. Pharsalia, I, 7.

⁸ Ovidius. Epistolae ex Ponto, II, 3, 53.

⁹ Переводчик хроники Винцентия Кадлубка К. Абгарович перевел слово *originarius* как «холоп». Б. Кюрбис в примечаниях истолковывает это слово в значении «зависимого лица» (Balzer O. Studium o Kadłubku. — Lwów, 1934. — Т. I. — S. 438; Mistrza Wincentego... — S. 166. — Przur. 161).

¹⁰ Книга Царств, I, 2, 8.

¹¹ Сецехов — город на правом берегу Вислы.

¹² По завещанию Болеслава Кривоустого монаршая власть в Польше приобретала форму сеньората или принципата (см. предисловие, с. 19). Хроника дополняет повествование Кадлубка о завещании Болеслава Кривоустого и является вторым древнепольским источником, сообщаящим об этом факте (Labuda G. Testament Bolesława Krzywoustego. — Poznań, 1959. — S. 171—194; Derwich M. Testament Bolesława Krzywoustego w polskiej historiografii średniowiecznej//Acta Universitatis Wratislaviensis. Seria Historiá. — 1980. — N 33. — S. 113—153).

¹³ В польском переводе предлагается понимать в значении «пятого колеса в телеге» (Kronika Wielkopolska. — Warszawa, 1965. — S. 138).

¹⁴ Эти слова имеются лишь в маргиналиях рукописи Сендзивой (МРН. NS. — Т. VIII. — Р. 48).

Глава 31

¹ О Владиславе II см. примеч. 6 к гл. 27.

² Женой Владислава II (с 1120/26 гг.) была Агнешка, дочь маркграфа Австрии Леопольда III Бабенберга, родная сестра германского короля Конрада III, тетка будущего германского императора Фридриха Швабского Барбароссы.

⁸ Трудно с достоверностью установить автора стихотворения. В рукописях Кадлубка этого стиха нет, хотя, по мнению Б. Кюрбис, оно соответствует содержанию 27 главы III книги его произведения. Исследовательница полагает, что автор Великопольской хроники мог пользоваться другими, лучшими экземплярами сочинения Кадлубка, нежели те, что сохранились до нашего времени (Kürbis B. Wstęp do wydania Kroniki Wielkopolskiej//MPH. NS. — Т. III. — Р. XV).

Глава 32

¹ О Петре и его жене см. прим. 4 к гл. 27.

² В действительности Якса из Мехова, малопольский вельможа из рода Грыфитов. Автор хроники ошибочно отождествляет его с западнославянским князем Яксой из Копаниц (Wędzki A. Jaksa z Miechowa//SSS. — Т. II. — Cz. II. — S. 310; Sułowski Z. Jaksa. — S. 309).

³ Регулярные каноники в отличие от светских основывались на особом уставе Августина. Давали три обета: целомудрия, бедности и послушания, а также отказывались от личной собственности.

⁴ Константин, сын Петра Властовича. Сообщение о назначении его комитом в Скржине (Сандомирское княжество) можно считать достоверным, так как там находились поместья рода Лабендзов (Friedberg M. Op. cit. — S. 32, 48—52).

⁵ Речь идет о так называемых Деяниях Петра (Gesta Piotrcopis) — литературном сочинении, смешавшем традиции о Петре Властовиче и о кюявском палатине Петре (Ghronica Petri comitis Poloniae/Ed. M. Plezia//MPH. NS. — Kraków, 1951. — Т. III. — S. XXIII—XXV; см. примеч. 3 к гл. 27).

⁶ Под поляками здесь уже подразумеваются жители Великой Польши.

⁷ Яков, архиепископ гнезненский в 1124—1146 гг.

⁸ Познаньское сражение в 1146 г. было заключительным этапом в столкновении между сыновьями Болеслава III. Исследователи полагают, что именно Владиславу II принадлежала последняя попытка объединить государство, а его поражение окончательно упрочило феодальную раздробленность в Польше (Labuda G. Zabiegi o utrzymanie jedności państwa polskiego w latach 1138—1146//КН. — Warszawa, 1959. — Р. 66. — N 4. — S. 1169). Владислав неоднократно обращался к помощи русских, в частности черниговских князей, которым и сам выделял вспомогательные отряды в их борьбе за киевский стол (ПСРЛ. — Т. I. — Стб. 312. Т. II. — Стб. 318). О познаньском походе 1145 г. русские летописи не упоминают, но зато подтверждение этому сообщению встречается в чешской хронике Винцентия (FRB. — Praha, 1874. — Т. II. — Р. 419; Пашуто В. Т. Внешняя политика... — С. 153, 155; Щавелева Н. И. Древнерусские известия Великопольской хроники//Летописи и хроники. — М., 1976. — Вып. 2. — С. 57—59).

⁹ Сыновья Владислава II Изгнаника: Болеслав Высокий (1120—1201), князь силезский с 1163 г., и Мешко Лорипед (ум. 1211), князь рациборский и опольский с 1201 г.

¹⁰ Seneca. Thyestes, 311.

Глава 33

¹ О Болеславе Кудрявом см. примеч. 8 к гл. 27.

² Имеется в виду Фридрих I Барбаросса (1122—1190), германский король с 1152 г., император с 1155 г. Был связан родствен-

ными узами с силезскими князьями Болеславом Высоким и Мешко Лорипедом, мать которых, родная сестра короля Конрада III, приходилась Фридриху теткой.

³ Матерью Владислава II была Сбыслава Святополковна (см. примеч. 4 к гл. 18). Сестра жены Владислава II Изгнанника Агнешки была замужем за чешским королем Владиславом (ум. 1174) (Nový R. Přemyslavský stát 11. a 12. století. — S. 20—22; Jasiński K. Rodowód Piastów śląskich. — Wrocław, 1973. — T. 1. — S. 39—63).

⁴ Поход Фридриха Барбароссы на Польшу имел целью поставить правящих там князей в зависимость от империи. В соответствии с договором, заключенным под Познанью в 1257 г., Польша становилась имперским вассалом и вынуждена была выплатить значительную дань (см.: Пашуто В. Т. Внешняя политика... — С. 158; Labuda G. O stosunkach prawno-publicznych między Polską a Niemcami w połowie XII wieku//CzPH. — 1973. — T. 25. — S. 25—60).

⁵ Сообщение о смерти Владислава в Плоцке исследователи объясняют тем, что хронист перепутал Владислава II с Владиславом I Германом, действительно окончившим жизнь в Плоцке (MPH. NS. — T. VIII. — P. 156. — Przur. 290). По данным немецких источников, Владислав II умер в г. Альтенбурге в 1159 или 1162 г. (Annales Poelendens//MGH SS. — Hannoverae, 1859. — T. XVI. — P. 82; Kronika polska—śląska//MPH. — T. III. — P. 633, 644; Balzer O. Genealogie... — S. 127 n.).

⁶ Конрад I был королем немецким в 1138—1152 гг., следовательно, речь здесь может идти только о его племяннике, императоре Фридрихе Барбароссе.

⁷ Конрад (1139—1203), князь глоговский с 1177 г. О Болеславе и Мешко см. прим. 9 к гл. 32 (Jasiński K. Rodowód Piastów... — S. 39—63).

⁸ Поход Болеслава IV на пруссов датируется 1166 г. (Wędzki A. Bolesław Kędzierzawy//SSS. — T. I. — Cz. I. — S. 148).

⁹ Матфей, 22, 21.

¹⁰ Лешек Болеславич (1160/65—1186) правил в Мазовии под опекой воеводы Жирона (см. примеч. 16 к гл. 35).

Глава 34

¹ Нарушен хронологический порядок. Автор Великопольской хроники возвращается к уже прошедшим событиям. Германский король Конрад III (см. примеч. 6 к гл. 33) возглавлял ополчение немецких рыцарей, участвующих во втором крестовом походе 1147 г. в Иерусалим (см.: Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. — М., 1980. — С. 156—159).

Глава 35

¹ О Мешко Старом см. примеч. 8 к гл. 27. Краковское княжество Мешко получил в качестве сеньората. Поэтому, имея собственные уделы, он мог распространять власть на земли младших братьев. Объединительные тенденции вызвали отпор у малопольских możновладцев. В центре оппозиции встал краковский епископ Гедко (Smolka S. Mieszko Stary i wiek jego. — Warszawa, 1881; Gąsiorowski A. Mieszko Stary//SSS. — T. III. — S. 250). В 1177 оппозиционеры выдвинули на краковский трон Казимира II Справедливого. Началась многолетняя борьба за Краков. Мешко, обладавший землями Великой Польши, Ленчицкою землей и Кра-

ковом, именовал себя князем всей Польши (*dux totius Poloniae, dux maximus i princeps*).

² Орден цистерцианцев был основан в конце X в. монахами-бенедиктинцами, возглавляемыми Робертом из Шампани. Распространился в Европе в начале XII в. усилиями последнего из отцов церкви — Бернара, заложившего в 1115 г. Орденский дом цистерцианцев в Клерво (см.: Карсавин Л. П. Указ. соч. — С. 55).

³ Церковный приход.

⁴ Первой женой Мешко Старого была Эржебет (Елизавета), дочь венгерского короля Бельи II. Это положение общепринято в венгерской историографии. По мнению отдельных исследователей, отцом Эржебет был Альмош — сын короля Гезы I и брат короля Кальмана. Свадьбу датируют 1140 г. Сыновья Эржебет — Одон (1141/45—1194) и Стефан (1150—1166/79) (*Balzer O. Genealogia... — S. 188—190; МРН. NS. — Т. VIII. — Р. 157. — Przur. 306*).

⁵ Автор ошибается. Второй женой Мешко Старого была Евдокия, дочь Изяслава Мстиславича, великого киевского князя, и родная сестра Мстислава, мужа Агнешки Казимировны (Агнешка и Мешко Старый — сводные брат и сестра).

⁶ Мужем дочери Мешко Эльжебеты (род. 1152) был не Болеслав, а Собеслав II (ум. 1180), князь оломоуцкий; чешский в 1173—1178 гг. Свадьба датируется 1173/77 гг.; мужем другой дочери Юдиты был граф Бернард III, князь саксонский (*Balzer O. Genealogia... — S. 198*).

⁷ Одон (ум. 1194), старший сын Мешко Старого, князь познаньский и калишский. В 1177 г. женился на Вышеславе, дочери галицкого князя Ярослава Осмомысла (см.: Пашуто В. Т. Внешняя политика... — С. 158).

⁸ Владислав Великий Лясконогий (1165—1231), сын Мешко Старого, князь познаньский и гнезненский с 1203 г.; краковский в 1202 и 1228 гг. Был женат на Лючии, дочери Яромара I, князя Ругии. Свадьба датируется ок. 1194 г.

⁹ Исследователи предполагают, что Болеслав (1159—1195), сын Мешко, князь куявский, был все же женат на некоей Доброславе (*Balzer O. Genealogia... — S. 200*).

¹⁰ Книга Царств, III, 12, 10—11.

¹¹ Гедко, епископ краковский с 1166 г.

¹² Казимир Справедливый не получил по завещанию отца удела. Однако уже в последние годы правления Болеслава Кудрявого он стал князем Сандомирской земли, которую добыл в результате бунта малопольских вельмож в 1173 г. (*Zajaczkowski S. Uwagi nad terytorialno-administracyjnym ustrojem Polski XII w. // CzRN. — 1955. — Т. 7. — С. 301; МРН. NS. — Т. VIII. — Р. 157. — Przur. 299*).

¹³ Автор ошибается. Якса из рода Грыфитов и Святослав, сын Петра Властовича, не князя, а знатные малопольские вельможи. Хронист вспоминает о событиях начала 70-х годов XII в., когда малопольские możnowładcy подняли бунт против Болеслава Кудрявого. Во главе бунтовщиков стояли Якса из Мехова (см. примеч. 2 к гл. 32) и Святослав, сын Петра Властовича, намеревавшиеся поставить на княжение Казимира Справедливого. Распря закончилась примирением с Болеславом Кудрявым, который отдал Казимиру сандомирский удел с Вислицей.

¹⁴ Малопольские анналы датируют занятие Казимиром Кракова 1177 г. (*МРН. — Т. II. — Р. 799*).

¹⁵ Казимир Опольский (1178/79—1229/30), сын Мешко Лорипеда Рациборского, князь опольский и рациборский с 1211 г. Великопольская хроника — единственный источник, сообщающий о выделении Казимиром Справедливым своему крестнику городов краковского сеньориального удела. Тем самым Казимир пытался нейтрализовать враждебно настроенного к нему силезского князя.

¹⁶ Жирон, комит, опекун Мешко Болеславича. Был фактическим правителем Мазовии (Małeckі A. *Studia heraldyczne*. — *Lwów*, 1890. — Т. I. — S. 269—285; Щавелева Н. И. О княжеских воспитателях... — С. 126—128).

¹⁷ Самбор (ум. 1207), князь Гданьского Поморья с 1179/80 г.

¹⁸ Богуслав I (1156—1187), сын Варцислава I, князь Западного Поморья с 1156 г.

¹⁹ В этом сообщении, заимствованном из хроники Винцентия Кадлубка, явное преувеличение. Имеется в виду не покорение этих земель в собственном смысле слова, а заручение поддержкой правящих там князей. Казимиру приходилось остерегаться множества противников, и прежде всего Мешко III, который в борьбе за краковский стол обращался за помощью к германскому императору. При таких обстоятельствах Казимир был вынужден дорожить русским союзом. Многочисленные брачные связи с русскими князьями способствовали закреплению политических союзов Малой Польши и галицко-волинских земель. Берестье, Дрогичин и Владимир были городами Владимирско-Волинского княжества. Перемышль с 1141 г. входил в галицкий удел (см.: Пашуто В. Т. Внешняя политика... — С. 161; Wilkiewicz-Wawrzyniukowa A. *Ze studiów nad polityką polską na Rusi na przełomie XII—XIII w//Ateneum Wileńskie*. — 1937. — Т. 12. — S. 1—35).

Глава 36

¹ О податях и повинностях см. примеч. 3—6 к гл. 65.

² Избиратели.

Глава 37

¹ Здислав (Здзислав), архиепископ гнезненский в 1167—1180 г.

² На синоде в Ленчице (1180 г.) были приняты решения, расширяющие привилегии польской церкви. Ленчицкий статут был утвержден буллой папы Александра III от 28/III 1181 г.

Глава 38

¹ Сын Богуслава Рацибор женился на Саломее, дочери Мешко, а сам Богуслав I, овдовев, — на Анастасии, сестре Саломеи (Balzer O. *Genealogia*... — S. 206 п.).

Глава 39

¹ Берестье — город на реке Буг, находился на важном торговом водном пути из Киева через Днепр, Припять и Буг на Мазовию, осуществлял торговлю через Дрогичин с Прибалтикой (см.: Лысенко П. Ф. Археологическое изучение древнего Берестья: Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. София, 1980. — М., 1980. — С. 38—40).

² Сообщение хрониста о зависимости русских городов от польских князей не подтверждается данными источников (см. примеч. 19 к гл. 35).

³ Галич на Днестре — столица Галицкого княжества. Здесь и далее путаница относительно времени и места описываемых собы-

тий. Автор хроники, повествуя о походе на Берестье (1182), переносит действие в Галич. Только в 1188 г. Казимир Справедливый пойдет на Галич, чтобы утвердить там племянника Романа Мстиславича (Balzer O. Genealogia... — S. 171—183).

⁴ До сих пор не удалось установить, какому именно племяннику помогал Казимир. Долгое время исследователи считали, что это сын Бориса Коломановича (предполагалось, что последний был женат на сестре Казимира Юдите). Ныне ученые склоняются к мнению, что этот неизвестный племянник — Святослав Мстиславич, которому, возможно, сестра Казимира Агнешка приходилась мачехой; в русских источниках нет никаких сведений ни о подобных событиях, ни о судьбе Святослава Мстиславича (МРН. — Т. II. — P. 407—410; Górkski K. Stosunki Kazimierza Sprawiedliwego... — S. 583—584; Balzer O. Genealogia... — S. 171—183; Mistrza Wincentego... — S. 201. — Przyp. 153).

⁵ Так хронист называет половцев и ятвягов (см. примеч. 2 к гл. 130; примеч. 1 к гл. 43).

⁶ Стихотворение (за исключением двух слов) полностью заимствовано из хроники Винcentия Кадлубка (МРН. — Т. II. — P. 411). Б. Кюрбис видит здесь сходство с одиннадцатой басней Авiana (Mistrza Wincentego... — S. 202. — Przyp. 163).

⁷ Скорее всего речь идет о Владимире, сыне Ярослава Осмомысла, матерью которого была не сестра Казимира, а суздальская княгиня Ольга Юрьевна. Предполагают, что в утверждении на галицком столе Владимира участвовали польские вспомогательные отряды. Возможно, это и дало основание Винцентию Кадлубку, а вслед за ним и автору Великопольской хроники считать, что Казимир помогал Владимиру.

⁸ В этом сообщении можно усматривать отклик на действительные события в Галиче в конце 80-х годов XII в. После смерти галицкого князя Ярослава Осмомысла (ум. в 1187 г.) столы получили его сыновья: незаконнорожденный Олег Настасьич — в Галиче и Владимир — в Перемышле. Вскоре Олег был отравлен галицкими боярами, которые посадили в Галиче Владимира (см. примеч. 7 наст. гл.).

⁹ Автор пугает сестер Казимира Юдиту и Агнешку (см. примеч. 4 наст. гл.).

Глава 40

¹ Роман Мстиславич (1155/62—1205), сын великого киевского князя Мстислава (ум. 1172) и сестры Казимира Справедливого Агнешки, князь владимири-волинский с 1183 г., галицкий с 1199 г. Некоторые исследователи ошибочно называют отца Романа Мстиславом Храбрым. Прозвище Храбрый носил не Мстислав Изяславич, а Мстислав Ростиславич (ум. 1180), князь новгородский (ср.: МРН. NS. — Т. VIII. — P. 160. — Przyp. 332).

² Подробнее об этом событии см. у Кадлубка (МРН. — Т. II. — P. 412). Польские хронисты утверждают, что главную роль в вокняжении Романа в Галиче играл Казимир. Однако Ипатьевская летопись свидетельствует, что галичане сами изгоняют Владимира Ярославича, «бе бо любезнивь питию многому и думы не любящеть с мужми своими и поя у попа жену и постави себе жену», и приглашают к себе Романа без всякого вмешательства Казимира. (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 659).

³ Речь идет о Беле III (ум. 1196), короле венгерском с 1172 г. О том, что венгры действительно заняли Галич, свидетельствует

грамота епископа церкви города Скардоны Михаила от 2 мая 1189 г., где Бела III назван «славнейшим королем Венгрии, Далмации, Рамы и Галации» (*Codex diplomaticus Hungarie/Ed. G. Fejér. — Budapest, 1829. — Т. II. — Р. 247*).

⁴ Имя сына короля Белы III, которого король «посади» в Галиче, приведено в Ипатьевской летописи под 1189 г. Это «Андрей» (Эндре II) (род. 1176/77), будущий король Венгрии в 1205—1235 гг. (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 661). Галичане «королевича прогнаша из земли своея» в 1190 г. (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 666). Коронован Андрей в 1205 г. (см. примеч. 10 к гл. 27).

⁵ По Ипатьевской летописи, Владимир бежит к «цареву немецкому», от которого и получает желаемую помощь, пообещав выплачивать ему ежегодно по 2000 гривен серебра (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 660).

⁶ 15 августа.

Глава 41

¹ А. Белевский, издатель хроники Винцентия Кадлубка (МРН. — Т. II. — Р. 414), предполагает под «оракулом» германского императора. Ср. сообщение Галицко-Волынской летописи о бегстве Владимира к императору Фридриху I (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 660, 665). Б. Кюрбис усматривает под этим эпитетом Казимира Справедливого (МРН. NS. — Т. VIII. — Przur. 356; Balzer O. Studium o Kadlubku. — Т. I. — S. 340).

² Николай из рода Лисов, краковский воевода, один из могущественных вельмож в Малой Польше. Занимал должность военачальника и верховного управителя дворцом. О его деятельности см.: Bardach J. Historia państwa i prawa Polski do roku 1795. — Warszawa, 1957. — Т. I. — S. 251 n.

³ Ovidius. Remedia amoris, 44.

⁴ Эгидий, епископ мутинский в 80-х годах XII в. Мутина (совр. Модена) — город в Галлии.

⁵ Пелка (Фулкон), епископ краковский в 1186—1207 гг.

Глава 42

¹ Автор имеет в виду восстановление Владимира в Галиче. Малопольские можновладцы требовали союза Казимира с Венгрией и осуждали политику, проводимую им в Галицкой земле.

² Междоусобные войны Казимира с Мешко III обострились к 1191 г. Кадлубек тоже отметил участие русских князей во взятии Кракова. В его хронике Казимиру помогают только Роман и Всеволод, имя Владимира не упоминается. Вероятно, автор Великопольской хроники при чтении соответствующего фрагмента в хронике Кадлубка: «cum duce Laodimiriae Romano et principe Belsiae Wsewłodo» (с князем Владимирии Романом и князем Бельзии Всеволодом) принял название княжества за имя князя (МРН. — Т. II. — Р. 416, 417).

³ Опорные пункты.

⁴ Парафраза из Евангелия от Иоанна (21, 24) с именем Винцентия Кадлубка: «Nec est discipulus ille, qui sicripsit haec et scimus quia verum est testimonium eius — Сей ученик и свидетельствует о сем и написал сие, и знаем, что истинно свидетельство его».

⁵ Стефан (969—1038), король венгерский в 997—1038 гг. Канонизирован в 1083 г.

⁶ Провенгерская коалиция краковских можновладцев, возглавляемая епископом Пелкой и воеводой Николаем при поддержке

Рима, убедила Казимира восстановить расторгнутый в 1191 г. договор с Венгрией. Новый договор был заключен в 1192/93 гг. (см.: Пашуто В. Т. Внешняя политика... — С. 162).

Глава 43

¹ Полешане (ятвяги) — народ, принадлежащий к группе балтийских племен пруссов (эстив). Древнейшие сведения о них дают русские источники (ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 153; ПРП. — М. 1952. — Вып. 1. — С. 30). В немецких орденовых хрониках они назывались судовами, в Литве — дайнавами. Польское название — полешане (от слова Полесье) — впервые приводит Кадлубек (МРН. — Т. II. — Р. 421; см. также: Nalepa J. Jaćwiegowie. Nazwa i lokalizacja. — Białystok, 1964; Gieysztor A. Jaćwiez//SSS. — Т. II. — Cz. 2. — S. 305—308).

² Б. Влодарский относит этот поход к 1193 г. (см.: Влодарский Б. Ятвяжская проблема в польско-русских связях X—XIII вв.//Международные связи России до XVII в. — М., 1961. — С. 124).

Глава 45

¹ Епископ Пелка (см. примеч. 5 к гл. 41).

² У Казимира остались малолетние дети: Лешек — восьми и Конрад — семи лет.

³ Екклезиаст, 10, 16.

⁴ По завещанию Болеслава Кривоустого краковский трон должен был принадлежать старшему в роде. В 1194 г. после смерти Казимира Справедливого свои права на Краков вновь (см. гл. 35, 42) предъявил третий сын Болеслава Мешко Старый, княживший в Великой Польше (Gąsiorowski A. Mieszko Stary. — S. 250).

Глава 46

¹ Horatius. Satyrae, II, 3.

Глава 47

¹ Statius. Thebaides, I, 213.

² Стронники Казимира искали на Руси поддержку против усилившегося влияния Мешко III. Наиболее сильным союзником был волынский князь Роман Мстиславич. В 1195 г. Роман, соперничавший с владими́ро-суздальским князем Всеволодом, сам обратился к Польше за помощью, но получил в ответ такую грамоту: «Мы быхом тебе раде помогле, но обидить насъ стрый свои Межька, ищеть под нами волости, а переже оправи насъ, а быхом были вси Ляхове не раздно, но за одинемъ быхомъ щитомъ быле с тобою и мьстили быхомъ обиды твоя» (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 686—687). Несмотря на сложное положение, Роман решил отправиться на помощь Казими́ровичам.

³ Не совсем точные сведения. Дедом Романа был Болеслав Кривоустый, а Казимир приходился ему дядей.

⁴ Казимир помогал Роману утвердиться в Галиче (см. примеч. 2 к гл. 40).

⁵ Роман был женат на Предславе, дочери великого князя киевского Рюрика, с которой развелся в 1195 г.

⁶ В хронике Винцентия Кадлубка в этом месте слова miles gregarius (рядовой воин). В хронике Дежвы прилагательное «gregarius» употреблено как имя собственное (МРН. — Т. II. —

Р. 431; 434). Такая же ошибка в одной из рукописей Великопольской хроники.

⁷ Ярослав (ум. 1201), сын силезского князя Болеслава Высокого, князь силезский, а с 1198 г. епископ вроцлавский. Об участии силезских князей в борьбе за Краков см. Хек Р. Феодалная раздробленность в Силезии//Польша и Русь. — С. 89.

⁸ Говорек, палатин сандомирский, каштелян краковский. Был опекуном Лешка и обладал значительной властью при краковском дворе. Вел борьбу с воеводой Николаем и епископом Пеллой (W Ź g o z i m s k i J. Goworek//PSB. — 1960. — Т. VIII. — S. 389; Щавелева Н. И. О княжеских воспитателях... — С. 128).

⁹ Исследователи предполагают, что под неизвестным «кто-то» скрывается Винцентий Кадлубек, который сам участвовал в происходящих событиях и описал их (МРН. NS. — Т. VIII. — Р. 163. — Ргзур. 389).

¹⁰ Лешек Белый (1186—1227), сын Казимира Справедливого, князь сандомирский и краковский.

Глава 48

¹ Русские летописи никаких подробностей о вокняжении Романа не сообщают. Только в Ипатьевской летописи есть заглавие: «Начало княжения великого князя Романа, самодержца бывша всей Руской земли, князя Галичкого» (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 715).

² Парафраза из Евангелия от Луки (1, 80; 2, 40).

³ Автор ошибается. Владимир был сыном Ярослава Осмомысла, князя галицкого, и не являлся родственником Романа Мстиславича сына Мстислава Изяславича, князя волынского. У Романа действительно был брат Владимир, умерший в 1173 г. (см.: Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве и его время. — М., 1984. — С. 140—141).

⁴ Ошибка. Двоюродными братьями были Роман и Лешек, а не Владимир и Лешек.

⁵ Владимир умер в 1199 г. (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 715).

⁶ В хронике Кадлубка после слова «quanto» (настолько) стоит «loco viciniog tanto spe proximiog» (будучи ближайшим соседом [имеет] большие надежды) (МРН. — Т. II. — Р. 437).

⁷ Степень зависимости Романа от молодого Лешка преувеличена. Романа поддерживала регентша малолетних Казимировичей Елена. Она со своими соправителями продолжала русскую политику Казимира и была заинтересована, чтобы власть в соседних русских землях принадлежала князьям, дружественным Малой Польше.

⁸ Имеются в виду лица, находящиеся в зависимости от могущественных вельмож (патронов).

⁹ Парафраза из Книги пророка Иереми (14, 9).

¹⁰ Намек на поход Романа в Польшу в 1205 г. (см. примеч. 3 к гл. 55).

Глава 49

¹ Исследователи отмечают стремление хрониста к использованию политических терминов, не встречающихся в других польских средневековых источниках. Общим названием для всех польских сановников служил термин «satrapa» (Balzer O. Studium o Kadlubku. — S. 446; Bogucki A. Terminologia polityczna w Kronice mistrza Wincentego//StZ. — 1976. — Т. 20. — S. 61—62).

² Эти события вполне могли иметь место в действительности.

Усилившееся при Владимире Ярославиче галицкое боярство, несомненно, препятствовало бы укреплению власти Романа. Кроме того, многие бояре стояли на стороне венгерской династии и поэтому были личными неприятелями Романа. Новому князю было необходимо ослабить противников, в средствах он не разбирался. «За счет боярских земель, оставшихся после уничтожения или изгнания владельцев, Роман Мстиславич укрепил свой домен, шедший на задачу служилым людям, и привлек на свою сторону горожан» (Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. — М., 1950. — С. 192 и сл.).

³ Эта поговорка засвидетельствована как в польских (МРН. — Т. II. — Р. 441), так и в русских источниках. В Ипатьевской летописи со словами «не погнетши пчель, меду не едаты», обращается во время бунта бояр к сыну Романа Мстиславича Даниилу Галицкому сотник Микула (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 763; см. также: Щавелева Н. И. Тенденциозность средневековой историографии (на примере хроники Винцентия Кадлубка)//Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. — М., 1978. — С. 162—164).

⁴ Роман, утвердившись в Галиче, в союзе с суздальским князем Всеволодом Большое Гнездо вытеснил из Киева черниговских и смоленских князей и начал управлять самостоятельно. Он наладил контакты с половцами, восстановил связи с Византией, с Поморьем. К концу XII в. Роман стал одним из самых могущественных князей Древней Руси (см.: Пашуто В. Т. Внешняя политика... — С. 165).

Глава 50

¹ Предполагают, что это произошло в 1199 г. (Smolka S. Mieszko Stary... — S. 543; МРН. NS. — Т. VIII. — Р. 164. — Przur. 401).

Глава 51

¹ Точная дата завоевания Куявии Мешко Старым не установлена. Однако его сын Болеслав (ум. в 1195 г.) называется в документах куявским князем (МРН. NS. — Т. VIII. — Р. 164. — Przur. 403).

Глава 52

¹ Об этих событиях см.: Włodarski B. Polska i Ruś. — Warszawa, 1966. — S. 22; Balzer O. Walka o tron krakowski w latach 1202—1210/1211//RAUhf. — 1894. — N 30. — S. 293—320.

² Парафраза из Евангелия от Матфея (13, 33).

³ Парафраза из Евангелия от Иоанна (15, 13).

⁴ После смерти отца в 1203 г. Владислав Лясконогий получил краковский удел. Однако вскоре краковское можновладство отстранило его от стола, и в Кракове утвердился Лешек Белый. Владислав вновь занял Краков лишь в 1228 г., но княжил недолго — в результате конфликта с Конрадом Мазовецким он был изгнан и потерял не только Малую, но и Великую Польшу, которая попала под власть Владислава Одонича.

⁵ Речь идет о князьях Силезии и Ополя, сыновьях Владислава II — Болеславе Высоком и Мешко Лорипеде (см. примеч. 9 к гл. 32).

⁶ На этом месте заканчивается изложение событий по хронике

ке Кадлубка, служившей главным источником для автора Великопольской хроники.

Глава 54

¹ Конрад I Мазовецкий (1187/88—1247), князь мазовецкий, куявский, серадзский, ленчицкий с 1202 г., краковский в 1229 и 1241—1243 гг. После смерти в 1227 г. Лешка Белого начал борьбу за краковский трон.

² В результате обособления восточной Волыни ее князья стремились заключить союзы с ближайшими польскими княжествами. Эти цели преследовал луцкий князь Ингвар Ярославич, выдавая дочь Гремиславу за краковского князя Лешка. Последний же, имея далеко идущие планы овладения Галичиной, воспользовался родственным соседством и вскоре вместе с Конрадом пошел на Волынь. После смерти Лешка Гремислава стала опекуной Болеслава Стыдливого, активно участвовала в борьбе за краковский стол (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 720; Balzer O. Genealogia... — S. 265; Wyrozumski J. Grzymisława//PSB. — 1960. — Т. IX. — S. 122; Sielicki F. Kontakty polsko-ruskie w świetle źródeł XIII w.//Studia polonia—slavica orientalia. — Wrocław, 1974. — S. 56—57; Szymczakowa A. Księżniczki ruskie w Polsce XIII w.//Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Seria I. — Łódź. 1978. — Z. 29. — S. 26—31).

³ Болеслав Стыдливый (1226—1279), князь сандомирский; князь краковский с 1243 г.

⁴ Речь идет о Саломее, дочери Лешка Белого (см. примеч. 10 к гл. 27).

Глава 55

¹ Это событие в дальнейшем получило широкое распространение в польской устной и письменной традиции. Большинство польских рочников сохранило записи о гибели князя Романа (МРН. — Т. II. — P. 800—801; см. также: Kügbis B. Dziejopisarstwo... — S. 194). Из русских источников об этом сообщает Лаврентьевская летопись (ПСРЛ. — Т. I. — Стб. 425).

² Трудно допустить, что один из могущественных князей Руси Роман находился в вассальной зависимости от малопольского князя и выплачивал ему дань.

³ Об истинных причинах трагического для Романа похода можно лишь догадываться. Основываясь на свидетельствах французского хрониста Альберика, предполагают, что Роман двигался через Польшу в Саксонию, чтобы оказать помощь Филиппу Швабскому, сыну Фридриха I Барбароссы, в борьбе за императорскую корону. На польской земле Роману пришлось столкнуться с Лешком Белым, который, находясь в союзе с саксонскими Вельфами, противниками Фридриха, стал препятствовать продвижению русского князя (см.: Пашуто В. Т. Внешняя политика... — С. 165; Щавелева Н. И. Древнерусские известия Великопольской хроники//Летописи и хроники. — М., 1976. — С. 59—62; Chronica Alberici Monachi Trium fontium/Ed. P. Scheffer—Boichorst//MGH. SS. — Hannoverae, 1874. — Т. XXIII. — P. 885; Włodarski B. Polityka ruska Leszka Białego. — Lwów, 1925. — S. 19—21).

Глава 56

¹ Поход Лешка на Поморье датируется 1217 г. (МРН. NS. — Т. VIII. — P. 165. — Przur. 422, 423).

² Святополк, князь Гданьского Поморья в 1217—1266 гг. После 1215 г. Восточное Поморье превратилось в самостоятельное княжество, политически не связанное с остальными землями. В 1231 г. папа Григорий IX взял его земли под опеку Рима и стал официально титуловать его князем поморским в Гданьске. Следует отметить, что автор хроники называет Святополка не князем, а капитаном. В XII—XIII вв. этим широко употребляемым термином обозначали правителей, наместников, предводителей войск и вождей. (Labuda G. Ze studiów nad najstarszymi dokumentami Pomorza Gdańskiego//Zapiski TNT.—1953.—Т. XVIII—S. 141 n.; Jasiński K. Kilka uwag o najstarszych dokumentach Pomorza Gdańskiego//StZ.—1958.—Т. 2.—S. 151—153).

Глава 57

¹ Генрих I Бородатый (1163/70—1238), сын Болеслава Высокого, князь силезский с 1201 г., опольский с 1229 г., краковский с 1232 г. Стремился восстановить в Польше королевскую власть (Zientara B. Henryk Brodaty i jego czasy.—Warszawa, 1975).

² Ошибка. По хронологическим указаниям автора правление перечисленных князей падает на второе десятилетие XIII в. В эти годы князем опольским был Казимир (1178/79—1229/30), сын Мешко Лорипеда. Владислав Казимирович (ум. 1281) получил Ополье только в 1246 г. (Grodecki R. Dzieje polityczne Śląska do r. 1290//Historia Śląska.—Kraków, 1933.—Т. I.—S. 186; Maleczyński K. Historia Śląska.—Wrocław, 1960.—Т. I.—S. 336; МРН. NS.—Т. VIII.—Р. 159, 166.—Przyp. 327, 426, 427).

³ Владислав Одонич (ок. 1190—1239), внук Мешко Старого, князь калишский в 1194 и 1207—1217 гг., познаньский в 1227 г., князь Великой Польши с 1229 г. Вел борьбу за великопольские земли со своим дядей Владиславом Лясконогим, выступая в союзе с поморским князем Святополком. Прозвище Пльвач (Plwacz) указано лишь в Великопольской хронике (Zachorowski S. Studia z dziejów XIII wieku w terwszej jego połowie//RAUhf.—1921.—N 62.—S. 120).

Глава 58

¹ Устье (Уйсце) — крепость на реке Нотець.

² 9 октября.

Глава 59

¹ 15 июля.

² Исследователи предполагают, что имеется в виду палатин Владислава Ляскономого по имени Доброгост (МРН. NS.—Т. VIII.—Р. 166.—Przyp. 433; Urzędnicy wielkopolscy XII—XV wieku.—Wrocław, 1985.—S. 23 (Далее — Urzędnicy...)). Палатин — высшее должностное лицо при княжеском дворе, заведующий дворцом и заместитель князя в суде и военных походах.

Глава 60

¹ О Богуславе см. примеч. 18 к гл. 35.

² Один из старейших польских монастырей регулярных каноников. Ллл основан в XI в. в Тремесно (Trzemeszno), неподалеку от Гнезно.

³ Русская летопись под 1227 г. сообщает, что краковский князь был убит в результате заговора бояр (ПСРЛ.—Т. II.—Стб. 754).

⁴ Владислав Одонич в 1218—1220 гг. был женат на сестре Свято.

Глава 61

¹ Гремислава Ингваровна (см. примеч. 2 к гл. 54).

² О борьбе Конрада Мазовецкого с племянниками см.: Пашуто В. Т. Внешняя политика... — С. 251—253; Włodarski B. Polityczne plany Konrada I księcia Mazowieckiego. — Toruń, 1971.

³ После овладения Краковом Генрих I Бородатый мог с полным правом считать себя самым могущественным польским князем. Помимо Силезии в его руках находилась часть Малой Польши и Любушская земля. Вскоре в 1234 г. он присоединил к своим владениям и большую часть Великой Польши с Калишем и Познанью (см.: Хек Р. Указ. соч. — С. 93 и сл.; Zientara B. Sprawy pruskie w polityce Henryka Brodatego//Zapiski Historyczne. — 1976. — Т. 41. — С. 27—40).

⁴ Уникальное свидетельство о первом русском епископстве. Римская курия стремилась организовать латинскую церковь на Руси путем установления особого епископства. Тогдашний глава ордена цистерцианцев Христиан, воспользовавшись своими отношениями с русским князем Даниилом, создал латинскую епархию (in partibus) [на Руси и назначил туда Герарда, бывшего прежде аббатом в Опатове. Организацию опатовской канонической группы относят еще ко времени правления Казимира Справедливого. Она должна была составить основу будущего епископства, которое бы имело важное значение в планах русской политики, проводившейся Казимиром (Abraham W. Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi. — Lwów, 1904. — Т. I. — С. 110; Szymański L. Kanonicy opatowcy w planach polityki ruskiej z przełomu XII i XIII wieku//РН. — 1965. — Т. 56. — С. 9). В чем заключалась деятельность этого первого епископства — неизвестно. Передача же его любушской церкви объясняется желанием Генриха Бородатого, занявшего Сандомир, захватить юрисдикцию русского епископства в свои руки. Исследователи считают, что информацию автор хроники мог получить от любушского епископа Петра, с которым был близок (Wojciechowski T. Szkice historyczne jedenastego wieku. — Warszawa, 1951. — С. 78; Щавелева Н. И. Древнерусские известия... — С. 62—66).

Глава 62

¹ О ятвягах см. примеч. 1 к гл. 43.

² Сквиты, видимо, название одного из прусских племен — скаловов или судавов (см. примеч. 3 наст. гл.).

³ Прусы — группа [балтийских] племен, населявших южное побережье Балтийского моря между Вислой и Неманом. В античную эпоху были известны под названием эстиев. К XIII в. на территории бывшего племени пруссов возник конфедеративный союз одиннадцати этнически родственных областей — Помезании, Погезании, Вармии, Натангии, Бармии, Самбии, Надровии, Скаловии, Судовии (Ятвягии), Галиндии, земли сасов (см.: Пашуто В. Т. Борьба прусского народа за независимость (до конца XIII в.)//История СССР. — М., 1958. — № 6. — С. 66).

⁴ Литвины (литовцы) — балтийские племена, составляющие наряду с аукштайтами ядро литовской народности. В XII в. литовские племена образовали конфедерацию, куда вошли кроме названных племен жемайты, часть судавов (см. примеч. 2, 5 наст. гл.) и частично этнические группы куршей и земгалов. Конфедерация, ставшая в середине XIII в.

прочным политическим союзом, сложилась в государство при великом князе Миндовге.

⁵ Жмудзины (жемайты) — древнее литовское племя в западной части Литвы, вошедшее в состав литовской народности. Русское и польское название «жмудь». После разгрома Тевтонского ордена в XV в. были включены в Великое княжество литовское.

⁶ Крепость Кельцы была, по сообщению рочника краковского капитула, уничтожена только в 1244 г. (МРН. — Т. II. — Р. 804).

⁷ Конрад неоднократно обращался за содействием на Волинь (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 754). Кроме отрядов языческих народов в одном из походов на Сандомир вместе с Конрадом Мазовецким участвовали и русские князья Даниил и Василько Романовичи. После похода 1230 г. был заключен новый русско-польский договор (см.: Пашуто В. Т. Внешняя политика... — С. 252—253).

⁸ Женой Конрада была Агафья (ум. 1242 г.), дочь владимирово-волинского князя Святослава Игоревича, внучка князя Игоря — героя «Слова о полку Игореве». Свадьба Агафьи с Конрадом Мазовецким датируется 1207/09 гг. (Balzer O. Genealogia... — S. 268—275; Szymczakowa A. Op. cit. — S. 31—38).

⁹ Б. Кюрбис усматривает в сообщении о сокровищах, розданных язычникам, отзвуки легенды (МРН. NS. — Т. VIII. — Р. 169. — Przyp. 456).

Глава 63

¹ В рочнике гнезненского капитула другая дата — 1231 г., в рочнике познаньского капитула — 1232 г. (МРН. NS. — Warszawa, 1962. — Т. VI. — Р. 324).

Глава 65

¹ Пшемислав I (1220/21—1257), князь познаньский и гнезненский с 1239 г.; Болеслав Благочестивый (1221—1279), князь калишский с 1239 г.

² Подобный привилей был издан для познаньского капитула в 1252 г. Пшемиславом I. Канцелярская формулировка положений привилея указывает на то, что автор заимствовал его из документов (подробнее см.: МРН. NS. — Т. VIII. — Р. 170. — Przyp. 463).

³ Стража — повинность, заключающаяся в охране городов, замененная со временем данью в зерне или монетах.

⁴ Посошная — в XIII в. общегосударственная годовая подать, собираемая «от сохи» (отсюда — посошная). В XIV в. в результате распространения иммунитета такая подать становится редкостью.

⁵ Провод, подвода — повинности, заключающиеся в доставке средств передвижения и тягловой силы для перевозки княжеского двора, чиновников, посланников и т. д. (Russocki S. Powinność przewody na tie poslug transportowych//Kwartalnik historii kultury materialnej. — 1965. — N 13. — S. 243—268; Юшков С. Общественно-политический строй и право Киевского государства. — М., 1949).

⁶ Постой — эта повинность обязывала принимать на постой разъезжавшего по стране князя, его придворных и служащих, посланников (B'uczek K. Skarbowość//SSS. — Т. V — S. 206—210). О подобных объездах, именуемых на Руси полюдьем, см.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. — М., 1982. — С. 318 и сл.

⁷ Павел, епископ познаньский в 1211—1242 гг.

⁸ Кробия — каштелянская крепость на юго-западной границе Великой Польши (МРН. NS. — Т. VIII. — Р. 170. — Przyp. 465).

* В тексте слово *militum* (воинов) заключено в квадратные скобки (МРН. NS. — Т. VIII. — Р. 85).

¹⁰ В рукописи ошибка: вместо «Mogavie» стоит «Pomoganie».

¹¹ Аделаида (ум. 1233), сестра Генриха Бородатого, была изгнана королем чешским Вацлавом I Одноглазым в 1223 г. после смерти ее мужа, моравского маркграфа Дипольда.

¹² Сообщение об изгнании Аделаиды и ее сыновей содержится в хронике силезско-польской (МРН. — Т. III. — Р. 650), а также в истории Яна Длугоша (Dlugossii. — Т. I. — Р. 239). В Шреме был поставлен Борживой, об этом свидетельствует документ о соглашении между Владиславом Одничем и Генрихом Бородатым (KDW. — 1877. — Т. I. — N 168; МРН. NS. — Т. VIII. — Р. 170. — Przyp. 468—470; Labuda G. Wojna z Tatarami w roku 1241//РН. — 1959. — Т. 50. — S. 193 п.).

¹³ О гибели князя Болеслава Щепелки в битве с монголо-татарами под Легницей см. гл. 71.

¹⁴ Речь идет о Генрихе II Благочестивом (ок. 1191—1241), сыне силезского князя Генриха Бородатого. С 1222 г. был соправителем отца. Убит во время битвы с татарами под Легницей (см. гл. 71).

Глава 66

¹ Тевтонский орден был основан немцами-крестоносцами в 90-х годах XII в. в Палестине.

² Гюнтер, епископ плоцкий в 1227—1232 гг.

³ Столкновения пруссов с Польшей относятся еще ко времени Болеслава Храброго. В XII в. пруссы поддерживали отдельных польских и русских князей, о чем сохранились свидетельства источников (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 385, 387; МРН. — Lwów, 1884. — Т. IV. — Р. 752). В XIII в. вследствие феодальной раздробленности и ослабления Польши и Руси нападения прусских войск на их территории участились. Из польских земель особенно страдали от набегов Мазовия, Куявия и Поморское княжество. Поэтому вторжение ордена в прусские земли вначале встретило поддержку у польских князей (см.: Пашуто В. Т. Борьба прусского народа... — С. 62—63).

⁴ Поход датируется 1233 г. В нем участвовали поморские князья Вратислав и Святополк. Поход, однако, не имел особого успеха, что укрепило куявско-мазовецких князей в мысли о перемещении в Польшу Тевтонского ордена (Powierski J. Stosunki polsko-pruskie do 1230//Roczniki TNT 1968. — R. 74. — S. 1).

⁵ По поводу законности присвоения крестоносцами Хелминской земли ведутся и по сей день споры между немецкими и польскими историками. Результаты дискуссии последних десятилетий рассмотрены в работе К. Виленьского (Wilieński K. Walki, polsko-pruskie w X—XIII w.// Acta Universitatis Lodzianis. — Łódź, 1984. — S. 174, 175 п.; Biskup M. Dzieje Chelmina i jego regiona Zarys monograficzny. — Toruń, 1968). Приглашение крестоносцев на польские земли для борьбы с пруссами сыграло роковую роль в истории не только Польши, но и народов Прибалтики. Несмотря на то что Конрад пытался в документах оговорить сохранение за польскими князьями высшей власти и никогда официально не отказывался от владения Хелминской землей, рыцарям удалось впоследствии полностью захватить значительные территории Польши и Пруссии. Это способствовало германской феодальной агрессии на Восток, в частности против самой Польши (см.: Пашуто В. Т. Внешняя политика... — С. 237. Śląski K. Problem zajęcia ziemi

chelmińskie przed prusów//Acta Baltico-Slavica. — 1969. — Т. 6. — S. 217; Gorski K. Zakon Krzyzacki a powstanie państwa pruskiego. — Wrocław, 1977).

Глава 67

¹ Ядвига (ум. 1243), дочь Бертольда, князя Мераны, вышла замуж за Генриха Бородатого в 1186 г., канонизирована в 1267 г.

² Вильбранд, архиепископ магдебургский в 1235—1253 гг.

³ Автор ошибается. В Венгрии монголо-татары появились только в 1241 г. (см. примеч. 6 к гл. 71).

Глава 68

¹ Кинга (Кунегунда) (1234—1292), дочь Белы IV (в тексте ошибочно «Болеслава»). В житии св. Кинги есть упоминание о помолвке Болеслава и Кинги, состоявшейся в 1243 г. Канонизирована в XVII в. (МРН. — Т. IV. — P. 690; Balzer O. Genealogia... — S. 281—283).

Глава 69

¹ Ян Чапля, схоластик плоцкий и вроцлавский (МРН. NS. — Т. VI. — P. 4; Щавелева Н. И. О княжеских воспитателях... — С. 129).

² Казимир Куявский (1211—1266), средний сын Конрада Мазовецкого, князь куявский с 1231 г. В 1239 г. вторично женился на Констанции, дочери Генриха Благочестивого (МРН. NS. — Т. VI. — P. 5; Balzer O. Genealogia... — S. 292, 297).

³ Прапрадед Констанции Владислав II Изгнанник и дед Казимира Казимир Справедливый были родными братьями.

⁴ Это домысл автора хроники (МРН. NS. — Т. VIII. — P. 172. — Przur. 491).

Глава 70

¹ В соперничество римской курии с Германской империей были втянуты многочисленные государства Европы. Наиболее ожесточенная борьба велась между германским императором Фридрихом II (1194—1246) и папами Григорием IX и Иннокентием IV. После неоднократного провозглашения отлучения на соборе в 1245 г. Фридрих II был лишен императорской власти (см.: Рамм Б. Папство и Русь. — М., 1959. — С. 147—148).

² В рочнике гнезненского капитула сообщается, что император Фридрих II взял в плен 60 священнослужителей, направлявшихся в Рим (МРН. NS. — Т. VI. — P. 5).

Глава 71

¹ Прежде чем вторгнуться в Венгрию, хан Батый писал венгерскому королю и требовал подчинения. Король Бела IV, опасаясь нападения татар, отправлял многочисленные доминиканские и францисканские миссии для разведки (Fontes autentici itinera (1235—1238) fratres Juliani illustrantes/Ed. L. Bendefy//Archivum Europae Centro-Orientalis. — Budapest, 1937. — Т. III. — P. 1—47; История Венгрии. — Т. 1. — С. 147; Матузова В. Монгольское нашествие в свете политических взглядов Матвея Парижского//Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. — М., 1978. — С. 189—190).

² Среда перед первым воскресеньем Великого поста.

³ Краков был разорен 22 марта 1241 г.

⁴ В битве под Легницей 9 апреля 1241 г. погиб со своим войском один из самых могущественных польских князей силезский князь Генрих Благочестивый. Но взять Легницу монголо-татарам не удалось (см.: Пашуто В. Т. Внешняя политика... — С. 286; Groblewski W. Skutki pierwszego najazdu tatarów na Polskę//Szkice legnickie. — Wrocław, 1971. — Т. VI. — С. 81—99).

⁵ Хронист допускает неточность, говоря о Коломане (Кальмане) как «короле венгров». Кальман (1208—1241) был королем Галича (см. примеч. 10 к гл. 27), а с 1226 г. — герцогом «всей Славонии».

⁶ В битве при Шайо (апрель 1241 г.) Батый разбил 60-тысячное венгерско-хорватское войско. Монголо-татары взяли Пешт, разорили левобережную Венгрию, а также находившуюся под властью Венгрии Словакию. Покинули страну они лишь в марте 1242 г. (Rogerii Carmen miserabile//SRH/Ed. E. Szentpétery. — Budapestini, 1937. — Т. II. — Р. 569—571, 576—580; Бертенъи Й. Международное положение Венгрии после татарского нашествия//Восточная Европа в древности и средневековье. — М., 1978. — С. 315—319).

Глава 72

¹ Болеслав Лысый Рогатка (1224—1278), старший сын Генриха II Благочестивого, князь силезский с 1242 г., князь легницкий и глоговский с 1248 г.

² Генрих III Вроцлавский Белый (1229—1266), сын Генриха Благочестивого, князь вроцлавский с 1248 г., соправитель Болеслава Лысого в 1247/48 гг.

³ Владислав (1237—1270), сын Генриха Благочестивого, архиепископ зальцбургский в 1265 г., князь вроцлавский с 1266 г.

⁴ Конрад Глоговский (ум. 1273), сын Генриха Благочестивого, епископ пассацкий в 1249 г., князь глоговский и бытомский с 1249 г., соправитель Болеслава Лысого в 1248 г.

⁵ Мешко (ум. 1241/42), сын Генриха Благочестивого, князь любушский.

⁶ Пшемент — каштелянская крепость на юго-западе Великой Польши.

Глава 73

¹ Борьба соседних с Пруссией государств с ливонскими рыцарями (победа литовцев при Шауляй и русских на Чудском озере) послужила поводом к усилению освободительного движения пруссов. С 1242 по 1249 г. восставшие пруссы при поддержке поморского князя Святополка (см. примеч. 2 к гл. 56) и Литвы почти полностью освободили прусские и польские земли от рыцарей (см.: Пашуто В. Т. Борьба прусского народа... — С. 71; Он же. Образование Литовского государства... — С. 404).

² Вышеград — каштелянская крепость на левом берегу Вислы в Поморье.

³ Сартавица — резиденция Святополка на левом берегу Вислы.

⁴ Крепость Накло была под властью Святополка с 1239 г.

⁵ Збоньшин — пограничная крепость на реке Обра к юго-востоку от Мендзыжеча.

Глава 74

¹ Об этом событии сообщается также в «Хронике прусской земли» Петра из Дусбурга (XIV в.) (Petri de Dusburg Chronica terrae Prussiae/Hrsg. von T. Hirsch; M. Töppen, E. Strehlke.//SRP. — Leipzig, 1861. — Т. I. — Р. 4).

² Прандота, епископ краковский в 1244—1266 гг.

³ Пелка, архиепископ гнезненский в 1232—1258 гг.

⁴ Имеется в виду Мщивой II (1230—1294), сын Святополка Поморского, князь Гданьского Поморья с 1266 г.

⁵ По свидетельству Длугоша, сражение под Суходолом между Конрадом и Болеславом Стыдливым произошло в 1243 г. (Długossii. — Т. XI. — Р. 294). Болеслав одержал победу и овладел сандомирским и краковским уделами.

Глава 75

¹ О походе Святополка и пруссов на Куявию в 1244 г. есть свидетельства в хронике Петра из Дусбурга (Petri de Dusburg Chronica tertiae Prussiae. — Р. 40—45).

² Нищенствующий орден миноритов, или «меньших братьев» (fratres minores), был основан в Италии св. Франциском Азисским и узаконен в 1210 г. папой Иннокентием III. Минориты, или францисканцы, призывали жить по евангельскому образцу, проповедовали покаяние. К середине XIII в. орден получил широкое распространение в Европе (см.: Карсавин А. П. Указ. соч. — С. 80—86).

Глава 76

¹ Автор ошибается. Женой Пшемыслава была Елизавета, дочь Генриха Благочестивого (МРН. NS. — Т. VI. — Р. 7).

² Елизавета и Пшемыслав были потомками Болеслава Кривоoustого: Елизавета в пятом, Пшемыслав в четвертом колене.

³ Болеслав Лысый (см. примеч. 1 к гл. 72).

⁴ Болеслав Благочестивый (см. примеч. 1 к гл. 65).

Глава 77

¹ О Сантоке см. примеч. 1 к гл. 18.

Глава 78

¹ Богухвал, епископ познаньский в 1242—1253 гг.

² 23 апреля.

Глава 79

¹ Крепость Копаница на реке Обра. Во всех рукописях Великопольской хроники допущена ошибка в названии реки (МРН. NS. — Т. VIII. — Р. 175. — Przur. 520).

Глава 80

¹ Конрад начал мстить раньше. Уже в 1243 г. он разграбил краковскую землю и спровоцировал поход русских князей Даниила и Василько Романовичей против Болеслава Стыдливового (ПСРЛ. — Т. II. — Стб., 795, 796; см. также: Włodarski В. Polska i Ruś. — S. 125).

² Битва под Заришовом датируется 1246 г.

Глава 81

¹ Договор о разделе земли сохранялся всего два года — 1247—1249 гг. (МРН. NS. — Т. VIII. — Р. 175. — Przur. 525).

Глава 82

¹ Барним I (ум. 1278), князь западнопоморский с 1220 г.; в 1250 г. подчинился власти бренденбургских маркграфов.

Глава 83

¹ Конрад Мазовецкий умер 31/VIII 1247 г.

² В действительности в мазовецком княжестве сидел уже старший сын Конрада Болеслав. По завещанию отца Земовиту достались только ленчицкие земли. Из-за них и возникли распри между Земовитом и его братом Казимиром, стремившимся расширить свой удел. (MPH. NS. — Т. VIII — Р. 176. — Przur. 530).

Глава 84

¹ Речь идет о Якове Панталеоне (в 1261—1264 гг. — папа Урбан IV). В 1247 г. был направлен в качестве легата в Польшу, Пруссию и Померанию. В его задачу входило примирение Святополка с орденом и князьями Польши. Панталеону удалось склонить Святополка к союзу с орденом (см.: Пашуто В. Т. Борьба прусского народа... — С. 71—72).

² Томаш, епископ вроцлавский в 1232—1268 гг.

³ Михаил из Голаньчи, епископ влоцлавский в 1222—1252 гг.

⁴ Петр, епископ плоцкий в 1245—1253 гг.

⁵ Нанкер, епископ любушский в 1248—1250 гг.

⁶ Первым хелминским епископом в 1245—1263 гг. был доминиканец Гейденрих. Его имя, обозначенное в тексте заглавной буквой G., восстанавливается по разным рукописям: Gregorius, Gunterus (Labuda G. Historia Pomorza. — Р. 477).

⁷ Отточие в латинском тексте издания хроники сделано Б. Кюрбис. Издательница памятника предполагает, что хронист мог пропустить здесь по аналогии с именем предыдущего хелминского епископа (см. примеч. 6 наст. гл.) и имя епископа Герарда, которое в гл. 61 и 105 также обозначено заглавной буквой: G.[erardus] (MPH. NS. — Т. VIII. — Р. 176. — Przur. 541).

Глава 85

¹ Лионский собор состоялся в 1245 г.

Глава 86

¹ О познаньских вельможах Томаше, Томиславе и Сендзивое см.: Urzędnicy... — С. 87.

Глава 88

¹ О последствиях вражды силезских князей см.: Labuda G. Wielkie Pomorze w dziejach Polski. — Poznań, 1947. — С. 8 п.; Хек Р. Указ. соч. — С. 95 и сл.

Глава 89

¹ Хронологическое несоответствие. Владислав как младший сын опольского князя Казимира (1178/79—1229) получил княжество опольское только после смерти брата Мешко в 1246 г. События же, описываемые в данной главе, датируются 1244 г.

² Мешко Толстый (1225/26—1246), князь опольский и рациборский с 1229 г.

³ В 1239 г. Мешко женился на Юдите, дочери Конрада Мазовецкого (Balzer O. Genealogia... — С. 321).

⁴ Такой текст со слов «Ego Boguphalus» (Я, Богухвал) приводится в рукописи Годийовского (об этом см. предисловие, с. 12). Следует обратить внимание, что при местоимении первого лица «его» (я) глагол имеет форму третьего лица.

Глава 90

¹ Конрад Глоговский (см. примеч. 4 к гл. 72) снял с себя епископский сан в 1249 г. Свадьба Конрада и Саломеи, дочери Владислава Одонича датируется 1249/1250 гг. (Balzer O. Genealogia... — S. 236—238).

Глава 90а

¹ В рочнике познаньского капитула указан другой день — 29 декабря (MPH. NS. — Т. VI. — P. 28).

Глава 93

¹ Кросненский каштелян с таким именем в других источниках не встречается. Однако в рочнике познаньского капитула фигурирует Икон, сын Мирона (MPH. NS. — Т. VI. — P. 28). Силезские документы упоминают о некоем комите Иконе, приближенном Болеслава Рогатки. Об отце Икона Мироне сообщается лишь, что он был каштеляном глоговским (MPH. NS. — Т. VIII. — P. 178. — Przur. 567).

Глава 94

¹ Владислав Опольский (см. примеч. 1 к гл. 89) был правнуком Болеслава III Кривоустого и Евфимия, дочь Владислава Одонича, приходилась тому праправнучкой (Balzer O. Genealogia... S 238).

Глава 95

¹ Со слов «Eodem anno contigit» (В этом же году случилось) начинается текст этой главы, содержащийся в рукописях Домбрувки и Краковской, различающийся от текста других рукописей.

Глава 96

¹ Джень — крепость на реке Нотець (Wędzki A. Drezdenko // Studia nad początkami i rozplanowaniem miast nad środkową Odrą i dolną Wartą / Red. Z. Kaczmarczyk i A. Wędzki Zielona Góra, 1967. — S. 155 п.).

Глава 97

¹ Петр, декан познаньского капитула в 1250—1252 гг., епископ познаньский в 1253—1254 гг. (KDW. — Т. I. — N 285, 305; MPH. NS. — Т. VI. — P. 33).

² О кардинале Гуго см.: Siłnicki T. Kardynał Hugo de St. Cher a Polska // PH. — 1933. — Т. 9. — S. 166 п.

³ Опизо из Мессаны, папский легат. Участвовал в коронации Даниила Галицкого — привез ему королевский венец от папы Иннокентия IV (см. примеч. 2 к гл. 129).

Глава 98

¹ Станислав, краковский епископ, был убит в 1079 г. по приказу Болеслава Смелого (см. гл. 14). О его канонизации в 1253 г. сообщает также Винцентий из Кельц, автор Большого жития св. Станислава (MPH. — Т. IV. — P. 434—436; Plezia M. Wincenty z Kielc. Historyk polski z pierwszej połowy XIII wieku // StZ. — 1962. — N 7. — S. 15—42).

² Иннокентий IV (ок. 1195—1254), папа римский с 1243 г.

Глава 99

¹ В 1253 г. пасха приходилась на 20 апреля.

Глава 100

¹ Томаш из Губина. О нем см.: *Szymańska M. Wójctwo poznańskie 1253—1386 // PZ. — 1953. — N 9. — Z. 6—8. — S. 167 n.*

Глава 101

¹ 25 июля.

² 1 ноября.

Глава 102

¹ Аббат Вит, доминиканец, сподвижник св. Яцка. Посвящая Вита в сан, польский епископат стремился расширить влияние Польши на Литву. Но Вит не получил диоцеза. По требованию Миндовга (см. примеч. 1 к гл. 132), на которого оказывал давление орден, литовским епископом стал Христиан, член Немецкого ордена. Он и был посвящен в сан в 1253 г. папским легатом Альбертом. Вит принял епископство в Силезии (см.: Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. — С. 415; *Abraham W. Powstanie organizacji kościoła...* — S. 151 n.).

Глава 103

¹ Олешница — город на северо-востоке от Вроцлава.

² Второе воскресенье великого поста в 1254 г. приходилось на 8 марта, пятое воскресенье — на 31 марта.

Глава 104

¹ Петр, епископ плоцкий в 1249—1254 гг.

² Андрей Голек (Челек), епископ плоцкий в 1254—1260 гг.

Глава 105

¹ Волимир, епископ влоцлавский в 1252—1275 гг.

² О Герарде, первом епископе (*in partibus*) на Руси см. примеч. 4 к гл. 61.

³ Казимир Куявский (см. примеч. 2 к гл. 69).

⁴ Земовит I (ум. 1262), младший сын Конрада, князь черский и мазовецкий с 1245 г.

⁵ Богухвал из Чернелина, епископ познаньский в 1254—1264 гг., канцлер Пшемислава I в 1246—1252 гг.

⁶ Кужелов — город на Сандомирщине. В соответствии с данными рочника познаньского капитула, посвящение состоялось в Лодзе.

Глава 106

¹ Пшемислав II Оттокар (ум. в 1278), король чешский с 1253 г. В 1252 г. оформилась античешская коалиция в составе великого князя юго-западной Руси Даниила, венгерского короля Белы IV и польских князей Болеслава Стыдливого (Малая Польша) и Владислава Опольского (Силезия). Направлена она была прежде всего против короля Пшемислава II Оттокара. Последний, поддерживаемый римской курией, вынашивал планы захвата ливонских и прусских земель, а также территории Восточной Польши. О походе 1253 г. на Опаву сообщают русский источник (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 826) и рочник краковского капитула (МРН. — Т. II. — Р. 805). Участие русских войск в походе на Опаву

было связано с борьбой за наследство Бабенбергов. Даниил Романович шел на помощь сыну Роману, который, женившись в 1252 г. на племяннице австрийского герцога Гертруде, приобрел герцогские права на Австрию. Его права оспаривал Пшемислав II, женатый на сестре герцога бранденбургского. Возглавляли поход русские войска, участвовали и литовские отряды (см.: Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне... — Т. I. — С. 222 и сл.; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. — С. 255—258; Barciak A. W. sprawie polityki Przemysła Otokara II wobec Polski // PH. — 1974. — Т. 45. — S: 545—550).

Глава 107

- ¹ В 1254 г. Это был второй поход на Олешницу.
- ² Видава — правый рукав Одры.
- ³ В Тшебнице находился цистерцианский монастырь.

Глава 108

¹ Описываемому событию предшествовала многолетняя борьба за ятвяжскую землю, которая велась между польскими, русскими князьями и крестоносцами. На стороне галицко-волынского князя Даниила выступал младший сын Конрада Мазовецкого Земовит I, занявший после смерти отца Мазовию и также претендовавший на земли Восточной Пруссии. Средний сын Конрада кувявский князь Казимир, несмотря на то что ему приходилось вести ожесточенную борьбу с поморским князем Святополком, также вынашивал планы овладения ятвяжской территорией. Крестоносцы, опасаясь Казимира, одновременно стремились отвлечь Даниила и Земовита от борьбы за Полесье или ценой небольших подачек получить их помощь в завоевании всей ятвяжской земли. Галицко-волынские князья также стремились использовать наступление ордена на Пруссию и завладеть Ятвягией (см.: Пашуто В. Т. Борьба прусского народа... — С. 74). В 1254 г. в Рачонже был заключен договор, по которому одна треть ятвяжской земли была отдана польско-русской стороне. По условиям договора, в случае необходимости орден должен был оказать союзникам помощь. В ответ на договор Даниила и Земовита с орденом Казимир взял под стражу младшего брата с женой (MPH. NS. — Т. VI. — P. 35), надеясь вынудить Земовита отказаться от ятвяжских планов. Старший сын Конрада Болеслав, женатый на Анастасии, дочери Александра Белзского, владел северной частью Мазовии и был в дружественных отношениях с Даниилом Романовичем. Умер Болеслав бездетным. Перед смертью он по совету Даниила передал свой удел Земовиту (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 810). А в 1248 г. галицко-волынский князь укрепил союз с младшим Конрадовичем, выдав за него свою дочь Переяславу (Balzer O. Genealogia... — S. 313—320).

Глава 110

¹ Временное согласие братьев наступило после последнего похода Даниила Романовича на ятвягов, в котором ему помогали краковский князь Болеслав Стыдливый и Земовит. Большая часть добычи и территориальные завоевания достались русскому князю. Возможно, поэтому Земовит, обидясь, решился в 1255 г. на примирение с Казимиром. В 1257 г. обоими Конрадовичами был подписан договор с орденом, где они отказывались от претензии на ятвяжские земли крестоносцев (Włodarski B. Polska i Ruś. — S. 178).

Глава 111

¹ 29 сентября.

² В рочнике познаньского капитула о нем добавлено: «fuerat de magna gracia ducis Premis!» (пользовался величайшей милостью князя Пшемыслава) (MPH. NS. — Т. VI. — P. 35). Пакослав происходил из рода Авданицев и был сыном некоего Шедрика (Scadrici) (Urzędnicy... — S. 26. — N 43).

Глава 112

¹ Рачонж — каштелянская крепость в Гданьском Поморье.

Глава 113

¹ Автор хроники дословно передает сообщение из рочника познаньского капитула (MPH. — NS. — Т. VI. — P. 36).

² Время от полудня до захода солнца.

Глава 114

¹ В 1256 г. Пасха приходилась на 21 мая.

Глава 115

¹ Существует несколько точек зрения. Одни исследователи предполагают, что имеется в виду Поппон, уроженец г. Остерное близ Нюрнберга, магистр Пруссии с 1243 г., верховный магистр с 1249 г. (Dobbertin H. Livland und Preussen landfahrten Westdeutscher Fürsten, Grafen und Edelherren im 13 Jahrhundert // Nordrhein — Westfalen und der Deutsche Osten. — Dortmund, 1962. — S. 137, 138). Другие исследователи считают Поппона рыцарем крестоносцев, правнуком князя Мекленбургского, Генриха I Борвина, дочь которого могла быть Звенислава, жена Мщивоя (Hofmeister A. Genealogische Untersuchungen zur Geschichte des pommerschen Herzogshauses. — Greifswald, 1938. — S. 118; Jasiński K. Jeszcze o Zwinislawe // Zapiski TNT. — 1950. — Т. 16. — S. 88 n; MPH. NS. — Т. VIII. — P. 182. — Przyp. 631).

Глава 116

¹ 29 сентября.

² Так хронист называет Болеслава Лысого Рогатку, сына Генриха II Благочестивого.

³ Томаш был арестован 8/IV 1257 г. Конфликт с князем разрешился на Ленчицком синоде 14/X 1257 г. (см. гл. 120).

⁴ В рочнике познаньского капитула, по которому излагаются происшедшие события, препозит именуется Богуславом (MPH. — NS. — Т. VI. — P. 42).

⁵ Геккард (Экард) из Калкова, помощник епископа Томаша.

⁶ Влень — крепость над рекой Бобр в легницком княжестве.

⁷ Генрих III Вроцлавский и Конрад Глоговский — дети Генриха Благочестивого, убитого татарами, братья Болеслава Силезского.

Глава 118

¹ На основании этих слов исследователи полагают, что автору хроники принадлежало отдельное жизнеописание Пшемыслава I, которое не сохранилось (MPH. NS. — Т. VIII. — P. 183. — Przyp. 645).

² См. предисловие, с. 12.

Глава 119

¹ 14 октября.

² О Пшемыславе II см. примеч. 5 к прологу.

Глава 120

¹ Вильгельм I, епископ любушский в 1252—1273 гг.

² О-Ленчицком синоде в 1257 г. см.: QDW. — Т. I. — N 361. — S. 321.

Глава 121

¹ До 1246 г. Пшемыслав I и Болеслав были соправителями Великой Польши. После смерти брата Болеслав Благочестивый правил его уделом.

² Елена (Иолента), дочь Белы IV, сестра Кинги (Balzer O. Genealogia... — S. 233).

³ Автор ошибается. Сестра св. Ядвиги, жена Генриха Бородатого, приходилась Елене бабкой, а не матерью (см. примеч. 1 к гл. 67).

⁴ Дочь по имени Ядвига (род. 1266) вышла замуж за Владислава Локетка ок. 1279 г.

⁵ Владислав Локетек (ок. 1260—1333), сын Казимира Куявского, князь ленчицкий и куявский с 1277 г., серадзский с 1288 г., краковский с 1305 г., поморский и куявский с 1306 г., князь Великой Польши с 1314 г., король Польши с 1320 г.

⁶ В рукописи Королевской вместо aut (или) стоит et (и) (MPH. NS. — Т. VIII. — P. 110).

⁷ Елизавета (род. 1263), старшая дочь Болеслава. Была замужем за Генрихом V Толстым (1248/49—1296), сыном Болеслава Рогатки, князем ленчицким в 1277—1279 гг.

⁸ Анна (род. 1276), третья дочь Болеслава.

⁹ Францисканский монастырь св. Клары — ученицы и последовательницы Франциска Азисского.

Глава 122

¹ Борьба за лендзкую землю велась давно (см. гл. 83).

² Варцислав (ум. 1264), западнопоморский князь с 1223 г. Его жена Софья, была сестрой великопольского князя Болеслава (Balzer O. Genealogia... — S. 239; Wehrmann M. Genealogie des pommerschen Herzogshauses. — Stettin, 1937. — S. 54 п.).

³ Во всех рукописях хроники в этом месте непонятное слово Voq-fali. Если оно означает имя отца Варцислава, то автор ошибается — отцом князя был Казимир II на Дымине (ум. 1219—1220) (MPH. NS. — Т. VIII. — P. 184. — Przur. 658).

Глава 124

¹ Януш, архиепископ гнезненский в 1258—1272 гг.

² Паллий — белый шерстяной плащ, надевавшийся епископом поверх священного облачения во время торжественной, праздничной службы (см.: Галл. — Кн. I. — Гл. 30. — С. 151. — Примеч. 7).

³ Александр III, папа римский в 1159—1181 гг.

⁴ В 1259 г. первое воскресенье великого поста приходилось на 2 марта.

Глава 125

¹ Имеется в виду Герман фон Гляйхен, каменский епископ в 1251—1289 гг.

² Слупск (Столл), город во владениях Святополка Поморского (Kronika Wielkopolska. — P. 265. — Przur. 412).

Глава 126

¹ 8 августа.

² Ныне город Клонов.

³ Речь идет о комите Богуше, который был воеводой в Куявии в 1231—1262 гг. (MPH. NS. — T.VIII. — P.185. — Przur. 672).

Глава 127

¹ Геркабольд (Аркембольд) из рода Зарембов, палатин гнезненский и калишский в 1255—1284 гг. (Urządnicy... — S. 42. — N 178; S. 46. — N 211; S. 48. — N 230).

² Симон, брат Аркембольда, каштелян гнезненский в 1253—1271 гг. (Urządnicy... — S. 37. — N 134; S. 41. — N 168).

³ Николай Пшеделкович из рода Лодзов, палатин калишский в 1285—1305 гг. (Urządnicy... — S. 34. — N 111; S. 58. — N 317; S. 59. — N 322; S. 61. — N 336). К 1259 г. — времени излагаемого события — он еще не был палатином. Следовательно, хронист либо писал об этом в конце XIII в., либо был знаком с документами, по которым определял должности указанных лиц (MPH. NS. — T.VIII. — P. 185. — Przur. 673—675).

Глава 128

¹ Пакош — крепость на левом берегу реки Нотець.

Глава 129

¹ Земовит, тяготившийся условиями, навязанными братом при разделе территории, стремился закрепить за собой ленчицкую землю. Тесть Земовита Даниил Романович, оскорбленный недавним арестом дочери и зятя (см. гл. 108), охотно его поддержал и выслал на помощь сына Романа. В поход двинулись и другие противники Казимира — великопольский и малопольские князья (Włodarski В. Polska i Ruś. — S. 179—180, 189).

² Даниил Галицкий (1202—1264), старший сын Романа Мстиславича, князь галицко-волынский. В конце 30-х годов XIII в., объединив Галицкую и Волыньскую земли стал одним из самых могущественных русских князей. В 40-х годах владел великокняжеским киевским столом. Активно участвовал в политической жизни Европы. Его связи с католическими странами дали повод римской курии домогаться от Даниила латинизации русской церкви. После похода на Опаву (см. гл. 106) в 1253 г. к Даниилу прибыли послы от папы Иннокентия IV и привезли королевскую корону, обещая помощь против татар. По свидетельству Галицко-Волынской летописи, Даниил не хотел короноваться, но уступил уговорам матери, Земовита, и краковского князя Болеслава Стыдливого. Коронация состоялась. Однако помощи со стороны Рима не последовало, и Даниил в свою очередь не поддержал навязываемую папством унию православия с католичеством (ПСРЛ. — Т. П. — Стб. 777—778, 827; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. — С. 250—261; Большакова С. А. Папские послания галицкому князю как исторический источник // Древнейшие государства на территории СССР. — М., 1976. — С. 122—129).

³ Роман Данилович (ум. 1260), князь слонимский и новгородский. От Войшелка, сына Миндовга, получил во княжение Черную Русь и правил в Новгороде до 1258 г. О дальнейшей судьбе Романа см.: Ша-

велева Н. И. К истории второго нашествия монголо-татар на Польшу//Восточная Европа в древности и средневековье. — М., 1978. — С. 312—314).

⁴ 30 ноября.

Глава 130

¹ Монголо-татарские ханы, проводя политику разъединения покоренных народов, натравливали подвластных им князей друг на друга, принуждали к участию в своих завоевательных походах (см.: Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. — М., 1975. — С. 29). О нападении на Сандомир см.: Щавелева Н. И. К истории второго нашествия монголо-татар на Польшу. — С. 307—314.

² Куманы — византийское название половцев, тюркского кочевого народа, населявшего южнорусские степи. Это название встречается и в древнерусских летописях (см.: Попов А. И. Названия народов СССР. — Л., 1973. — С. 127—132; Плетнева А. Половецкая земля//Древнерусские княжества X—XIII вв. — М., 1975. — С. 260—301).

³ Василько (1206—1269), брат Даниила Романовича, князь владимири-волинский с 1238 г.

⁴ Лев (ум. 1300), сын Даниила Романовича, князь Западной Галиции с 1264 г., Восточной с 1269 г.

⁵ Об участии Романа в походе сообщает только Великопольская хроника.

⁶ О нашествии татар есть известия и в других польских источниках: в рочнике краковского капитула, в Кратком рочнике, в рочнике Траски, в ряде малопольских анналов (МРН. — Т. II. — Р. 806, 839; Т. III. — Р. 73, 133), а также в русской летописи (ПСРЛ. Т. II. — Стб. 852—855).

Глава 131

¹ Констанция (ум. 1246), дочь Пшемислава I и Елизаветы (Balzer O. Genealogia... — S. 239 п.).

² Конрад I (ум. 1304), сын Яна I, маркграф бранденбургский с 1266 г. (см. примеч. 1 к гл. 146).

Глава 132

¹ Мендольф (Миндовг) (ум. 1263), великий князь литовский. Обладая значительным войском, владея крупной земельной собственностью, сумел объединить под своей властью литовские земли (Аукштайтию, Жемайтию и др.) и некоторые территории Ятвятии. В 1253 г. принял крещение и был коронован. Русские источники сохранили сведения о крещении Миндовга, истолковав это событие как политический маневр. Как видно из Великопольской хроники, в Польше также расценивали крещение литовского короля, который, «вскоре отрекшись от христианской веры, присоединился к язычникам» (Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. — С. 34, 340—341, 379; Łowmiński H. Agresja krzyżaków na Litwę w XII—XIV w. // PH. — 1954. — Т. 35. — С. 344—345; Powierski J. Świętopelk gdański i Kazimierz kujawsko — łeczycki w rywalizacji z zakonem krzyżackim o ziemie bałtyjskie w latach 1250 połowa 1252 // Rocznik Gdański. — 1981. — Т. 16. — Z. 1. — S. 73, 84).

² Автор хроники не видит различий между пруссами и литовцами и представляет литовского князя Миндовга королем пруссов. Это не случайно: пруссы этически близки литовцам и входят в литовско-прус-

ско-летскую лингвистическую группу. Кроме того, часть пруссов (в XIII в. и позднее) переселилась в Литву и «вошла в качестве одного из компонентов в формирующуюся народность» (Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. — С. 80; Pakarklis P. Kryžiuočių valstybės santykai su rusiais. — Vilnius, 1948. — Р. 15—23).

Глава 133

¹ Земовит по договору с орденом, заключенному 15/VI 1260 г., получил шестую часть Ятвягии (Włodarski B. Polska i Ruś. — S. 180). Это привело к ухудшению отношений Мазовии с Литвой. В 1262 г. в ответ на крестовый поход 1261 г. (речь о нем в 134 гл.) Миндовг организовал поход на Хелминскую землю, Помезанию и Мазовию. Были опустошены Плоцк, Ездов и Лович (см. гл. 138, 140) (см.: Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. — С. 146).

Глава 134

¹ 6 января.

² Поход был организован крестоносцами в союзе с мазовецким князем Земовитом и великопольским рыцарством. Они потерпели серьезное поражение. В ответ Миндовг повел свои войска на Мазовию, о чем сообщается в гл. 133 и 138.

Глава 135а

¹ Петр, епископ плоцкий в 1260—1263 гг.

Глава 136

¹ Земомысл (1241/45—1287), сын Казимира куявского, князь Куявии с 1267 г.; Лешек Черный (1240—1288), старший сын Казимира, князь ленчицкий, серадзский и краковский. Некоторые исследователи считают, что Казимировичи подняли бунт в 1260 г. (Włodarski B. Rywalizacja o ziemie pruskie w połowie XIII w. // Roczniki TNT. — 1958. — R. 61. — S. 59).

² Ефросинья (ум. 1292), дочь опольско-рациборского князя Казимира, третья жена Казимира Куявского (Balzer O. Genealogia... — S. 299—302).

Глава 137

¹ 24 августа.

² Волимир, епископ влоцлавский в 1252—1275 гг.

Глава 138

¹ Яздово (Ездово) — княжеская крепость в черской земле южнее современной Варшавы.

² Шварн (ум. 1269), младший сын князя Даниила Романовича. С 1264 г. княжил в восточной части Галицкого княжества и в Забужье. В 1267 г. получил от брата жены литовского князя Войшелка в правление Литву (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 807, 864, 869). Автор хроники ошибается, называя зачинщиками и участниками похода русских. В Галицко-Волынской летописи под 1262 г. указывается: «Идоша Литва на ляхы воевать от Миндовга и Остафия Константиновича... Литва же изгнаша Ездовъ на канунъ и Ивана дни на самая коупалья. Ту же и Сомовита кн язя убиша а сына его Кондрата яша, и голсна много яша...»

(ПСРЛ. — Т. II — Стб. 855). Сообщение русского источника, несомненно, более точное. Даниила, как известно, связывала давняя дружба с мазовецким князем, и он вряд ли был инициатором и тем более помощником Миндовга в этом роковом для Земовита походе. Кроме того, в каталоге краковских епископов есть известие, что Земовит был убит кем-то из своего окружения (МРН. — Т. III. — Р. 362; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. — С. 114—115; Он же. Образование Литовского государства. — С. 416; Włodarski В. Ruywalizacja... — S. 181; см. предисловие, с. 44).

² Конрад II (1251/1255—1294), князь черский, мазовецкий с 1264 г.
⁴ Длугоседло — владение плоцких епископов, неподалеку от Дрогичина.

Глава 139

¹ Болеслав II (ок. 1251—1313), младший сын Земовита, брат Конрада, князь плоцкий, мазовецкий с 1294 г.

Глава 140

¹ В этом сообщении можно усмотреть намек на события 60-х годов XIII в. В это время литовцы разгромили в Кёнигсберге ливонских рыцарей. В результате во всех землях Пруссии вспыхнула новая волна восстаний против рыцарей и союзной с ними местной знати (см.: Пашуто В. Т. Борьба прусского народа... — С. 74). Об этом нападении пруссов имеются также известия в хрониках Длугоша и Петра из Дусбурга.

Глава 143

¹ 13 декабря.

Глава 144

¹ Модже — крепость на юго-западе от Познани.

Глава 145

¹ 25 января.

² Петржик (Петр) из Скожева, препозит познаньского капитула с 1243 г.

³ Жнин — владение архиепископа на Палуках.

⁴ Фалент, хотя и не принадлежал к знатному рыцарскому роду в Великой Польше, был деканом гнезненского капитула.

⁶ Ян, декан познаньской церкви. О личности Яна исследователи спорят (МРН. NS. — Т. VIII. — Р. 188. — Przyp. 721).

⁶ Архидиакон Ян, канцлер Пшемислава I, а затем Болеслава Благочестивого с 1257 г. (Urzędnicy... — S. 26. — N 41; S. 28. — N 63).

⁷ В 1265 г. эта суббота приходилась на 28 февраля.

⁸ Клемент IV, папа римский в 1265—1268 гг.

⁹ Александр IV, папа римский в 1254—1261 гг.

¹⁰ Сведения об упоминаемых лицах — схоластике Петре, канонике Мирославе и викарии Бенедикте — другими документами не подтверждаются.

¹¹ Годислав Башко, кустош познаньского капитула до 1269 г. (см. предисловие, с. 12—14).

¹³ Николай, кустош и схоластик краковского капитула, управлял познаньским диоцезом в 1267—1279 гг.

Глава 146

¹ Братья Ян I (ум. 1268) и Оттон III (ум. 1267) из династии Асканов, маркграфы бранденбургские (Schultze J. Die Mark Brandenburg. — Berlin, 1961. — Т. I. — S. 154).

Глава 147

¹ В русском источнике смерть Даниила датируется 1264 г. (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 862).

Глава 148

¹ Упоминания об этом событии в других источниках отсутствуют.

Глава 149

¹ Болеслав напал на Русь в ответ на недавнее вторжение литовцев в свои земли. Вместе с Литвой в походе на Польшу участвовали Шварн Данилович и его дядя Василько Романович. В планы последних входило овладение ятвяжской землей, что чрезвычайно обеспокоило польского князя. В русской летописи обстоятельно излагаются причины и ход войны 1266 г. Причем Болеслав высказывает обиду Шварну: «...Я на Литву не жалоую оже мя воевали немирникъ мой, а воевал мя тако и гораздо, но на тя жалоую...» (ПСРЛ. — Т. II. — Стб. 864—867), показывая, что не ожидал от Шварна такой несправедливости. Болеслав не только мстил Обидчику, но хотел разорвать опасный союз Шварна и Василько (Włodarski B. Rywalizacja... — S. 183).

² 19 июня.

³ Павел из Пшеманкова, епископ краковский в 1266—1292 гг.

Глава 152

¹ Это свидетельство имеется лишь в Великопольской хронике. Участники конфликта, за исключением познаньского епископа Николая, по документам не определены.

Глава 152a

¹ Дуппин (Дубин) — крепость на границе Силезии.

² В великопольских документах нет сообщений о знатном комите по имени Федрик, однако упоминается сын какого-то «comitis Scedrici». Возможно, о нем идет речь в данной главе (MPH. NS. — Т. VIII. — P. 190. — Przur. 747).

³ Неслуш — крепость на западе Великой Польши.

⁴ Гнемовир, сын Гшебыслава (Тшебеслава), каштелян Збоньшина в 1277—1286 гг., познаньский судья в 1268—1298 гг. (Urządnicy... — S. 6. — N 338; S. 70. — N 424).

⁵ Болеславич — крепость на юго-восточной границе Великой Польши.

Глава 153

¹ Оттон V Длинный, маркграф бранденбургский, сын Оттона III (1267(?) — 1298).

² Ныне Суленчин — населенный пункт в Любушской земле.

Глава 154

¹ Эта легенда содержится и в других польских источниках: в хро-

нике Дежвы, в малопольских анналах, в рочнике познаньского капитула, в житии св. Саломеи (MPH. — Т. II. — P. 840; Т. IV. — P. 779п; Kūrbis B. Zywoł bi. Salomei jako źródło historyczne // Studia historica w 35-lecie pracy naukowej Henryka Łowmiańskiego. — Warszawa, 1958. — S. 145—154; MPH. NS. — Т. VI. — P. 47).

² 10 ноября.

³ Мать Саломен — Гремислава Ингваровна.

Глава 155

¹ Часть прусской знати переходила на службу к крестоносцам или к князьям соседних государств, действуя вопреки интересам своей страны (см.: Пашуто В. Т. Борьба прусского народа... — С. 66).

² Быдгощ — крепость на берегу реки Брды в Куявии. В начале XIV в. Быдгощ был занят крестоносцами.

³ Текст, начинающийся со слов «Postea» (Впоследствии) содержится только в Королевской рукописи (MPH. NS. — Т. VIII. — P. 123).

Глава 157

¹ Мендзьжеч — древний город, о котором имеются известия с 1248 г. (Kurnatowski S., Nalepa J. Z przeszłości Międzyrzecza // Biblioteka Lubuska. — 1961. — Т. 7. — S. 18 п.).

Глава 159

¹ 2 февраля.

² В 1296 г.

³ Андрей Шиманович Заремба, канцлер Пшемыслава II, епископ познаньский в 1297—1316 гг. (Urzednicy... — S. 30. — N 79, 86; Kargasiewicz W. Dzialność polityczna Andrzeja Zaremby w okresie zjednoczenia państwa polskiego na przełomie XIII i XIV w. — Poznań, 1961).

⁴ Домрат (Домарад) из рода Гжималов, епископ познаньский в 1317(?) — 1324 гг.

⁵ Ян Лодзя, епископ познаньский в 1335—1346 гг. Хронист ошибается. Преемником Домрата был Ян Долива, епископ познаньский в 1324—1335 гг. (Nowacki J. Dzieje archidiecezji poznańskiej. — Poznań, 1964. — Т. II. — S. 63—66).

⁶ 12 марта.

Глава 160

¹ Генрих IV Честный (ок. 1258—1290), князь вроцлавский с 1270 г.

Глава 161

¹ Варцислав (ум. 1271), младший сын Святополка II, князь гданьский с 1266 г.

² Мщивой II (ум. в 1294 г.), старший сын Святополка, князь Гданьского Поморья с 1271 г.

³ Такой текст после слов «Romaganis sibi adherentibus» (примкнувшими к нему поморянами) содержится в рукописях Оттобоньянской, Королевской, Сендзивоя и Станислава Августа.

⁴ Так завершают фразу рукописи Вроцлавская, Сенявская, Виляновская, Домбрувки, Краковская.

⁵ Этот текст приводится в рукописях Сендзивоя, Станислава Августа, Домбрувки и Краковской.

Глава 162

¹ Последние три главы имеются только в рукописях Домбрувки и Краковской.

² О походе Болеслава см.: Labuda G. Uwagi o zjednoczeniu państwa polskiego na przełomie XIII i XIV wieku // КН. — 1955. — Т. 62. — С. 125; Idem. Historia Pomorza. — С. 534 п.

Глава 163

¹ Пшедпелк из рода Лодзов, воевода (Urzędnicy... — С. 62. — N 349).

² Янко из рода Зарембов, каштелян калишский (Urzędnicy... — N 179. — С. 42. Jasiński K. Tragedia rogozińska 1296 r. na tle rywalizacji wielkopolsko—brandenburskiej o Pomorze Gdańskie // Zapiski historyczne. — 1961. — Т. 26. — С. 93).

³ 31 мая.

Глава 164

¹ О Барниме I. см. примеч. I к гл. 82.

² Невестой Пшемыслава II была Людгарда (род. ок. 1259), дочь Генриха I Пилигримма, князя мекленбургского в 1264—1302 гг.

³ Анастасия (ум. 1317), дочь Барнима I.

⁴ О Елене см. примеч. 2 к гл. 121.

⁵ О Николае, епископе познаньском, см. примеч. 12 к гл. 145.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЯ	Вопросы языкознания
ПВЛ	Повесть временных лет
ПРП	Памятники русского права
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
CzPH	Czasopismo Prawno—Historyczne
FRB	Fontes Rerum Bohemicarum
KDW	Kodeks dyplomatyczny Wielkopolski
KH	Kwartalnik Historyczny
MGH SS	Monumenta Germaniae Historica, Scriptores
MGH. SS, NS	Monumenta Germaniae Historica, Scriptores, Nova Series
MPH	Monumenta Poloniae Historica
MPH. NS	Monumenta Poloniae Historica, Nova Series
PH	Przegląd Historyczny
Pr KH PTPN	Prace Komisji Historycznej Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk
PSB	Polski Słownik Biograficzny
PZ	Przegląd Zachodni
RAUhf	Rozprawy Polskiej Akademii Umiejętności, wydział historyczno—filozoficzny
RH	Roczniki Historyczne
Roczniki TNT	Roczniki Towarzystwa Naukowego w Toruniu
SRH	Scriptores Rerum Hungaricarum
SRP	Scriptores Rerum Prussicarum
SSS	Słownik Starożytności Słowiańskich
StZ	Studia Zródłoznawcze
Zapiski TNT	Zapiski Towarzystwa Naukowego w Toruniu
ZfOF	Zeitschrift für Ostforschung

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адальберт (св. Войтех), еп. пражский 67, 126, 158, 179, 197
Аделаида, сестра Генриха I Бородатого 151
Александр Великий (Македонский), 57—59, 86
Александр III, папа римский 120, 182
Александр IV, папа римский 180, 191
Андрей Голек, еп. плоцкий 170, 171, 180, 187
Андрей Шимонович, еп. познаньский 197
Ассуэр (Артоксеркс), царь персидский 51, 56
Атила (Тила), вождь гуннов 55
- Барним, сын Лешка III (легенд.) 61
Барним I, кн. западнопоморский 159, 167, 200, 201
Батый, татарский хан 154, 155
Бела IV, кор. венгерский 155, 180
Бенедикт IX, папа римский 69
Бенедикт Колка, викарий 191
Богдал, сын Лешка III (легенд.) 61
Богуслав I, кн. западнопоморский 118, 121, 147
Богухвал, еп. познаньский 157, 159, 160, 162, 163, 167
Богухвал, препозит вроцлавский 175
Богухвал из Чернелина, еп. познаньский 170, 171, 180, 189
Болеслав, сын Земовита I 188
Болеслав, сын Лешка III (легенд.) 61, 64
Болеслав, сын Мешко III Старого 115, 125, 132
Болеслав см. Собеслав II
Болеслав I Храбрый, Великий, кор. польский 63, 66—68, 71, 105, 150
Болеслав II Щедрый, Смелый, кор. польский 70—72, 74, 75
Болеслав III Кривоустый, кн. польский 76, 79—97, 102—106, 111, 114, 119, 123, 152
Болеслав IV Кудрявый, кн. польский 95, 106, 108, 110—114, 118, 123, 125
Болеслав Благочестивый, кн. великопольский 150, 155—164, 168, 171, 172, 174, 180—185, 187, 188, 190, 192—201
Болеслав Высокий, кн. силезский 110, 112, 118, 131, 132, 142, 148
Болеслав Забытый, сын Мешко II 69
Болеслав Лысый Рогатка, кн. силезский 155, 157—164, 175—177, 180
Болеслав Стыдливый, кн. краковский 144, 147, 148, 152, 154, 156, 158, 170—172, 180, 184, 193, 194
Болеслав Щепелка, сын маркграфа Дипольда 151, 155
Борживой, кн. чешский 86, 94
Будивой см. Борживой
- Вальтер Удалой (полулегенд.) 98—102
Ванда, королева лехитов (легенд.) 57, 58
Варцислав, кн. восточнопоморский 198
Варцислав, кн. западнопоморский 181, 182
Василько, брат Даниила Галицкого, кн. владими́ро-во́лынский 184
Вацлав Одноокий, кор. чешский 151
Венцеслав 53
Весткон, рыцарь 190

Вильгельм, еп. любушский 180
Винцентий Кадлубек, еп. краковский, хронист 51, 126
Вислав, сын Лешка III (легенд.) 61, 64
Вислав Прекрасный (легенд.) 97, 100—102
Вит, еп. литовский 169, 170
Владимир, кн. галицкий 123—125, 134
Владимир Великий, кн. киевский 70
Владислав, кн. вроцлавский, архиеп. зальцбургский 155, 197
Владислав, кн. опольский 146, 154, 162, 164, 171
Владислав, сын Лешка III (легенд.) 61, 64
Владислав I Герман 70, 75—79, 90
Владислав II Изгнанник, кн. польский 81, 95, 106—112, 118, 131
Владислав Великий Лясконогий, кн. польский 133, 142—144, 146, 149
Владислав Локетек, кор. польский 180
Владислав Одонич, кн. великопольский 146, 147, 149—152, 155, 157, 162, 174, 177, 187, 199
Владислав Святой, кор. венгерский 75, 78
Волимир, еп. влоцлавский 170, 171, 180, 187
Володарь, кн. перемышльский 96, 97, 102
Вратислав II, кор. чешский 72
Вроцлав II, сын Лешка III (легенд.) 61, 64
Всеволод, кн. белзский 122, 125
Вшебор, воевода 104, 108
Вышимир, сын Лешка III, (легенд.) 61, 64

Гедко, еп. краковский 115—117, 125
Гейденрих, еп. хелминский 160
Геккард, каноник вроцлавский 175, 176
Гельгунда (легенд.) 98—102
Генрих, декан познаньский 181, 182
Генрих, кн. мекленбургский 201
Генрих, кн. сандомирский 95, 106, 108, 110, 111, 118, 119
Генрих I Бородатый, кн. силезский 146—148, 150, 151, 154
Генрих II Благочестивый, кн. силезский 151—155, 157, 163, 175, 189, 197
Генрих III Белый, кн. вроцлавский 155, 161, 164, 170, 171, 176, 197
Генрих IV Честный, кн. вроцлавский 197
Генрих V Толстый, кн. легницкий 180
Генрих III, имп. германский 76
Генрих V, имп. германский 86, 87, 91, 95, 152
Герард, еп. русских 148, 170
Геркабольд, палатин гнезненский 183
Герман, рыцарь 172
Гжебыслав, отец каштеляна Гнемовира 194
Гнемовир, каштелян 194
Гнемовир, наместник Поморья 87, 88
Говорек, воевода сандомирский 132, 141
Годислав Башко, кустош познаньский 178, 180, 191
Готфрид, папский легат 160
Гремислава, жена Лешка Белого 144
Григорий, воин 132
Григорий IX, папа римский 153
Гуго, кардинал 167

Даниил Галицкий, кор. русский 184, 188, 192

Дипольд, каноник магдебургский 151
Дипольд, маркграф Моравии 151
Доброгост, рыцарь 194
Добронега, жена Казимира I Восстановителя 70
Домрат, еп. познанский 197
Дрогослав, рыцарь 190
Дубровка, жена Мешко I 66

Евфимия, жена Владислава Опольского 164
Елена, жена Болеслава Благочестивого 180, 190, 201
Елизавета, жена Пшемислава I 157, 189

Желислав, воевода 81
Жирон, комит 118

Збигнев, сын Владислава I Германа, кн. польский 77—85
Збигнев, сын Лешка III (легенд.) 61
Здислав, архиеп. гнезненский 119
Земовит, сын Пяста (полулегенд.) 63, 65
Земовит I, кн. мазовецкий (легенд.) 159, 160, 170, 171, 184, 188
Земомысл, кн. куявский 187, 195
Земомысл, сын Лешка III (легенд.) 61
Земомысл, сын Лешка IV 65, 66

Инка, каштелян 164
Иннокентий IV, папа римский 160, 168, 170
Иордан, еп. 66
Исидор Севильский, хронист 54

Казимир, кн. куявский 153, 159, 162, 170—172, 180—184, 187
Казимир, кн. опольский 146, 162
Казимир, сын Лешка III (легенд.) 61, 64
Казимир I Восстановитель, кн. польский 54, 69—71, 98
Казимир II Справедливый, кн. краковский и сандомирский 95, 106,
111, 114, 116—131, 143, 145—147
Кинга, жена Болеслава Стыдливого 152
Клемент IV, папа римский 191
Коломан (Кальман), король галицкий 95, 155
Коломан I, кор. венгерский 87
Коломан II, кор. венгерский 103
Конрад, имп. германский 110, 114
Конрад, маркграф бранденбургский 185, 198, 200
Конрад, сын Владислава II Изгнанника, кн. глоговский 112, 113,
118
Конрад, сын Генриха II Благочестивого, кн. глоговский 155, 163,
164, 167, 171, 177
Конрад I, кн. мазовецкий 129, 132, 139, 140, 142, 143—145, 148, 149,
151—153, 156, 158, 159, 162, 171, 172
Конрад II, кн. черский и мазовецкий 188
Константин, сын Петра Властовича 108
Констанция, жена Конрада, маркграфа бранденбургского 185
Крак, первый кор. польский (легенд.) 56, 57
Крак, сын Крака (легенд.) 57
Красс, римский полководец 60
Кус, потомок Яфета (библ.) 54

Ламберт, еп. краковский 76

Лев, сын Данила Галицкого, кн. Зап. Галиции 184, 192

Лев см. Вратислав II, кор. чешский

Лех, прародитель лехитов (легенд.) 52, 53, 55

Лешек, сын Болеслава IV Кудрявого, кн. мазовецкий и куявский 114, 118, 125

Лешек I, кор. польский (легенд.) 58, 59

Лешек II, кор. польский (легенд.) 59, 60

Лешек III, кор. польский (легенд.) 60, 61

Лешек IV, сын Земовита I, кор. польский 65

Лешек Белый, кн. сандомирский и краковский 128, 129, 131, 132, 134—145, 147, 148, 152

Лешек Черный, кн. ленчицкий, серадзский 187

Людгарда, жена Пшемыслава II 202

Магнус, префект силезский 77

Мартин, архиеп. гнезненский 88, 89

Мартин из Опавы, хронист 54, 55

Мендольф см. Миндовг

Мечислав, предводитель восстания в Мазовии 70

Мешко, сын Болеслава II Смелого 75

Мешко, сын Генриха II Благочестивого, кн. любушский 155, 162

Мешко, сын Казимира I Восстановителя 70, 75

Мешко, сын Мешко III Старого 115, 141

Мешко I, кн. польский 66

Мешко II Ламберт, кор. польский 66—69

Мешко III Старый, кн. польский 95, 106, 109—111, 114, 115, 117—122, 125, 126, 129—134, 137—143, 146

Мешко Лорипед, кн. рациборский 110, 112, 118, 129, 131, 132, 134, 142

Мешко Толстый, кн. опольский 162

Микл (полулегенд.) 65

Миндовг, кн. литовский 185, 186

Миرون, каштелян глоговский 164

Мирослав, каноник познаньский 191

Михаил, еп. влоцлавский 160

Мщивой II, кн. восточнопоморский 156, 172, 174, 198, 199

Нанкер, еп. любушский 160

Нерон, имп. римский 61

Николай, еп. познаньский 192, 194, 201

Николай, палатин калишский 183

Николай, палатин краковский 124, 126, 130, 134, 140, 141

Нимрод (библ.) 52, 53

Одон, кн. познаньский и калишский 115, 117, 146, 150, 177, 199

Одон, сын Казимира I Восстановителя 70

Одон, сын Лешка III (легенд.) 61, 64

Опизо, папский легат 168—170

Оттон III, маркграф бранденбургский 194, 196

Оттон V, маркграф бранденбургский 194, 196, 198

Оттон III Рыжий, имп. германский 67, 69

Павел, еп. краковский 193

Павел, еп. познаньский 150

Пакослав, рыцарь 172

Пан, прародитель паннонцев (легенд.) 52

Пелка, архиеп. гнезненский 156, 158, 160, 163, 167, 169—171, 180, 181

Пелка, еп. краковский 125, 126, 129, 132, 134, 141, 143

Петр, архиеп. гнезненский 126

Петр, еп. плоцкий (1245—1253) 160, 170

Петр, еп. плоцкий (1260—1263) 187

Петр, еп. познаньский 167, 169, 170

Петр, схоластик познаньский 191

Петр Властович (Влостек), палатин силезский 94—97, 107, 108

Петр Поморянин, каноник познаньский 193

Петржик, еп. познаньский, элект. 189, 190.

Помпилиуш I, кор. польский (легенд.) 60, 61, 97

Помпилиуш II (Хотышко), кор. польский (легенд.) 61, 62, 66

Попель см. Помпилиуш I

Поппон, крестоносец 174, 175

Прандота, еп. краковский 156, 160, 170, 180, 193

Пшедпелк, комит 200

Пшемыслав, наместник в Шреме 151

Пшемыслав, сын Лешка III (легенд.) 61, 64

Пшемыслав I, кн. великопольский 150, 155—175, 177, 179, 180, 185, 189, 200

Пшемыслав II, кн. великопольский 51, 52, 174, 179, 197, 200—202

Пшемыслав II Оттокар, кор. чешский 171

Пшибыслав, каноник гнезненский 181, 182

Пшибыслав, сын Лешка III (легенд.) 61, 64

Пяст, кор. польский (легенд.) 62—63

Репка, жена Пяста (легенд.) 63

Робоам (библ.) 115

Роман, кн. владими́ро-во́лыньский и галицкий 123—125, 131—134, 136, 137, 145

Роман, сын Данила Галицкого, кн. слонимский 184, 192

Роман см. Владимир, кн. киевский

Рус, прародитель русских (легенд.) 52

Саба (библ.) 53

Сабель, каштелян 196

Саломея, жена Коломана галицкого 144, 194, 195

Саломея, жена Конрада I глоговского 163

Самбор, кн. восточнопоморский 118

Сарб (Сарбан), прародитель сорабов (легенд.) 53

Семиан, сын Лешка III (легенд.) 61

Сендзивой, чашник 160

Сецех (Сетег), палатин 77—79

Симон, каштелян гнезненский 183

Скарбимир, палатин 81, 82, 91

Собеслав, сын Лешка III (легенд.) 61, 64

Собеслав II, кн. чешский 115, 117

Соломон (Шаламон), кор. венгерский 71, 72, 76

Соломон, царь иудейский 53, 115

Солон, афинский политический деятель 82

Спицигнев, сын Лешка III (легенд.) 61

Спицимиж, сын Лешка III (легенд.) 61

Станислав 53

Станислав св., еп. краковский 70, 74, 75, 168, 170
Стефан, сын Мешко III Старого 115
Стефан св., кор. венгерский 126
Сулислав, сын Доброгоста 194
Святополк, кн. восточнопоморский 145—147, 155, 156, 172—175,
182, 183, 192
Святополк II, кн. моравский 81
Святослав, сын Петра Властовича 116

Теодорик, каштелян быдгощский 195
Теофил, архидьякон гнезненский 167
Томаш, еп. вроцлавский 160, 170, 171, 175, 180, 189, 191
Томаш, каштелян познаньский 160, 163
Томислав 53
Томислав, можновладец 160

Фалент, декан гнезненский 190—192
Фридрих I Барбаросса (Рыжебородый), имп. германский 111, 115,
121
Фридрих II, имп. германский 153, 160
Фулкон см. Пелка, архиеп. гнезненский

Чешмир, сын Лешка III, (легенд.) 61, 64
Чех, прародитель чехов (легенд.) 52
Шварн, сын Даниила Галицкого, кн. восточной Галиции 188, 193

Эгидий, архидьякон ленчицкий 181
Эгидий, еп. мутинский 124
Эгидий св., аббат 76, 79

Юлий Цезарь, римский полководец 60
Юлия, жена Лешка III (легенд.) 60, 61

Ядвига, жена Владислава Одонича 163
Ядвига св., жена Генриха I Бородатого 152, 153, 180, 192
Яков, легат папский 159
Яков I, архиеп. гнезненский 109
Якса, кн. Сорабии см. Якса из Мехова
Якса, сын Лешка III (легенд.) 61, 64
Якса из Мехова, можновладец 107, 116
Ян, потомок Яфета (библ.) 52, 54
Ян, декан познаньский 190, 191
Ян, еп. познаньский, элект 191, 192
Ян, маркграф бранденбургский 198, 200
Ян, архидьякон познаньский 167
Ян Лодзя, еп. познаньский 197
Ян Чапля, схоластик плоцкий 153
Янислав 53
Янко, каштелян калишский 200
Януш, архиеп. гнезненский 181, 187, 190, 191
Ярослав, сын Болеслава Высокого, кн. силезский и вроцлавский 132

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Алеманья 94, 99, 110
Альба (Бялогард) 85
Альтенбург 111—112, 118
- Бавария 60, 61, 117
Бардвик 64
Берестье 122
Бехов 151, 161, 164, 168
Бнин 151, 161, 168
Богемия 87, 111, 151, 171
Богемия (Чешское королевство) 54, 78, 94
Болель 65
Болеславич 194
Бранденбург 64, 162, 185, 194, 200
Бремен 54, 64, 67
Бруншвик 69
Бук 179
Буковец 54, 64
Булга см. Волга
Бургундия 55
Быдгощ 195
Бытом 91, 163, 164
- Вавель 56
Вандал см. Висла
Варна р. 64
Варта р. 110, 158, 169, 196
Вельнь 88, 200
Велунец см. Волин
Венгрия 55, 64, 71, 78, 87, 98, 102, 104, 110, 123, 126, 146, 152, 154, 155
Верла 65
Вестфалия 61, 67
Видава р. 171
Висла р. 54, 56, 57, 145, 152, 153, 185
Вислица 97, 100—102, 140, 154
Витербо 192
Вкра р. 55, 64
Владимир 131
Влень 175
Волга р. 53
Волин 60, 65
Вологощ (Вольгаст) 65
Вроцлав 77, 78, 93, 108, 112, 118, 159, 168
- Вышеград 156, 198
Вышимир (Висмар) 64, 65
- Галиция 81, 103, 134—136
Галич 122, 123
Гам см. Гамбург
Гамбург 54
Гансава (Гонсава) 147, 151
Гданьск 118, 198, 199
Германия 54
Геч 161, 164, 168
Гловна р. 110
Глогов 91, 118, 163, 177
Гнезно 56, 106, 118, 121, 146, 149, 151, 161, 164, 168, 169, 179, 181, 191
Гоболя р. 64
Голзация 64
Готальрик (Готланд) 55
Губин 169
Гурка 175
Гуттал см. Одра
Гыля р. 64
- Дакия см. Дания
Дален (Даленберг) 64, 65
Далмация 53
Дания 94, 95
Древенца (Дрвенца) р. 152
Древина 64
Джень 167, 192, 197, 200, 202
Длугоседло 188
Доложа р. 64
Драва р. 196
Дунай р. 54, 64, 67, 72, 155
Дуппин 194
- Енджеёв 148
- Житава 162
Жнин 147, 190
- Завихост 145, 148, 194
Заришов 158
Збоньшин (Збоншин) 156, 159, 165, 166
Званово (Шван) 65
Згожелец см. Бранденбург

Ива р. 196
Иерусалим 114
Израиль 115
Илов 65
Иновроцлав 181, 198
Калиш 106, 108, 141, 146, 157,
158, 168, 182, 183
Каринтия 54, 64, 67
Кашов 65
Кашубия 64
Кельцы 149
Киев 67, 68, 71, 132
Киево 197
Клецко 168
Клония (Клонов) 183
Клюни 54, 69, 70
Козлово 160
Козлы 82
Копаница 158
Кошалин 86
Краков 56, 79, 98, 106, 110, 117,
124, 131, 133, 134, 137, 139,
140, 143, 144, 147, 149, 151,
154, 194, 195, 196
Кробия 150
Кросно 164
Крушвица 61—63, 78, 90, 195
Ксонж 96
Кужелов 170
Кцыня 174
Лаба (Эльба) р. 54, 64, 67, 69
Ланка 158
Легница 154, 177
Ленд 115
Ленчица 106, 144, 154, 159, 171,
180, 181, 187
Лион 160
Лович 153
Ломбардия 55, 182
Луна см. Луненбург
Луненбург (Люнебург) 64
Любек см. Буковец
Люблин 106
Любово (Мекленбург) 65
Любуш 60, 91, 152, 161, 162,
165, 166, 194, 196
Лысая Гора 106
Марлов 65
Марцинково 147
Мендзыбоже (Магдебург) 64
Мендзыжеч 80, 158, 194, 196,
197
Мессана 168—170

Меца р. 64
Микленбург см. Любово
Модже 189
Мозгава 132
Мозгава р. 132
Морава р. 64, 71
Моравия 72, 80, 82, 83, 151
Мосина 158
Мстов 108
Мыслибож 197, 198

Нагродницы 194
Накло 89—91, 147, 152, 156,
161, 164, 172—175
Неслуш 191
Нотець р. 196

Обра р. 158
Одра р. 54, 64, 158, 163, 171,
196
Олешница 170, 171
Опатов 170, 183
Ополье (Ополе) 112, 129, 146,
154
Осса р. 152
Остров (Гюстров) 65
Остров 161

Пакощ 183
Паннония, прародина славян
(легенд.) 52, 54, 55
Паннония см. Венгрия
Париж 69
Персия 60
Песье Поле 94
Пиана р. 64
Плоцк 112, 186
Победзиска 168
Познань 67, 106, 109, 110, 146,
161, 163, 169, 179, 183, 188,
189, 202
Полань 51
Прандоцин 148
Прованс 76
Просна 158, 194
Пруссия 156, 159, 186
Пшешмент 155, 158
Пшемислав (Пренцлау) 55
Пыздры 168, 191

Рания см. Ругия
Расция (Рашка) 53
Рацибуж (Ратцебург) 64
Рацибуж (Рацибор) 111, 117,
149
Рачонж 172, 173

Рейн р. 54, 99
Рекница (Рекниц) р. 64
Рим 60, 69, 108, 153
Розпша 159
Росток 65
Ругия 64, 115
Руден (Руда) 162, 168, 181,
194
Русь 67, 68, 71, 96, 102, 103,
108, 115, 122, 124, 134, 135,
144, 145, 154, 170, 184

Саба (Сава) р. 53
Саксония 61, 69, 70, 115, 117,
118
Сандомир 106, 108, 140, 144,
148, 149, 154, 156, 170, 184
Санток 80, 157—159, 185, 192,
193, 196—198
Сара р. 72
Саргавица 156
Северное (Балтийское) море
54, 55, 56, 61, 64, 67
Сепно 158
Серадз 106, 144, 154, 171, 187
Сербия (в Полабье) 53, 64, 107
Сервия см. Сербия
Сецехов 106, 148
Скала 194, 195
Сканц (Скандинавия) 55
Скожев 190
Скржина (Скшинно) 108
Славно 167
Славония 60, 64
Слупск 182
Сорабия см. Сербия 182
Солава (Заале) р. 67
Солец 167
Спицимеж 89, 159
Справа р. 64
Стржельно 108
Стжельце 200

Суда р. 64
Суленч 194, 196
Сулкова Кробия 150
Суходол 156, 158
Сулейов (Сулеев) 108

Тевтония 55
Тисса 64, 67, 71
Травна 54, 64
Тшебешеве (Трибзес) 65
Тшебница 171
Тынец 98
Тюрингия 61, 67

Устье (Уйсце) 146, 152, 161,
164

Хелм (Хелмно) 156

Цыбина 110

Чарнков 161, 164
Червинск 108
Чернелин 170, 171, 179, 189,
194
Чехия см. Богемия
Чешин 65
Чешнина 54

Шверин 64
Шлезвиг 54, 64
Шрем 151, 152, 161, 164
Шрода 168, 169
Шродка см. Шрода

Щецин 201

Юлий см. Любуш
Юлин см. Волин

Яздово 188

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Великопольская хроника	51
Комментарии	203
Список сокращений	251
Именной указатель	252
Географический указатель	258

**«ВЕЛИКАЯ ХРОНИКА»
О ПОЛЬШЕ, РУСИ И ИХ СОСЕДЯХ
XI—XIII вв.**

Зав. редакцией Н. М. Сидорова
Редактор И. А. Барам
Художник В. К. Бисенгалиев
Технические редакторы Н. И. Матюшина,
К. С. Чистякова
Корректоры И. А. Мушникова,
Л. А. Кузнецова

ИБ № 2522

Сдано в набор 28.10.86.
Подписано в печать 03.06.87.
Л-63258 Формат 84×108/32.
Бумага тип. № 3
Гарнитура литературная. Высокая печать.
Усл. печ. л. 13,86 Уч.-изд. л. 15,47.
Тираж 40 000 экз. Заказ 525
Изд. № 4210 Цена 1 р. 10 к.

Ордена «Знак Почета» издательство
Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ.
119899, Москва, Ленинские горы

В 1988 году
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЫИДЕТ В СВЕТ КНИГА:

Левандовский А. А.

Т. Н. Грановский в русском общественном движении 1988. — 18 л. — (В пер.): 2 р. 30 к.

Монография посвящена одному из самых ярких общественных деятелей России середины прошлого столетия. Опираясь на биографию выдающегося историка, блестящего лектора, автор воссоздает эпоху, справедливо названную современниками «замечательным десятилетием», показывает истоки и пути формирования новых общественных сил — западничества и славянофильства, определяет их место в борьбе с официальной идеологией, дает широкую картину идейной борьбы в Московском университете. В книге приведены выразительные характеристики друзей и соратников Т. Н. Грановского — А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. В. Станкевича, его противников и оппонентов — М. П. Погодина, С. П. Шевырева и др.

Для специалистов-историков и читателей, интересующихся отечественной историей.

В 1988 году

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЫИДЕТ В СВЕТ КНИГА:

Дрбоглав Д. А.

Камни рассказывают... Эпиграфические латинские памятники. XV — первая половина XVII в. (Москва, Серпухов, Астрахань) 1988. — 6 л.: ил. — 90 к.

Монография — первый в историографии опыт исследования всех надписей латинского алфавита на надгробиях и архитектурных памятниках (Спасская башня Московского Кремля, церковь Вознесения в Коломенском и др.). Автор дает реконструкцию текстов на пяти западноевропейских языках, вводит в научный оборот значительное число новых источников, предлагает свое истолкование надписей. В книге сделаны выводы о национальном, конфессиональном и социальном составе иноземцев в Москве XVI в. Данные некоторых надписей расширяют возможности дальнейшего поиска библиотеки Ивана Грозного.

Для специалистов-историков, филологов и читателей, интересующихся отечественной историей.

К сведению читателей!

Оформить заказы на книги Издательства Московского университета можно в местных книжных магазинах, а также в магазинах — опорных пунктах Издательства по адресам:

117296, Москва, Ломоносовский проспект, 18, магазин № 110 «Университетская книжная лавка» (для москвичей)

117168, Москва, ул. Кржижановского, 14, магазин № 93 «Книга — почтой»

252001, Киев, ул. Крещатик, 44, магазин № 12 «Книги»

630090, Новосибирск, ул. Ильича, 6, магазин № 2.

Заказы оформляются на специальных почтовых открытках. Не забывайте, пожалуйста, указывать обратный адрес с почтовым индексом.

„ВЕЛИКАЯ ХРОНИКА“ О ПОЛЬШЕ, РУСИ И ИХ СОСЕДЯХ